

Заметки к родословной Е.П. Блаватской

II

Петр Алексеевич Ган

Признаюсь вам, друг мой, что нет в жизни ничего лучшего, нежели находить утешение и счастье в вещах и в людях, которых любила с детства. Такое не умирает, оно остается бесконечно жить в вечности.

Е.П. Блаватская. Из письма к Н.А. Фадеевой

Отец Елены Петровны Блаватской – потомственный дворянин, третий сын генерал-майора Алексея Федоровича Гана¹ и Елизаветы Максимовны, урожденной фон Прёбстинг, офицер русской армии, полковник, отдавший конной артиллерии тридцать лет своей жизни, участник Русско-турецкой войны 1828–1829 годов и Польской кампании 1831 года, Георгиевский кавалер.

Родился Петр Алексеевич Ган в 1798 году². Отец его, на тот час полковник, командовал Екатеринбургским гренадерским полком, именовавшимся тогда Псковским, а затем Гренадерским генерал-майора Остен-Сакена полком³. В июле 1799 года А.Ф. Ган вышел в отставку с чином генерал-майора⁴. Он отсутствовал в армии почти полтора года и вернулся в строй только в 1801 году, получив назначение комендантом Каменец-Подольской крепости⁵.

Пост этот занимал генерал-майор Е.Ф. Комаровский, участник Итальянского и Швейцарского походов А.В. Суворова⁶. Охлаждение Павла I к Суворову отразилось и на Комаровском – опального графа сослали подальше от столицы и двора. Но Александр I, нуждаясь в доверенных лицах, вернул его в Петербург и зачислил в свою свиту генерал-адъютантом. Об этих событиях Е.Ф. Комаровский рассказал в мемуарах, не забыв упомянуть и генерала Гана:

«Я получил 10-го мая 1801 года, из Петербурга, высочайший приказ, отданный при пароле апреля 17, в котором на место мое назначается генерал-майор Ган, а мне повелено состоять по армии; а от 22-го того же месяца предписано от великого князя Константина Павловича, чтоб я сдал крепость назначенному на мое место комендантом генерал-майору Гану, а по сдаче рапортовать его высочеству и государственной военной коллегии. <...> Я прожил в Каменце около трех недель в ожидании моего преемника. По приезде генерал-майора Гана, я сдал ему крепость в три дня и, распростясь с моим добрым начальником Андреем Григорьевичем Розенбергом, полетел в Петербург»⁷.

¹ В литературе о Е.П. Блаватской имя ее деда, генерала Алексея Гана, встречается с разными отчествами. В российских официальных источниках он именуется как Алексей Федорович Ган.

² Дело об увольнении от службы командира конноартиллерийской легкой № 6 батареи подполковника Гана. РГВИА, ф. 395, оп. 36, д. 33 (Предоставил А.Д. Тюриков); База данных Э. Амбургера об иностранцах, живших и работавших в дореволюционной России; *Шумков А.А. Хотилицкие Ганы // КАРАМЫШ: Краеведческий и исторический альманах. М.: ООО «Старая Басманная», 2012.*

³ Полк сформирован в 1756 г. и за свою многолетнюю историю не раз менял название, окончательно утвердился как Екатеринбургский гренадерский в 1801 г., лейб-гренадерским назван в 1855 г. (Военная энциклопедия Сытина. Т. IX. СПб., 1912; *Шенк В.К. Гренадерские и пехотные полки. СПб., 1909).*

⁴ При отставке офицеры часто награждались следующим чином. Так, полковник А.Ф. Ган отставлен от службы 22 июля 1799 г. генерал-майором (Копии с Высочайших Его Императорского Величества Приказов, отданных в С.Петербурге 1799 года. СПб., 1816; Московские ведомости. 1815. № 24; База данных Э. Амбургера; *Шумков А.А. Хотилицкие Ганы).*

⁵ Всевысочайшие приказы, отданные в присутствии е.и.в. государя императора. СПб., 1802.

Каменец-Подольский – центр Подольской губернии, ныне город в Хмельницкой области (Украина), историко-архитектурный заповедник, внесен в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

⁶ Комаровский Евграф Федотович (1769–1843) – комендант Каменец-Подольской крепости (1800–1801), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, основатель и первый начальник корпуса внутренней стражи; автор мемуаров «Записки графа Е.Ф. Комаровского».

⁷ Из записок гр. Е.Ф. Комаровского // Русский архив. 1867. № 4.

Итак, генерал-майор А.Ф. Ган вступил в должность и обосновался в Каменец-Подольске на долгие годы (1801–1814)¹. А раз так, то и семья последовала за ним.

О жизни в крепости Комаровский сообщал кратко: «Мы в Каменце жили довольно весело; у нас бывали иногда балы»². А Константин Батюшков³, известный поэт, служивший там же в 1815 году, говорил о скуке и весьма скромном обществе, что, впрочем, понятно – отгремевшая недавно война разделила время и людей на «до» и «после». «Общества здесь никакого, кроме офицеров, незнакомых лиц»⁴, – писал Батюшков своим родным. – «Вот шесть недель, что я здесь, а ни одного слова ни с одной женщиной не говорил, вы можете посудить, какое общество в Каменце. Кроме советников с женами и с детьми, кроме должностных людей и стряпчих, двух или трех гарнизонных полковников, безмолвных офицеров <...> – ни души. Есть театр; посудите, каков он должен быть: когда идет дождь, то зрители вынимают зонтики. Ветер свищет во всех углах и с прекрасным пеньем актрис и скрипкою оркестра производит гармонию особенного рода»⁵.

В 1793 году бывшая столица Подольского воеводства вошла в состав Российской державы, «Каменец-Подольск сделался губернским городом и был зачислен в число штатных крепостей как конечный опорный пункт на юго-западной российской границе»⁶. Когда-то мощная, крепость эта отличалась и своим естественным положением, и фортификационным строением. Состояла она из замка и городских укреплений. Со временем «крепость совсем утратила свое значение, особенно когда к России присоединили Бессарабию, и границы Турции были отодвинуты далеко на юг»⁷. «Каменецкая крепость во время владычества Польши служила местом заключения на всю жизнь важнейших преступников. <...> Император Александр в 1812 году повелел упразднить ее: современные успехи военного искусства уже уменьшили тогда древнюю славу ее неприступности»⁸. Укрепления были скрыты, и крепость начали использовать для размещения гарнизона, а позже и как тюрьму. Но по-прежнему она впечатляла, дышала историей, будила воображение.

«Здесь, в Каменце, – писал Батюшков, – я вижу развалины замка и укреплений турецких, польских и русских; прогуливаюсь по ветхим бастиянам и замечаю их живописные стороны. Виды развалин старой крепости и новых укреплений прелестны. Это большие башни, остроконечные, полуразрушенные, поросшие мохом и полынью, весьма высокою в полуденных краях; укрепления, раскаты, окруженные или, вернее сказать, опоясанные быстрою рекою, которая в иных местах образует красивые водопады и шумом и сверканием волн смягчает угрюмость воинскую и однообразие крепостного строения. <...> Целые часы я стою, облокотясь на зубцы башенные, и взоры мои с неизъяснимою радостью скользят по крутизне каменной стены или бродят по волнам кипящего Смотрича. Несколько раз стены сии переходили из рук в руки. Турки брали их у поляков, поляки у турок, и, наконец, русские отбили их у гордых республиканцев. Повсюду древние следы войны и времени. Там ядро оторвало край стены, здесь врезалось в камни и заросло плющом. Укрепления сии часто были осаждаемы смелым и беспокойным Хмельницким, который, в смутные времена республики, внезапно являлся в Подолии, разорял цветущие села и

¹ Списки генералитету по старшинству на эти годы. В список генералитету на 1813 г. генерал-майоры не включены, среди генерал-лейтенантов А.Ф. Ган не числится.

Тот факт, что отец П.А. Гана имел чин генерал-лейтенанта, как следует из воспоминаний А.М. Фадеева, не подтверждается (Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг. Одесса, 1897). Также не подтверждается ссылка в некоторых источниках на то, что А.Ф. Ган получил чин генерал-лейтенанта при отставке. Он оставался на службе до конца жизни. Кроме того, чин генерал-лейтенанта при отставке в 1-й четверти XIX в. получить было нельзя (Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003).

² Из записок гр. Е.Ф. Комаровского.

³ Батюшков Константин Николаевич (1787–1855) – поэт-лирик, в 1815 г. адъютант Каменец-Подольского военного генерал-губернатора А.Н. Бахметева.

⁴ Сочинения К.Н. Батюшкова. В 3 т. Т. 3. СПб., 1886.

⁵ Там же.

⁶ Военная энциклопедия. В 18 т. Т. 12. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1912.

⁷ *Січинський С.* Оборонні замки Західного Поділля XIV–XVII ст. (Історично-археологічні нариси). К., 1928.

⁸ Памятная книжка Подольской губернии на 1859 год. Каменец-Подольск, 1859.

плодоносные берега древнего Тираса¹, осаждал Каменец, грозил Варшаве и исчезал, как призрак. На дальних холмах, за рекою, стояло его войско, усиленное толпами татар. Сколько воспоминаний исторических!...»²

Вот в такой легендарной крепости на берегу реки Смотрич, притока Днестра, вероятно, и прошло раннее детство Петра Алексеевича Гана. И не только его. Семья была многодетная – по смерти генерала осталось восемь детей³.

* * *

Воспитанные в воинской среде, все сыновья А.Ф. Гана избрали и для себя военную карьеру. По традиции той эпохи «не служить офицером хотя бы какое-то время для дворянина считалось неприличным»⁴. И как показало недалекое будущее, это общее стремление доказать верность отчеству оправдалось сполна. Наполеоновские войска все ближе подходили к российским границам. Кто не спорил тогда о могучем покорителе народов? Война была у порога, ее ждали и к ней готовились.

Со времен Петра I вплоть до начала XIX века гвардия оставалась главным источником пополнения офицерского корпуса. Считалось, что будущий офицер обязан прослужить какое-то время в строю в нижних чинах и получить опыт действительной службы. Пройдя путь от рядового до унтер-офицера в одном из гвардейских полков, молодые дворяне производились в офицеры и направлялись в армию. Так, старшие сыновья А.Ф. Гана, Егор и Александр, начали службу в лейб-гвардии артиллерийском батальоне, а в 1812 году были выпущены из юнкеров прапорщиками в артиллерийские роты⁵.

Кадетские корпуса и училища выпускали своих воспитанников в основном с правами на производство, а не офицерами. Офицерами становились выпускники Сухопутного кадетского корпуса, но не все: часть выпускалась прапорщиками, часть – унтер-офицерами, зато отличники могли получить сразу чин подпоручика и даже поручика. То же касалось Военно-сиротского дома и Шкловского благородного училища. Но это не относилось к Пажескому корпусу, все питомцы которого выпускались офицерами⁶.

Статус и заслуги генерал-майора А.Ф. Гана давали право его сыновьям на получение образования в элитном Пажеском корпусе. Первым в корпус зачислили Петра, а позже – его младших братьев, Густава и Ивана⁷.

Так в судьбе Петра Алексеевича Гана произошло первое важное событие. Вступительные испытания закончены, волнения позади. И вот он в темно-зеленом мундире с вызолоченными пуговицами, в треугольной офицерской шляпе... Теперь жизнь Петра Алексеевича надолго будет связана с Пажеским корпусом и Петербургом⁸. Как раз к этому времени «корпус сей образовался во всех частях по правилам нового учреждения, и с успехом доведен до надлежащей исправности»⁹.

¹ Тирас – греческое название р. Днестр.

² *Батюшков К.Н.* Воспоминание мест, сражений и путешествий // К.Н. Батюшков. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977.

³ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг. Одесса, 1897.

В семье А.Ф. и Е.М. Ган было 3 дочери и 5 сыновей – Егор, Александр, Петр, Густав, Иван.

⁴ *Волков С.В.* Русский офицерский корпус.

⁵ По сведениям С. Львова, автора интернет-проекта «Офицеры 1812 года», Е.А. Ган 1-й и А.А. Ган 2-й 15 марта 1812 г. произведены в прапорщики и направлены в 9-ю артиллерийскую бригаду (Ган 1-й – в 9-ю батареиную роту, Ган 2-й – в 16-ю легкую роту).

⁶ Производство всех выпускников кадетских корпусов и училищ в офицеры установлено в 1830 г. Но и в дальнейшем выпускники кадетских корпусов и училищ начинали службу с чинами разных классов – в зависимости от успехов в учебе (по разрядам). Вплоть до начала XX в. худшие воспитанники выпускались унтер-офицерами, а не офицерами (*Волков С.В.* Русский офицерский корпус).

⁷ *Милорадович Г.А.* Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества корпуса. 1711–1875. К., 1876; *Левшин Д.М.* Пажеский Его Императорского Величества корпус за сто лет. 1802–1902. Т. 2. СПб, 1902; *Фрейман О.Р.* Пажи за 185 лет (1711–1896). Биографии бывших пажей с портретами. Фридрихсгамн, 1894–1897.

⁸ Срок обучения в корпусе составлял 7 лет: 5 – общий курс и 2 – специальный (*Волков С.В.* Русский офицерский корпус). Однако в конкретных случаях определить этот срок на основании материалов по истории Пажеского корпуса не представляется возможным. Год поступления в них, как правило, отсутствует. В зависимости от уровня образования юноша мог начать курс не с начального класса. Например, декабрист П.И. Пестель (1793–1826) зачислен в корпус в 1810 г. сразу в 4-й класс, в тот же год произведен в камер-пажи и выпущен первым учеником в 1811 г.

⁹ *Милорадович Г.А.* Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества корпуса.

«Красивое слово “паж”, – отмечал историк В.И. Сахаров, – пришло в Российскую империю из средневековья, из романтического мира рыцарей и крестовых походов, воспетого В.А. Жуковским. Оруженосцы и пажи в боях и замках королей и сеньоров учились быть рыцарями, это была целая наука, военная, придворная, полководческая, воспитывающая разум и чувства юноши. Ввел у нас это звание Петр Первый, создатель русской гвардии, знавший, что хороших генералов нельзя назначить императорским указом, их надобно вырастить и воспитать. Пажом начал свою карьеру граф И.И. Шувалов¹, просвещенный фаворит императрицы Елизаветы и вольный каменщик, друг Вольтера, задумавший создать в России особую закрытую школу для юношей из знатных семей. <...>

Цель этого “тихого и честного” обучения – без наказаний и грубых слов (они “непристойны для дворянина”) завоевать “доверенность молодых людей”, “пажей истинными патриотами и братьями сделать, дабы все те господа пажи, несмотря ни на кого, один перед другим ни зависти, ни преимущества не имели”. Пажам преподавали не только математику и фортификацию, но и изящную словесность, иностранные языки, геральдику, верховую езду, фехтование, танцы, рисование, музыку, а позднее бокс и теннис. То есть учили “человеческим наукам” и “общему жительству”. Превыше всего ценились “дары духа и нрава” – честь, благородство, верность, товарищество»².

Как чисто военное учебное заведение Пажеский корпус стал существовать после реформы 1802 года. Поначалу он располагался на Фонтанке, а в 1810 году пажи переехали в бывший дворец графа М.И. Воронцова на улице Садовой. Там они и размещались добрых сто лет, вплоть до 1917 года³. Строительство едва не разорило графа, и он продал дворец в казну. Император Павел I пожаловал Воронцовский дворец Мальтийскому рыцарскому ордену Святого Иоанна Иерусалимского.

«Снаружи на Садовую улицу глядел стильный фасад “барокко” – творение Растрелли-отца, – писал один из пажей, – а по обратную сторону асфальтовый дворик отделял здание Корпуса от католической церкви Мальтийских рыцарей времени Павла I. Присутствие этой церкви привело к тому, что пажи присвоили себе девизы этих рыцарей, их красивый белый крест как эмблему Корпуса и стальное кольцо, подбитое золотом, эмблема кольца была: “Тверд как сталь, чист как золото”»⁴.

«Пажи получили прекрасные классы и лаборатории, дортуары, цейхгаузы для обмундирования и оружия, обширную библиотеку, домовую православную церковь, Георгиевский и Белый парадные залы, где были портреты лучших воспитанников и мраморные доски с их именами, списки Георгиевских кавалеров и погибших в войнах. Попечителем корпуса стал генерал Ф.М. Клингер⁵, выдающийся немецкий писатель, в молодости вольнодумец, масон и друг Гете. Постепенно собрался архив, появился и музей корпуса. Здесь учились и будущие писатели – от поэта Е.А. Баратынского до прозаика и критика А.В. Дружинина. Так сложились традиции уникального закрытого военно-учебного заведения, давшего России (и не ей одной) столько полководцев и государственных людей, просто храбрых, преданных и образованных офицеров и генералов»⁶.

¹ Шувалов Иван Иванович (1727–1797) – государственный деятель, обер-камергер, генерал-адъютант, меценат, основатель и куратор Московского университета (1755), основатель и первый президент Академии художеств (1757), один из покровителей М.В. Ломоносова.

² Сахаров В. Русское масонство в портретах. М.: ООО «АиФ Принт», 2004.

³ 1-го мая 1917 г. приказом Временного Правительства Пажеский корпус закрыли и в Воронцовском дворце разместился клуб партии левых эсеров. В годы Гражданской войны здесь находились курсы комсостава Красной армии, в 1920–1930 гг. – пехотное училище им. Кирова, а во время Великой Отечественной войны – военный госпиталь. С 1955 г. в здании Пажеского корпуса располагается Санкт-Петербургское (Ленинградское) суворовское военное училище.

⁴ Геруа Б.В. Пажеский Корпус в конце XIX века // Кадетская перекличка: Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом. Нью-Йорк. 2006. № 77.

⁵ Клингер Федор Иванович (Фридрих Максимилиан) фон (1752–1831) – немецкий поэт и драматург, представитель литературного движения «Буря и натиск», названного по его одноименной драме «Sturm und Drang», с 1780 г. на русской службе, генерал-лейтенант, шеф Пажеского корпуса, попечитель Дерптского университета.

⁶ Сахаров В. Русское масонство в портретах.

Граф Г.А. Милорадович¹, собравший материалы по истории Пажеского корпуса, свидетельствовал: «...Пажи усваивали себе все идеи, все стремления, господствовавшие в их время в кругу высшего и образованнейшего общества, и по выходе на службу, вносили в среду их окружавшую эти просветительные идеи и передовые стремления вместе с большою мягкостью нрава и облагороженным характером. Короче сказать, пажи были в течение полутора века верными слугами отечества, с честью подвизавшиеся на различных поприщах государственной службы»².

Александр I любил и «принимал близко дело воспитания корпуса; главный его начальник генерал-майор Клиnger получал ежегодно рескрипты, из которых видно, что Государь рассматривал его отчеты и изъявлял свою благодарность всем членам корпуса, содействовавшим успеху заведения»³.

О царивших в корпусе нравах красноречиво говорят воспоминания бывших его питомцев. Один из них писал: «С каким благоговением вспоминаю я тебя, родной Корпус, давший мне возможность провести счастливые годы моей молодости в твоих стенах, где духовно сияла святая крестообразная эмблема, завещанная нам предшественниками в этих же родных стенах»⁴.

В Пажеском корпусе, вспоминал бывший паж, было нечто, «чего ни в одном корпусе не было: во-первых, старые традиции, сформировавшиеся не потому только, что мы следовали заветам Мальтийских рыцарей, но еще и по другой причине. Более полвека здесь собирались, учились и воспитывались дети высших чинов Русской армии – генералов, т.е., иначе говоря, юноши, имевшие некоторую самоуверенность в своих родителях. <...> Вот эта уверенность в неподкупной порядочности наших дедов, отцов и воспитателей в течение более пятидесяти лет конденсировалась под крышею Пажеского Корпуса, и вот этот дух, эта уверенность и воспитывала нас невидимо; этот дух подсказывал инстинктивно каждому пажу, что порядочно и что не порядочно»⁵.

«В Пажеском воспитывались годами, и поэтому это кастовое военно-учебное заведение накладывало на своих питомцев совсем особую печать утонченного благообразия и хорошего тона. <...> В Пажеском корпусе специальным наукам отводилось должное место, и надо сознаться, что именно из пажей выходили, пожалуй, наиболее культурные офицеры русской армии. Молодые люди, попадавшие в Пажеский корпус, с юных лет соприкасались с придворной атмосферой. <...> Само собою понятно, что такое привилегированное положение пажей и их соприкосновение с великими мира сего исключали с их стороны всякую возможность проявления “дурного тона”, забуддыжничества или бросающегося в глаза солдафонства. Тут требовалась утонченность манер – прежде всего. <...> Пажи были крепко сплочены между собой. Перед производством в офицеры весь выпуск заказывал себе одинаковые скромные золотые кольца с широким стальным ободом снаружи. Сталь этих колец служила эмблемой крепкой (стальной) спаянности и дружбы не только всего выпуска, но и вообще всех лиц, когда-либо окончивших Пажеский корпус и имеющих на пальце подобное колечко»⁶.

Из класса в класс пажи переводились по результатам экзаменов, оценки выставлялись по многобалльной системе. В 1810 году штат корпуса «был рассчитан на 50 пажей и 16 камер-пажей»⁷. «Сроков службы камер-пажей и пажей не было установлено, точно так же, как не был определен и возраст, в котором дети жаловались званием пажа. <...> Это кажется

¹ Милорадович Григорий Александрович (1834–1905) – генерал-лейтенант, сенатор, историк, выпускник Пажеского корпуса 1857 г.

² Милорадович Г.А. Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества корпуса.

³ Там же.

⁴ Гудим-Левкович П.П. Три мраморные доски Пажеского Его Императорского Величества Корпуса // Кадетская перекличка: Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом. Нью-Йорк. 2006. № 77.

⁵ Редберг Ф.П. Неподкупная порядочность // Кадетская перекличка: Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом. Нью-Йорк. 2006. № 77.

⁶ Трубецкой В.С. Записки кирасира: Мемуары. М.: «Россия», 1991.

Противоположного мнения о товариществе и братстве выпускников Пажеского корпуса придерживался бывший камер-паж П.М. Дараган (Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Феодоровны. 1817–1819 // Русская старина. 1875. № 4–5).

⁷ Волков С.В. Русский офицерский корпус.

не столько зависело от степени усердия к службе пажа, сколько от его возраста. Средний срок службы пажем можно положить в 6-ть лет; камер-пажем 4 года. Таким образом вся придворная служба молодых дворян равнялась 10 годам. При этом должно заметить, что не все проходили оба звания: очень многие пажи, не быв камер-пажами, прямо выпускались от Двора в военную службу»¹. Причем, «с 1811 г. всех стали выпускать с первым офицерским чином, камер-пажей в гвардию, а пажей – в армию»².

«В 1812 году, во время отечественной войны, был усиленный выпуск в офицеры. Высочайшим повелением 24 июня велено было произвести экзамен всем пажам, кои по летам и телесному сложению окажутся способными вступить в военную службу. <...> 27 августа, на другой день Бородинского сражения, произведены были в офицеры 37 человек»³.

П.А. Ган в выпуск достопамятного года не попал – не вышел по летам. Но среди участников войны 1812 года находим имена его старших братьев Егора и Александра⁴. Петру Алексеевичу предстояло учиться еще три года, прежде чем наступила торжественная минута производства в офицеры, одна из тех, которые запоминаются на всю жизнь. Произошло это в 1815 году.

Для выбора места дальнейшей службы имели значение не только успеваемость и финансовые возможности, но и семейные традиции, идейные соображения. П.А. Ган получил направление в полк, которым командовал когда-то его отец.

Об этом событии Петр Алексеевич писал: «В воинскую Вашего Императорского Величества службу вступил я из дворян Лифляндской Губернии, сын Генерал Майора, по выпуску из Пажеского Корпуса Прапорщиком тысяча восемьсот пятнадцатого года февраля двадцать восьмого дня, в Екатеринославский Гренадерский полк, от роду тогда имел семнадцать лет; отправлен из Пажеского Корпуса того же года июля 1-го; прибыл в полк 9-го числа того же месяца»⁵. Но уже 1 августа П.А. Ган переведен в 25-ю артиллерийскую бригаду, к службе в которой он приступил в мае 1816 года⁶. Так начались армейские будни, назначения и странствия по заштатным городам и местечкам юго-западных губерний. Отныне Петр Алексеевич будет числиться по конной артиллерии как Ган 3-й, а старшие братья под первыми номерами: Егор Алексеевич – Ган 1-й, Александр Алексеевич – Ган 2-й.

В каких же войсках предстояло служить молодому офицеру?

Артиллерия в армии всегда находилась на особом положении. Так и самостоятельная конная артиллерия со дня своего основания в 1794 году «стала модным войском. Петербургский beau-monde приезжал смотреть на конно-артиллерийский строй. <...> В конную артиллерию были назначаемы офицеры, которые приобрели военную репутацию, георгиевские кавалеры, люди с протекцией и красавцы»⁷. Еще в кампанию 1806–1807 годов русская конная артиллерия, набирая боевой опыт, убедилась, «что она смело может бороться с французской. <...> Отечественная война 1812 года застала нашу конную артиллерию вполне готовой к выполнению тех задач, которые выпадают на долю последней в боях, как особого рода оружия»⁸. Во главе бригад стояли «начальники искусные в своем деле и покрывшие себя боевою славой. Имена Ермолова, кн. Яшвиля, Мерлина, Никитина были уже хорошо известны»⁹.

* * *

Формулярный список о службе и достоинстве подполковника Петра Алексеева сына Гана 3-го по состоянию на 1 декабря 1844 года фиксирует основные данные о прохождении им службы, участии в походах и делах против неприятеля, чинах и наградах. Для тех, кто

¹ Милорадович Г.А. Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества корпуса.

² Хазин О.А. Пажи. Кадеты. Юнкера. М.: СП Мысль, 2002.

³ Милорадович Г.А. Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества корпуса.

⁴ Е.А. Ган и А.А. Ган принимали участие в войне 1812 г. в составе 12-ой конной роты.

⁵ Дело об увольнении от службы подполковника Гана.

⁶ Там же. Для переводов в артиллерию требовалось сдать экзамен. Из артиллерии уйти было очень трудно, поскольку артиллерийская служба требовала специальной подготовки и опыта, и император обычно не давал разрешения на такие переходы (Волков С.В. Русский офицерский корпус).

⁷ Потоцкий П. Столетие российской конной артиллерии (1794–1894 г.). СПб., 1894.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

заинтересован в этих сведениях, приводим краткое изложение списка и некоторые данные из личного дела об увольнении от службы.

В 1815 году П.А. Ган начал службу в Екатеринославском гренадерском полку, затем служил в составе 25-й артиллерийской бригады (1816–1819), далее следуют – конноартиллерийская № 1 рота (1819–1821), конная № 2 рота (1821–1822); конная № 27 рота (1822–1824); конная № 28 рота (1824–1830); конная № 18 рота, в 1834 году переименована в батарею № 20 (1830–1836,); конно-батареинная № 25 батарея (1836); образцовая конная батарея (1836–1837); командующий конно-легкой № 6 батареей (1837–1845).

Чины¹: вступил в службу прапорщиком (28 февраля 1815); подпоручик (2 июня 1821); поручик (1 июля 1826); за отличие в сражениях произведен в штабс-капитаны (19 апреля 1831); капитан (8 сентября 1835); за отличие по службе произведен в подполковники (4 февраля 1842); уволен от службы по расстроенному здоровью с награждением чином полковника, с мундиром и за свыше 30-летнюю беспорочную службу с пенсионом полного жалованья (8 февраля 1845)².

Награды³: кавалер орденов Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-го класса за беспорочную 25-летнюю службу в офицерских чинах (5 декабря 1841), Св. Владимира 4-й степени (28 октября 1837) и Св. Анны 3-й степени (11 ноября 1835), имеет знак отличия беспорочной службы за XX лет (22 августа 1840), серебряную медаль за Турецкую войну 1828–1829 годов и Польский знак Отличия за военное достоинство 4-й степени. Кроме того, П.А. Ган многократно удостоивался высочайших благоволений и денежного вознаграждения за службу, за блистательное устройство вверенной ему батарее, точность, быстроту и отличное применение правил боевых порядков на учениях, маневрах и смотрах, за замеченное во всех чинах основательное знание своего дела. Впоследствии П.А. Ган был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени (21 июля 1845), знаком отличия за беспорочную службу за XXV лет (22 августа 1845), за XXXV лет (1856)⁴.

От роду 46 лет. Вероисповедания лютеранского. Телосложения крепкого, темперамента флегматического. Слабым в отправлении обязанностей службы не замечен и беспорядков или неисправностей между подчиненными не допускал. Ранен не был и в плену не находился. Высочайшим замечаниям, выговорам и жалобам не подвергался. Оглашаем или изобличаем в неприличном поведении не был. Языками немецким и французским владеет, артиллерийскую и фортификационную науки знает. По выборам дворянства не служил. Вдов, имеет детей, сына Леонида 3-х и дочерей Елену 11-и и Веру 8-и лет,

¹ Столь «медленное» продвижение по службе П.А. Гана, как это может показаться на первый взгляд, объясняется существовавшим тогда порядком присвоения чинов. До конца XIX в. чинопроизводство офицеров осуществлялось тремя способами: 1) по старшинству на вакансии по полкам; 2) за отличие; 3) за выслугу лет в предыдущем чине. Производство в чины осуществлялось непосредственно императором за исключением «по выбору» начальства как награда за особые отличия (преимущественно на войне). В армии производство в обер-офицерские чины за отличие почти не применялось, ибо для него нужно было прослужить в прежнем чине не менее 3 лет, а для производства за отличие в штаб-офицерские чины – не менее 5 лет. Такое положение ограничивало возможность продвижения по службе наиболее достойным офицерам. Штаб-офицеры производились в следующие чины (подполковника и полковника) не по старшинству, а за отличие на вакансии по всей армии (Волков С.В. Русский офицерский корпус).

² Офицеры, беспорочно прослужившие не менее 10 лет, по выходе в отставку получали право на ношение мундира и награждались следующим чином (Волков С.В. Русский офицерский корпус).

³ Награды жаловались в порядке постепенности – от низших степеней и более младших орденов к высшим степеням и более старшим орденам. Кроме того, для получения следующей награды (за исключением боевых подвигов) должно было пройти не менее 2 лет со дня получения предыдущей, а если за это время был получен следующий чин на вакансию, то 3 года (Волков С.В. Русский офицерский корпус).

⁴ Кроме Дела об увольнении от службы подполковника Гана: Степанов В.С., Григорович Н.Н. В память столетнего юбилея императорского военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия (1769–1869). СПб., 1869; Списки кавалерам Российских императорских и царских орденов и Списки гражданским чинам шестого и пятого класса за эти годы.

«По Высочайшему повелению от 11 апреля 1849 года имена Георгиевских кавалеров помещаются на мраморных досках в Московском Большом Кремлевском Дворце, на стенах Георгиевской залы. В 1849 году здесь были записаны имена всех кавалеров ордена Св. Георгия, со дня его учреждения, и с этого года имена всех пожалованных орденом Св. Георгия сообщаются Капитулом Орденов Начальнику Московского Дворцового Управления, для соответствующих распоряжений. Получившие орден Св. Георгия *какой бы то ни было степени* приобретают потомственное дворянство» (Квадри В., Конаржевский К. Российские императорские и царские ордена. СПб., 1901).

вероисповедания православного. Недвижимого имущества за ним, за родителями его, или, когда женат, за женою, родового или благоприобретенного, нет.

Об участии П.А. Гана в походах и делах против неприятеля сообщалось кратко:

«1828-го года в войну с турками с 25-го апреля за границу в княжествах Молдавии и Валахии и в Булгарии, с 10-го июня по 17-е сентября при блокаде крепости Силистрии, 19-го и 20-го числа того же месяца в сражении при крепости Шумле, с 21-го сентября по 4-е октября при блокаде оной крепости в действительных сражениях и во многих авангардных делах при Турк-Арнаутларе, а потом в обратном следовании через Булгарию и Молдавию в Российские пределы по 27-е октября».

«1831-го года в войну против Польских мятежников января 25-го перейдя границу при м. Цехановец в Царство Польское, февраля 9-го в авангардных делах между Непарентою и Белоленкою, 12-го в сражении при оных, 13-го в сражении и поражении мятежников под Прагою¹ на Гроховских полях, с 27-го февраля по 9-е марта при усиленном движении отдельного Корпуса бывшего под начальством генерал-адъютанта графа Толя с берегов Вепрши через м. Пяски для преследования корпуса Дверницкого и вогнании оного в крепость Замосць, с 12-го по 18-е апреля при фланговом движении армии от г. Седлиц через м. Куфлев к Минску и обратно в окрестности г. Седлиц, апреля 22-го при усиленной рекогносцировке произведенной главными силами армии к Зимноводам, с 30-го апреля при фланговом движении армии от Жукова через Калушин к Ендржеву и обратно в свои лагерь к Жукову по 3-е мая того года».

Война 1828–1829 годов явилась новым этапом в вековой борьбе между Россией и Турцией. Османская империя переживала острый кризис, который усилился в связи с освободительной революцией в Греции. Греки обратились к русским за помощью, и Россия объявила Турции войну. Военные операции начались одновременно на Балканском полуострове и на Кавказе.

Боевое крещение поручик П.А. Ган получил рядом с братом, штабс-капитаном Ганом 1-ым. Оба прошли войну бок о бок в составе конной артиллерийской роты № 28, входившей в 7 корпус II армии². Накануне войны рота располагалась в местечке Шаргород Могилевского уезда Подольской губернии, откуда и отправилась на Балканы. Русские войска перешли Дунай, но затем их главные силы были надолго скованы осадой крепостей Варны, Шумлы и Силистрии. В следующем году русская армия вышла на подступы к Константинополю. Турция запросила мира, и дело завершилось заключением Адрианопольского договора, по которому к России отошло Кавказское побережье Черного моря, Греция получила независимость, а Сербия, Молдова и Валахия – автономию.

За заслуги в боях и проявленную отвагу поручик П.А. Ган удостоился серебряной медали «За Турецкую войну 1828–1829 гг.»³. Через много лет, уже после смерти Петра Алексеевича, доблестную награду принесли в дар его знаменитой дочери Елене Петровне Блаватской, причем самым неожиданным образом. История эта заслуживает внимания.

* * *

Осенью 1874 года во время пребывания в Америке Е.П. Блаватская, как известно, посетила ферму братьев Эдди⁴ близ Читтендена в штате Вермонт. На ферме постоянно собирались самые разные люди с целью увидеть медиумические феномены. Среди гостей

¹ Прага – исторический район, предместье Варшавы. 13 февраля 1831 г. русская армия под предводительством генерал-фельдмаршала Дибича-Забалканского, разбив войска мятежников в сражении на поле под Гроховом, заняла Прагу. На месте этого кровопролитного сражения по распоряжению Николая I установили памятник. Разрушен в начале 1920-х гг.

² Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. СПб., 1828.

Служба в одной части братьев и других родственников в русской армии всегда поощрялась, ибо это повышало боевую спайку частей (Волков С.В. Русский офицерский корпус).

³ Дело об увольнении от службы подполковника Гана.

Медаль учреждена Николаем I 1 октября 1829 г. для награждения генералов, офицеров и нижних чинов, принимавших участие в боевых действиях. Носилась на ленте Св. Георгия. Было отчеканено около 100000 медалей. В настоящее время квалифицируется как редкая (Изотова М.А. Ордена и медали России и СССР. Ростов н/Д: ООО ИД «Валдис», 2010; Кузнецов А.А. Ордена и медали России. М.: Изд-во МГУ, 1985).

⁴ Братья Эдди, Горацио и Уильям – известные американские медиумы.

находился и полковник Олькотт¹, командированный нью-йоркской газетой «The Daily Graphic» для наблюдения за происходившими явлениями. Дважды в неделю газета печатала его репортажи с подробным описанием феноменов. Эти статьи, как пишет Олькотт, привлекли внимание Е.П. Блаватской и побудили ее приехать в Читтенден². Елена Петровна произвела на полковника неизгладимое впечатление, они познакомились и стали друзьями.

Совершенно особый феномен произошел в октябре того года. Вот что рассказала о нем Е.П. Блаватская в письме редактору «The Daily Graphic»:

«В последний вечер, проведенный у братьев Эдди, духи Джордж Дикс и Мэйфлауер подарили мне серебряную пряжку к орденской ленте, которая была мне слишком хорошо знакома. Цитирую напутствие духов дословно:

“Мы принесли тебе эту орденскую пряжку, ибо считаем, что ты будешь ценить ее больше всего на свете. Ты должна узнать ее – это пряжка от того самого ордена славы, которым правительство наградило твоего отца за Русско-Турецкую кампанию 1828 года. Мы получили ее благодаря твоему дяде, представшему пред тобою сегодня вечером. Мы взяли ее из могилы твоего отца в Ставрополе. Ты узнаешь ее по известной тебе отметке”.

Эти слова прозвучали в присутствии сорока свидетелей. Полковник Олькотт собирается рассказать об этом факте и описать орден и пряжку.

Сейчас эта орденская пряжка хранится у меня, и я знаю, что она принадлежала моему отцу. Более того, я узнала ее по отколотой части – это произошло по моей вине много лет тому назад; но чтобы окончательно развеять все сомнения, скажу, что у меня есть фотография отца (я никогда не брала ее с собой к братьям Эдди, и, следовательно, никто из них не мог ее видеть), на которой четко виден этот орден»³.

«Этот факт для меня слишком свят, чтобы позволить ему стать объектом газетных сплетен, – уточняла Елена Петровна. – Но теперь, дабы навсегда покончить с этим вопросом, я считаю долгом спиритуалиста представить его на суд общественности»⁴.

Вскоре полковник Олькотт действительно описал этот удивительный феномен сначала в газетном репортаже, а затем в одноименной книге «Люди с того света»⁵:

«Когда был потушен свет, в темном круге, Джордж Дикс (некий “дух”, который часто являлся) предложил г-же Блаватской: “Я хочу дать вам доказательство, что происходящие на этом сеансе манифестации настоящие. Мне кажется, что это убедит не только Вас, но и весь скептический мир. Я вложу в вашу руку булавку от ордена, который ваш отважный отец носил при жизни и который похоронили вместе с его телом в России. Его принес ваш дядя, которого вы видели сегодня материализованным”. Я услышал, как вскрикнула г-жа Блаватская; и когда зажгли огонь, мы все увидели, что она держит в руке очень красивую булавку. Придя в себя, она сказала, что эта булавка действительно положена была с ним в гроб вместе со многими другими его орденами, что она ее опознала по сломанному кончику, который она сама нечаянно сломала много лет тому назад, и что по всем данным этот орден вместе с другими орденами и крестами был захоронен с телом ее отца.

Орден, к которому принадлежала эта булавка, был одним из тех, которые покойный царь давал офицерам после турецкой кампании 1828 года. Ордена эти раздавались в Бухаресте, и у многих офицеров были подобные булавки, изготовленные из серебра известными бухарестскими резчиками. Ее отец умер 15 июля 1875 г.*, и так как она в это время была здесь, в Америке, то не могла присутствовать на похоронах. Что касается этого, таинственным образом полученного дара, то у нее было доказательство – фотографическая карточка, снятая с портрета ее отца, выполненного маслом, на котором видна эта самая булавка на орденской ленте и сам орден»⁶.

¹ Олькотт Генри Стил (1832–1907) – американский журналист, писатель, издатель, ближайший сподвижник Е.П. Блаватской, президент-основатель Теософского общества.

² *Мэри К. Нэф*. Личные мемуары Е.П. Блаватской. М.: «Сфера» РТО, 1993.

³ *Блаватская Е.П.* О спиритуализме // Е.П. Блаватская. В поисках Оккультизма. М.: Изд-во «Сфера» РТО, 1996. Письмо опубликовано в газете «The Daily Graphic», New York, Vol. VI, 1874, November 13.

⁴ Там же.

⁵ *Olcott H.S.* People from the Other World // Daily Graphic. New York. 1874. December, 4; *Olcott H.S.* People from the Other World. Hartford, 1875.

⁶ *Мэри К. Нэф*. Личные мемуары Е.П. Блаватской.

Свой рассказ восхищенный Олькотт заключил такими словами:

«Была ли когда-либо “манифестация” более прекрасной, чем эта? Знак, неизвестно как добытый из могилы отца и вложенный в руку его дочери, через пять тысяч миль, через океан! Драгоценный камень с груди воина, спящего своим последним сном в Русской земле, сверкающий при свете свечей в мрачной комнате на ферме в Вермонте! Драгоценный дар из могилы ее самого близкого и самого любимого кровного родственника, как вечное доказательство того, что смерть не может ни разорвать кровные узы, ни долго разделять тех, кто был однажды соединен и желал воссоединиться друг с другом!»¹

В подтверждение реальности феномена Г. Олькотт иллюстрировал репортаж эскизами пряжки в форме сердца и медали, а также зарисованным во время сеанса изображением Густава Алексеевича Гана, дяди Е.П. Блаватской². Рисунок пряжки, как отметил Г. Олькотт, сделан с принесенного дара, а медаль – с фотографии портрета П.А. Гана, хранившейся у его дочери. Надпись к медали «За Храбрость. 1828», по его словам, предоставила непосредственно Елена Петровна.

Насколько внешний вид изображенных регалий соответствует подлинному, сказать трудно. Как и предполагала Е.П. Блаватская, публикация Г. Олькотта не осталась без внимания ее недругов. Но что бы они ни говорили, называя медаль «по виду фантастической»³, история наград России свидетельствует о другом. Медаль «За храбрость» вводилась не раз, а в 1807 году ее учредил император Александр I. На лицевой стороне медали изображался портрет императора, на оборотной – надпись в две строки «За храбрость». Предназначалась она для награждения офицеров за подвиги в сражениях на Кавказе и горцам, воевавшим на стороне России против Персии и Турции. Особенно много награждений медалью «За храбрость» пришлось на период Персидской войны 1826–1828 годов. Не стала исключением и следующая Русско-турецкая война, военные действия которой велись одновременно на Балканах и на Кавказе⁴.

Однако медаль за войну 1828–1829 годов, которой наградили П.А. Гана, имеет другой внешний вид. На лицевой ее стороне помещен лучезарный православный шестиконечный

*В русском издании год смерти П.А. Гана 1875 указан ошибочно – в оригиналах Г.С. Олькотта и М.К. Нэф сказано, что П.А. Ган умер в 1873 г.: «Her father died July 15th, 1873» (*Olcott H.S. People from the Other World. Hartford, 1875; Mary K. Neff. Personal memoirs of H.P. Blavatsky. London, 1937*).

¹ *Olcott H.S. People from the Other World. Hartford, 1875*: «Was there ever a “manifestation” more wonderful than this? A token dug by unknown means from a father's grave and laid in his daughter's hand, five thousand miles away, across an ocean! A jewel from the breast of a warrior sleeping his last sleep in Russian ground, sparkling in the candlelight in a gloomy apartment of a Vermont farmhouse! A precious present from the tomb of her nearest and best beloved of kin, to be kept as a perpetual proof that death can neither extinguish the ties of blood nor long divide those who were once united and desire reunion with one another!»

² *Olcott H.S. People from the Other World // Daily Graphic. New York. 1874. December, 4; Olcott H.S. People from the Other World. Hartford, 1875.*

Под изображением Г.А. Гана надпись: «Count Hahn-Hahn» – «Граф Ган-Ган». Как объяснил Г.С. Олькотт: «Этого джентльмена, умершего в 1861 году, не следует путать с его тезкой и кузеном, графом Густавом Ганом, сенатором, который живет в Санкт-Петербурге в настоящий момент». Сенатором (3-й департамент Правительствующего сената) осенью 1874 г. являлся вскоре скончавшийся тайный советник Евгений Федорович Ган (1807– 6.12.1874) (Адрес-календарь на 1874 г.; Русский биографический словарь. Т. V. М., 1914).

Наличие графского или иного титула у Г.А. и Е.Ф. Ганов не подтверждается списками титулованных родов Российской империи, куда внесены представители другой ветви рода, бароны фон Ган, включенные в матрикул Курляндского дворянства в 1620 г. (Списки титулованным родам и лицам российской империи. СПб., 1892; *Васильевич С. Титулованные роды Российской империи. СПб., 1910*).

³ См.: *Соловьев Вс. «Современная жрица Изида». Мое знакомство с Е.П. Блаватской и «теософическим обществом». СПб., 1893.*

Соловьев Всеволод Сергеевич (1849–1903) – писатель, критик, автор данной книги, содержащей откровенно клеветнические измышления о Е.П. Блаватской.

Говоря о медиуме Д.Д. Юме, побывавшем в конце 1850-х гг. в России, и его статьях-обвинениях против Е.П. Блаватской, Вс. Соловьев писал: «Все это породил, главным образом, появившийся в “Grafic” и в книге Олькотта рисунок медали и пряжки, принесенных Елене Петровне духами из могилы ее отца, г. Гана. Юм доказывал, очень основательно, что в России никогда не кладут в гроб знаков отличия и что медаль и пряжка, к тому же, имеют вид *вполне фантастический*».

⁴ *Изотова М.А. Ордена и медали России и СССР. Ростов н/Д: ООО ИД «Валдис», 2010; Кузнецов А.А. Энциклопедия русских наград. М.: Советское радио, 1998.*

Медаль «За храбрость» существовала и во времена Екатерины II, и при Павле I, и после Александра I.

крест на поверженном полумесяце, слева указан год – 1828, справа – 1829. На обороте в лавровом венке расположена надпись в 3 строки «За Турецкую войну»¹.

А чтобы удостовериться в том, что пряжку с медалью не сняли с отца во время похорон, Е.П. Блаватская извещала русского издателя А.Н. Аксакова: «...Я не была на похоронах у отца. Но у меня в эту минуту на шее висит медаль и пряжка, принесенная мне, и на костре, на смертном одре, на пытке могу сказать только одно – это пряжка отца моего. Медаль не помню. <...> Но я знаю, что если даже главные кресты отца не похоронены с ним, то так как эту медаль... он всегда носил даже в отставке, в полумундире, то ее, вероятно, не сняли... Но я напишу Маркову, который присутствовал на похоронах, и брату в Ставрополь, потому что желаю знать правду...»².

Последние годы своей жизни П.А. Ган провел в Ставрополе в семье своего сына. Леонид Петрович Ган служил тогда мировым судьей в Ставропольском окружном суде. А Марков, которого собиралась расспросить Елена Петровна, – это, надо полагать, Лев Львович Марков, ее двоюродный брат, известный педагог, также проживавший в те годы в Ставрополе и бывший директором училищ Ставропольской губернии.

* * *

Тридцать лет своей жизни Петр Алексеевич Ган отдал воинской службе, служил с честью и достоинством, подобающим офицеру русской армии, о чем свидетельствуют его награды и чины. В использовании родственных связей, а таковые имелись, и «ловле счастья и чинов» не замечен, хотя молодые пажы «зачастую еще на школьной скамье мечтали уже о блестящей военно-придворной карьере, флигель-адъютантских аксельбантах и строили блестящие планы на будущее»³.

Армия, военные сыграли огромную роль в истории России. Практически в любой культурной семье кто-либо из ее членов служил офицером. Офицеры обладали наиболее престижным статусом в русском обществе того времени. Именно этому периоду мы обязаны самым славным победам русского оружия и тому образу офицеров, который сложился в русской классической литературе⁴. «Люди в военных мундирах – Г.Р. Державин и М.Ю. Лермонтов, А.А. Фет, Ц.А. Кюи и многие другие, постоянно или некогда служившие в армии, – были активными деятелями русской культуры. Военными предстают литературные персонажи – Гринев и Печорин, Андрей Болконский, герои Куприна и Гаршина»⁵. А в отношении личного достоинства офицер стоял на недостижимой высоте, и такое положение в моральном плане никогда не оспаривалось. «Не случайно М.Ю. Лермонтов писал, что “в то время студенты были почти единственными кавалерами московских красавиц, вздыхавших невольно по эполетам и аксельбантам”»⁶.

* * *

Итак, военная служба П.А. Гана шла своим чередом, как того требовали заведенные правила и традиции. Теперь о счастье...

¹ Смирнов В.П. Описание русских медалей. СПб., 1908; Потрашков С.В. Награды России. М.: Эксмо, 2009; Изотова М.А. Ордена и медали России и СССР. Ростов н/Д: ООО ИД «Валдис», 2010.

² Мэри К. Нэф. Личные мемуары Е.П. Блаватской.

Аксаков Александр Николаевич (1832–1903) – писатель, публицист, переводчик, издатель, ученый, изучавший медиумизм и спиритизм. Е.П. Блаватская обратилась к А.Н. Аксакову с предложением издавать в России переводы статей о спиритуализме, выходивших в США.

Эпизод с пряжкой и медалью по репортажам Г. Олькотта описан также в статье Н.П. Вагнера «Медиумизм» (Русский вестник. 1875. № 10).

Вагнер Николай Петрович (1829–1907) – ученый, профессор зоологии Санкт-Петербургского университета, чл.-кор. Петербургской АН, писатель, исследователь спиритизма. В 1875 г. А.Н. Аксаков получил от Е.П. Блаватской перевод писем полковника Олькотта. «Для нас троих, – писал Вагнер, – меня, Бутлерова и Аксакова, эти письма представляли живейший интерес и мы собирались два, три раза у Бутлерова, который читал нам по два или по три письма в вечер. Письма эти дали мне массу фактов, которые я напечатал в “Русском вестнике”» (Воспоминание об Александре Михайловиче Бутлерове Н. Вагнера // Бутлеров А.М. Статьи по медиумизму. СПб., 1889).

³ Трубецкой В.С. Записки кирасира: Мемуары. М.: «Россия», 1991.

⁴ Волков С.В. Русский офицерский корпус.

⁵ Глинка В.М. Русский военный костюм XVIII–начала XX века. Л.: Художник РСФСР, 1988.

⁶ Там же.

По окончании войны с Турцией в жизни Петра Алексеевича произошла важная перемена – он женился. Его избранницей стала Елена Андреевна Фадеева¹, одна из славной плеяды писательниц пушкинской поры, «литературный талант которой уже четко обозначился к последним месяцам жизни Александра Сергеевича»². Не всегда понимаемые современниками, почти все они были забыты. Однако поэтессы и беллетристки, жительницы столиц и провинции, сумели найти достойное место в литературе тех лет и оказали идейное и творческое влияние на развитие литературной деятельности женщин последующих поколений. Сочинения Е.А. Ган под псевдонимом Зенеиды Р-вой печатались в лучших столичных журналах, а после смерти писательницы дважды издавались их полные собрания.

Отец супруги Петра Алексеевича, Фадеев Андрей Михайлович, возглавлял Екатеринославскую контору иностранных поселенцев и пользовался заслуженным уважением как честный, справедливый и порядочный человек³. Мать, Фадеева Елена Павловна, урожденная княжна Долгорукова, известна своей ученостью, многогранной одаренностью и широтой интересов⁴.

Поручик П.А. Ган, надо полагать, служил в Новороссийском крае, бывал в Екатеринославе. И по тогдашним законам приличия, будучи представленным Фадеевым, мог навещать Андрея Михайловича и его семейство⁵. Сама необычная атмосфера гостеприимного дома Фадеевых, проникнутая любовью к искусству и наукам, притягивала к себе, как магнит. А их пленительная дочь, увлеченная литературой и музыкой, уже в те годы проявлявшая стремление к творчеству, не могла оставить равнодушным бывшего пажа, повидавшего высший свет и знавшего тонкости придворной жизни. Как отмечала Надежда Андреевна, младшая дочь А.М. Фадеева, «Елена Андреевна была очень живого, веселого характера, исполненного юмора, остроумия, находчивости, очень красивая, прекрасно сложенная, стройная, совершенно светская женщина, всегда окруженная поклонниками и обожателями. Своим блестящим умом и образованием, своей привлекательной,

¹ Ган Елена Андреевна, урожд. Фадеева (11.01.1814, с. Ржищево Киевской губ. – 24.06.1842, Одесса) – дочь А.М. и Е.П. Фадеевых, мать Е.П. Блаватской, популярная писательница, печаталась в журналах «Библиотека для чтения», «Отечественные записки» и др.

² *Файнштейн М.Ш.* Писательницы пушкинской поры (историко-литературные очерки). Л.: Наука, 1989.

³ Месяцословы и общий штат Российской империи на 1830–1831 гг.

Фадеев Андрей Михайлович (30.12.1789, Ямбург – 28.8.1867, Тифлис) – государственный деятель, дед Е.П. Блаватской, седьмой сын М.И. Фадеева. В 1830–1831 гг. чиновник VIII класса, кавалер орденов Св. Анны 2 ст. и Св. Владимира 4 ст., старший член Екатеринославской конторы иностранных поселенцев, которая входила в состав ведомств Попечительного комитета о колонистах Южного края России; председатель комитета – генерал от инфантерии Иван Никитич Инзов (1768–1845). Контениус Самуил Христианович (с 1785 на службе в России, ск. 30.5.1830), упоминаемый в биографиях Е.П. Блаватской, действительный статский советник, занимал после И.Н. Инзова вторую должность и являлся экстраординарным членом Попечительного комитета. Вопреки фантазии журналистки Е.С. Некрасовой, он скончался на руках Е.П. Фадеевой, А.М. Фадеев находился в это время в Петербурге и на похоронах не присутствовал (Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева; *Некрасова Е.С.* Елена Андреевна Ган. (Зенеида Р-ва). 1814–1842. Биографический очерк // Русская старина. 1886. № 8).

Фадеев Михаил Ильич (ск. в 1824), отец А.М. Фадеева, в 1762–1794 гг. служил в Псковском драгунском полку, майор в отставке, статский советник, в 1795–1816 гг. в Управлении водяных коммуникаций на разных должностях, в т.ч. начальник Боровицких и Волховских порогов, директор Огинского канала в Минской губернии. Мать, урожд. фон Краузе, родом из Лифляндии, ск. после 1842 г.

Всего у А.М. Фадеева было 2 сестры и 7 братьев: Иван, Александр (выпускники Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, с 1800 г. – 1-й кадетский корпус), Павел, Константин, Петр, Михаил (воспитанники Артиллерийского и Инженерного Шляхетского кадетского корпуса, с 1800 г. – 2-й кадетский корпус) и Николай (ск. в детстве).

⁴ Фадеева Елена Павловна (11.10.1788, имение Низки Могилевской губернии – 12.8.1860, Тифлис) – бабушка Е.П. Блаватской, дочь генерал-майора князя П.В. Долгорукова; с 9 февраля 1813 г. замужем за А.М. Фадеевым. В связи с очерком Е.С. Некрасовой Н.А. Фадеева писала, что ее мать «была одних лет с А.М. Фадеевым» (*Фадеева Н.А.* Елена Павловна Фадеева, рожденная княжна Долгорукова // Русская старина. 1886. № 12). Однако в более ранней статье она указала точную дату рождения матери – 11 октября 1788 г. (*Фадеева Н.А.* Заметка и поправки к родословию князей Долгоруковых // Русский архив. 1866. № 8–9). В 1789 г. родилась сестра Е.П. Фадеевой, Анастасия Павловна Долгорукова (1789–1828), замужем за А.В. Сушковым (1790–1831).

⁵ 11 марта 1830 г. П.А. Ган переведен из конной № 28 роты в конную № 18 роту. 30 марта отбыл, 5 апреля прибыл по месту назначения. Квартира роты неизвестна. В конной № 18 роте он прослужил до 21 февраля 1836 г.

выразительной наружностью она составляла красу общества и обращала на себя общее внимание»¹. Устоять было невозможно, и Петр Алексеевич сделал ей предложение. Случилось это в 1830 году. Тесть П.А. Гана, А.М. Фадеев, записал в дневник:

«В этом году старшая моя дочь Елена вышла в замужество за Петра Алексеевича Гана, артиллерийского штабс-капитана, умного, отлично образованного молодого человека. Отец его, тогда уже умерший, генерал-лейтенант, родом из Мекленбурга, принадлежал к старой дворянской немецкой фамилии, а мать, имея восемь человек взрослых детей, вышла вторично замуж за Н.В. Васильчикова, родного брата князя Иллариона Васильевича. Мы с женою очень неохотно согласились на брак нашей дочери, по причине ее слишком ранней молодости, ей было всего шестнадцать лет; но я испытывал многократно в моей жизни, что того, что определено Провидением, никак нельзя предотвратить»².

Юный возраст невесты, ее первое чувство, уверенность в благе будущего... Как тут не вспомнить князя Андрея Болконского: «Я не жил прежде, – думал он. – Теперь только я живу, но я не могу жить без нее. Но может ли она любить меня?.. Я стар для нее...»³. И князь Андрей просил руки Наташи Ростовской. «Наташа не помнила, как она вошла в гостиную. Войдя в дверь и увидав его, она остановилась. “Неужели этот чужой человек сделался теперь всё для меня?” спросила она себя и мгновенно ответила: “Да, всё: он один теперь дороже для меня всего на свете”»⁴.

Спорить не будем, проза жизни может охладить самые восторженные чувства, обернуться будничной трезвостью, служебными и житейскими заботами. А их хватало с лишком. Судьба военных и их семейств подчинялась исключительно строгому порядку и приказам. Не приходилось выбирать ни местожительства, ни знакомств.

«Я живу по-старому в казенном селе, грязном, скверном, гнилом, с моими детьми и книгами, – писала Елена Андреевна редактору журнала «Библиотека для чтения» О.И. Сенковскому⁵, издателю ее сочинений. – Муж мой пробыл почти все лето в лагерях под Вознесенском и еще не возвратился домой. Боюсь одичать; со сплином я уже знакома, он часто посещает меня...»⁶.

¹ По поводу статьи «Роман одной забытой романистки»: письма Н.А. Фадеевой; В.П. Желиховской и Е.Н. Ахматовой // Исторический вестник. 1886. № 10.

² Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

На самом деле чин штабс-капитана П.А. Ган получил в награду за боевые заслуги в Польской кампании в 1831 г.

Мекленбург – регион на севере Германии. Эти земли, населенные славянскими племенами, в X–XII вв. подверглись немецкой колонизации. В XVIII в. территория Мекленбурга разделилась на два герцогства – Мекленбург-Шверин и Мекленбург-Стрелиц. Теперь это федеральная земля Мекленбург-Передняя Померания.

Васильчиковы – старинный дворянский род. Васильчиков 3-й Николай Васильевич (1781–1839) – из дворян С.-Петербургской губ., генерал-майор (1813) и кавалер, участник кампаний 1805–1807 гг., Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., войны 1812 г. и заграничного похода 1813–1814 гг., с 1824 г. в отставке, в 1836–1839 гг. предводитель дворянства Лужского уезда С.-Петербургской губ. С 1815 г. второй супруг Елизаветы Максимовны Ган. Их дети: Васильчиков Николай Николаевич (1816–1846) и Васильчикова Екатерина Николаевна (1818–1895). Васильчиков 1-й Илларион Васильевич (1776–1847) – граф, князь, государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, председатель Государственного Совета и Комитета министров.

А.М. Фадеев вел дневник на протяжении всей жизни. Так, в 1827 г. изданы, вероятно, первые его воспоминания о встрече с Александром I во время посещения императором молочанских колоний в Крыму в октябре 1825 г. (ровно за 4 недели до кончины). Тогда же к А.М. Фадееву привезли из Екатеринослава малолетних дочерей Елену и Екатерину, «дабы удостоиться счастья видеть Государя». Узнав, что мать их – княжна Долгорукова, император приказал привести к нему детей, «разговаривал с ними весьма милостиво, расспрашивал подробно об их матери, деде и проч.», а прощаясь, сказал А.М. Фадееву: «Благодарю тебя; я весьма доволен, что познакомился с тобою; кланяйся от меня своей супруге» (О последней бытности блаженной памяти Государя Императора Александра I, Таврической губернии Мелитопольского уезда в Молочанских Менонистских колониях // А. Ф-в. СПб., 1827). В ноябре 1825 г., узнав о кончине императора, А.М. Фадеев тотчас отправился в Таганрог.

³ Толстой Л.Н. Война и мир. В 2 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1961.

⁴ Там же.

⁵ Сенковский Осип Иванович (1800–1858), псевдоним барон Брамбеус – популярный писатель, критик, лингвист-востоковед, редактор «Библиотеки для чтения». С его женой, Аделаидой Александровной (1806–1856/1859), Е.А. Ган также была знакома и состояла в переписке.

⁶ Старчевский А.В. Роман одной забытой романистки // Исторический вестник. 1886. № 9.

«...Я состроила такие великолепные чертоги на основании одной надежды жить близь Москвы, эта надежда обратилась в уверенность; повеление, маршрут, все было получено, как вдруг новый приказ все уничтожил. Поселюсь в глуши, в хате, буду читать и писать, пока очень поумнею, или в противоположность – совсем с ума сойду, последнее вероятнее»¹.

«Говорят, будто нас переведут в Орловскую губ[ернию], – сообщала Е.А. Ган своей подруге. – Мне надоели только степи здешние; а впрочем, места не изменят моего быта; где б мы ни были, я решительно не стану знакомиться ни с кем; помещики нижнего разряда не по мне, высшего смотрят свысока, не мне с ними тягаться, я слишком горда, чтобы кланяться золотому кафтану»².

О той же подчиненности обстоятельствам говорил и П.А. Ган в письме из Старого Оскола своему знакомому екатеринославскому помещику. События касаются 1836 года:

«Милостивый Государь Глеб Васильевич!.. Я был <...> переведен в 3-ю Конно-артил[лерийскую] Дивизию, выехал из Екатеринослава 30 апреля, поехал в Карачев Орловск[ой] губ[ернии], там не застал батареи, которая вышла в Воронеж, поехал туда, а между тем, опять перемена – повернули в Старой Оскол. Я из Воронежа приехал сюда 24 мая, не успел разложиться, устроиться, как, на 4-й день моего сюда приезда, меня потребовали в Петербург, в образцовую батарею, на испытание по службе, для назначения меня в батарейные командиры. Дай бог, чтобы это скоро кончилось, и мне бы выехать из Петербурга. Куда еще судьба назначит?...»³

«А вы – прикованный узник к Петербургу? – спрашивала Елена Андреевна О.И. Сенковского. – Невесела моя блуждающая доля, но не желала бы я заточиться и в ваших северных, ледяных стенах, не много в них поэзии, хоть много блеску»⁴.

* * *

Все это пришло позже, а первый, счастливый, год уже готовил разлуку. Июльская революция во Франции имела воздействие на всю Европу. Во многих странах начались беспорядки и в ноябре в Польше, поделенной между Россией, Пруссией и Австрией, разгорелось восстание. Вскоре туда направилась стотысячная русская армия. И молодоженам пришлось надолго расстаться. 25 января 1831 года П.А. Ган уже в Царстве Польском, а 13 февраля участвует в самом кровопролитном сражении при Грохове, неподалеку от Варшавы. Ведение военных действий осложнилось эпидемией холеры, унесшей жизни многих солдат. Судьба же уберегла Петра Алексеевича и от ран, и от смертельной болезни. В Екатеринослав он вернулся штабс-капитаном.

Можно представить, сколько волнений доставил тот год семье. Скупые газетные строки, запоздалые вести и слухи, к тому же Елена Андреевна готовилась стать матерью. А тут и холера нагрянула. «В 1831 году, в первый раз, появилась в Европе холерная эпидемия, распространившаяся повсеместно, – писал А.М. Фадеев. – Болезнь эта, несмотря на свои частые повторения, и до сих пор мало исследована и верных средств против нее никаких не открыто, тогда же она еще более устрашала своей малоизвестностью. В Екатеринославе холера свирепствовала с особенным ожесточением; у нас в доме в продолжение десяти дней умерло шесть человек дворовых людей. Жена моя оказала при этих несчастных случаях истинно христианское самоотвержение: она сама ухаживала за больными людьми, давала им лекарства, оттирала и утешала их. И, за всем тем, болезнь не коснулась ее, все это время она оставалась невредима и совершенно здорова»⁵.

Время шло. И вот в пятницу 31 июля 1831 года, в день Святого Евдокима, в доме Фадеевых по улице Петербургской в Екатеринославе у Елены Андреевны и Петра Алексеевича Гана родилась первая дочь. Тревога и беспокойство последнего дня увенчалась

¹ *Старчевский А.В.* Роман одной забытой романистки.

² *М.Г. (Гершензон М.).* Материалы по истории русской литературы и культуры: Русская женщина 30-х годов // *Русская мысль*. 1911. № 12.

³ Пётр Алексеевич Ган // Музейный центр Е.П. Блаватской и ее семьи (сайт). Режим доступа: <http://museum-blavatsky.com.ua/ru/family/13/>

Письмо П.А. Гана от 5 июня 1836 г. адресовано Г.В. Нечаеву (Епістолярна спадщина родини Нечаєвих (кінець 18 – перша половина 20 ст.) // Джерела з історії Південної України. Запоріжжя, 2003).

⁴ *Старчевский А.В.* Роман одной забытой романистки.

⁵ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

не меньшей радостью. Новорожденную крестили по православному обычаю и дали имя Елена, что по-гречески означает «избранная, светлая, сияющая»¹.

Когда впервые Петр Алексеевич взял дочь на руки и испытал неизведанные доселе отцовские чувства, точно не скажет никто. В Польском походе, как утверждает его формулярный список, он находился до 3 мая, но дальше следы теряются. И только к январю следующего года положение проясняется. Согласно медицинскому свидетельству, П.А. Ган во время войны «часто подвергаясь простуде, получил ревматизм, для излечения которого хотя и был уволен с ВЫСОЧАЙШЕГО разрешения в трехмесячный отпуск, но получил малое только облегчение»². Отпуск разрешили с 2 января 1832 года.

После Польской кампании установился для русской армии длительный период мира, нарушаемый лишь военными действиями на Кавказе. Но в этих делах Петр Алексеевич не участвовал. Жизнь его приняла новое направление, наполнилась новым смыслом и содержанием. Теперь, кроме службы, на нем лежала ответственность за семью, за детей. А детей у супругов Ган родилось четверо. В Елене Андреевне, несмотря на сложные жизненные перипетии и тяжелую болезнь, Петр Алексеевич нашел верную спутницу, преданную, самоотверженную мать их детей: «С семнадцати лет легли на нее заботы о семье, о страстно любимых детях и она не только не тяготилась ими, а напротив, вся проникнутая чувством своих материнских обязанностей, нашла в них цель, смысл и даже утеху своей жизни»³.

Старший сын Александр, родившийся вслед за Еленой, умер ребенком. Тяжкий удар не мог пройти незаметно: здоровье Елены Андреевны оказалось хрупким. «С самого начала ее семейной жизни, – сообщала впоследствии В.П. Желиховская, младшая дочь Петра Алексеевича, – материнские чувства ее были жестоко потрясены потерей двухлетнего сына – Александра, умершего от медленной хронической болезни, заставлявшей ее в продолжение месяцев страдать, глядя на постепенное угасание страстно любимого ребенка. Тем горячее обратилась она к обязанностям своим в отношении оставшихся детей, старшей, четырехлетней дочери Елены, и меня, вскоре затем появившейся на свет»⁴.

Вторая дочь Вера родилась 17 апреля 1835 года в Одессе, куда перевели по службе А.М. Фадеева. Каждый раз, ожидая ребенка, Елена Андреевна уезжала к родителям, где бы они ни находились – в Екатеринославе, в Одессе или Саратове.

Спустя пять лет, 8 июня 1840 года, в Саратове родился сын Леонид. «В метрической книге Александро-Невского кафедрального собора, – пишут саратовские исследователи, – имеется актовая запись № 21 от 16 июня 1840 года о крещении “родившегося 8 июня у командира действующей конно-артиллерийской № 6 батареи капитана Петра Алексеева Ган и законной жены его Елены Андреевны, оба православного вероисповедания, сына Леонида”. Восприемниками новорожденного, то есть его крестными, записаны: его дед, коллежский советник Андрей Фадеев и тетя, девица Екатерина Андреевна»⁵.

С рождением детей жизнь перестраивается, к ним обращены и любовь, и забота. Сделать все возможное для них, воспитать добрыми и учеными, помочь избрать верное поприще – вот вечный долг отца и матери, заставляющий забыть о себе. А что ждет дочерей

¹ Браки между православными и инославными (католиками и лютеранами) разрешались на основании постановления Петра I и Св. Синода 1721 г. Дети, рожденные в таких браках, должны были воспитываться в православии.

² Дело об увольнении от службы подполковника Гана.

Время для отпусков отводилось с 1 сентября по 1 апреля на срок не более 4 месяцев. В другое время отпуск (не свыше 28 дней) давался лишь по особо уважительным причинам. Опоздания из отпусков даже на один день считались тяжелой провинностью (Волков С.В. Русский офицерский корпус).

³ Желиховская В.П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг. // Русская старина. 1887. № 3.

Желиховская Вера Петровна, урожд. Ган, по первому браку Яхонтова, (1835–1896) – писательница, драматург, младшая сестра Е.П. Блаватской.

⁴ Там же.

⁵ Гусакова З.Е. О тех, кто жил, о том, что было. Заметки архивиста. Саратов, 2012.

На самом деле П.А. Ган оставался лютеранином до конца жизни.

Фадеева Екатерина Андреевна (1818–1898), в замужестве Витте – дочь А.М. и Е.П. Фадеевых, мать С.Ю. Витте, тетя Е.П. Блаватской. По сведениям Шумкова А.А., Леонид Ган родился 10 июня 1840 г. (Шумков А.А. Хотилицкие Ганы).

в этой жизни, скованной вековыми правилами и традициями? Свои самые сокровенные мысли Елена Андреевна доверяла и книгам, и письмам. Вот отрывок из ее письма подруге:

«Я также женщина, много терплю от условий, которыми опутали наш пол, но никогда не соглашусь в мнении, будто женщина поставлена природой на равной высоте с мужчиной. Наши души слабее, как и тела, умы мелочнее, и самое предназначение наше слишком ясно указано природой. <...> ...Потому стоит взглянуть на прошедшее и спросить: отчего ни в одном веке мы не видели женщин-Сократов, Ликургов, Конфуциев, женщин-Рафаэлей, Микель-Анджелов, женщин-Данте, Шекспиров, Шиллеров, ни даже женщин-Бетховенов либо Веберов? Не доказывает ли это нашу ничтожность во всех отношениях? Ты возразишь, что различие в воспитании мужчины и женщины имеет влияние на всю жизнь их, – но разве истинный гений требует воспитания, чтобы проявиться – я не говорю развиться и усовершенствоваться? разве не видели мы гениев, которые, побеждая незначительность рождения и средств, без всякого постороннего содействия открывают себе пути к славе? Конечно, положение, свобода мужчины в свете много способствуют его возвышению, но никогда не соглашусь, будто условия, гнетущие наш пол, в продолжение стольких тысячелетий убивали всех гениев в зародыше. Предназначение женщины прекрасно, благородно, если не искажают его в начале. Быть домашним пенатом, ангелом-хранителем и утешителем мужчины, готовить ему отраду и успокоение под родной кровлею после шумного поприща его, быть матерью его детей, в сыновьях развивать силу и крепость духа, благородство понятий, дочерей готовить быть достойными подругами и матерями, – женщина, исполнившая это предназначение, разве не достойна фимиамов? Не оставляет ли она по себе славу не столь громкую, невидную, но не менее полезную, как мужчина с самой высокой головой?»¹

Дети подрастали, уже пора развивать их способности, любознательность, входить во все тонкости воспитания. И материнская чуткость тут на первом месте. Елена Андреевна Ган принадлежала к семейству, в котором разностороннее солидное образование составляло его неотъемлемое достояние и Елена Павловна воспитала свою дочь с нежной заботливостью любящей матери и просвещенной наставницы.

По примеру матери Елена Андреевна поставила перед собой ту же задачу: «Какими бы то ни было жертвами хочу, чтобы дети мои были хорошо, но фундаментально хорошо образованны»². «Даже на свой поэтический дар, на свои литературные труды, – вспоминала ее младшая дочь, – смотрела она лишь как на единственное средство дать им лучшее воспитание, образование выше средств, доступных их состоянию»³.

Своих владений у Петра Алексеевича и Елены Андреевны не имелось. По оценке историков, среди дворянства к середине XIX века процент лиц, обладавших недвижимостью, сократился очень сильно и составлял гораздо менее половины⁴. Для Ганов, как и для многих дворян не имевших собственности, служба супруга становилась единственным источником существования. Так, забыв о себе, мало обращая внимания на собственное здоровье, Елена Андреевна взялась за перо, нелегкий и подчас изнурительный писательский труд.

На первых порах Елена Андреевна сама занималась образованием детей, а через некоторое время нашла «преданную до самозабвения добрую душу в лице молодой девушки, вступившей в дом... просто воспитательницей, но скоро обратившейся в лучшего друга и деятельную помощницу его хозяйки. То была уроженка Курляндии, безродная сирота Антония Христиановна Кюльвейн»⁵. Считая, что образование без знания английского языка будет неполным, Елена Андреевна подыскала детям и англичанку.

Этому языку Елена Андреевна желала научить не только детей, но и сама хотела овладеть им. «Я проникаю в таинства чуждых языков, – писала она в одном из писем, – если бы случай дозволил мне провести год времени в Одессе или в Петербурге, я непременно занялась бы английским языком, и думаю, что успела бы, потому что с моей памятью и доброй волей можно победить трудности... Но таковы люди, что не могут простить мне этих

¹ М.Г. (Гершензон М.). Материалы по истории русской литературы и культуры.

² Желиховская В.П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг.

³ Там же.

⁴ Волков С.В. Русский офицерский корпус.

⁵ Желиховская В.П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг.

невинных занятий; разумеется, так как мои родные и мой муж не принадлежат к этому числу, то я бросаю слова их на ветер»¹.

Деятельная натура Елены Андреевны не позволяла сидеть сложа руки и терять время даром. «Мне пророчат, что я скоро поседею от поздних бдений и занятий, но мне это безразлично, – рассказывала она своему знакомому. – Я хочу во что бы то ни стало приобрести познания, которых мои родители, при всей своей заботливости, не могли мне доставить; притом, я не могу поступать иначе, потому что бездействие свело бы меня с ума. Основная черта моего характера – неустанная деятельность ума и чувства: вечно подвижные, непокорные, беспокойные, они беспрестанно требуют пищи, и только напрягая все мои духовные силы, в принудительном занятии я могу укрощать их и подчас даже усыплять»².

То, что старшая дочь Елена обладает исключительными способностями и отличается от обыкновенных детей, не могло укрыться от внимательных взглядов родителей и родных. Любимая тетя Е.П. Блаватской, Надежда Андреевна Фадеева, так отзывалась о ней: «Моя племянница Елена совсем особое существо и ее нельзя сравнивать ни с кем. Как ребенок, как молодая девушка, как женщина, она всегда была настолько выше окружавшей ее среды, что никогда не могла быть оцененной по достоинству. Она была воспитана как девушка из хорошей семьи, но об учености не было даже и речи. Но необыкновенное богатство ее умственных способностей, тонкость и быстрота ее мысли, изумительная легкость, с которой она понимала, схватывала и усваивала наиболее трудные предметы, необыкновенно развитый ум, соединенный с характером рыцарским, прямым, энергичным и открытым, – вот что поднимало ее так высоко над уровнем обыкновенного человеческого общества и не могло не привлекать к ней общего внимания, следовательно, и зависти и вражды всех, кто в своем ничтожестве не выносил блеска и даров этой поистине удивительной натуры»³. Именно эти присущие Елене Петровне качества, ее «необыкновенная психическая организация, проявлявшая такие силы, которые у огромного большинства людей находятся еще в скрытом состоянии»⁴, не раз поразят даже самых близких людей. Как нельзя лучше заметил А. Шопенгауэр: «Ученые – это те, которые начитались книг; но мыслители, гении, просветители мира или двигатели человечества – это те, которые читали непосредственно в книге вселенной»⁵.

С ранних лет проявилась у Елены восприимчивость к иностранным языкам и к музыке. Поначалу обучать дочь музыке взялась Елена Андреевна. У нее хороший голос, она любила музыку и увлекалась ею, отдаваясь всей душой. Затем заниматься с Еленой продолжили приглашенные учителя. Как отмечает полковник Олькотт в своей книге «Страницы старого дневника», отец «после смерти жены всячески баловал дочь, прямо боготворил ее»⁶. А для занятий музыкой Петр Алексеевич повез Елену в Европу, выбрав для нее лучшего пианиста – Игнаца Мошелеса⁷.

Ученик Вебера и Сальери, известный композитор и дирижер Игнац Мошелес, профессор Королевской академии музыки в Лондоне, сделался самым популярным педагогом того времени. Его учениками были Феликс Мендельсон, Николай Лысенко, Евгений Альбрехт и многие другие. О Мошелесе пишут как о чутком музыканте и благородном джентльмене, как о первом гастрوليрующем виртуозе, стремившемся знакомить публику с хорошей музыкой и оказывать на нее духовное воздействие.

И действительно, было о чем позаботиться родителям Елены Петровны. Вот красноречивые свидетельства ее таланта: «В 1872–73 годах она ездила с фортепианными

¹ Старчевский А.В. Роман одной забытой романистки.

² М.Г. (Гершензон М.). Материалы по истории русской литературы и культуры.

³ Писарева Е. Елена Петровна Блаватская // Вопросы теософии, 1910; Писарева Е.Ф. Елена Петровна Блаватская // Вестник Космической эволюции. Сборник статей. Тверь: ООО «Издательство ГЕРС», 2012.

⁴ Писарева Е.Ф. Елена Петровна Блаватская // Вестник Космической эволюции.

⁵ Энциклопедия мысли / Сост. и пер. Н.Я. Хоромина. Харьков: «Прапор», 1995.

⁶ Мэри К. Нэф. Личные мемуары Е.П. Блаватской.

Эта фраза в книге Г.С. Олькотта «Old Diary Leaves», изданной в Индии в 1895–1910 гг., звучит так: «...Her noble father petting and idolising her after the loss of his wife».

⁷ Мошелес Игнац (1794–1870) – выходец из Чехии, композитор, пианист, дирижер и педагог. Гастролировал по Европе с 14 лет, выступал в дуэте с Ф. Мендельсоном. С 1825 г. профессор Королевской академии музыки в Лондоне. В 1846 г. переехал в Лейпциг по приглашению Ф. Мендельсона, профессор консерватории.

концертами по Европе под именем “Мадам Лаура”. Согласно утверждению своего кузена, графа Витте, она какое-то время дирижировала придворным хором короля Сербии Милана. Доктор Корсон говорил: “Моя мать рассказывала, что Е.П.Б[латовская] импровизировала за пианино, демонстрируя при этом такое редкое мастерство, как будто ею руководил дух”. <...> Это было в Итаке, Нью-Йорке в 1875 году.

Полковник Олькотт писал: “Она была великолепной пианисткой, ее игру отличала эмоциональность, выразительность, совершенство. Ее руки были идеальной моделью для скульптора, когда летая по клавиатуре, извлекали из нее божественные звуки. Она была ученицей Мошеле и еще девочкой в Лондоне исполняла на благотворительном концерте с Кларой Шуман и Арабеллой Годдард пьесу Шумана для трех фортепьяно. Некоторое время спустя я узнал от членов ее семьи, что незадолго до ее приезда в Америку, Е.П.Б[латовская] предприняла концертное турне по Италии и России под псевдонимом “Мадам Лаура”. За все время нашего знакомства она играла очень редко...

Временами, поглощенная общением с одним из Махатм, она играла особенно красиво. Сидя в сумерках за прекрасно звучащим инструментом, она исполняла такие импровизации, что их можно было принять за Гандхарвов или небесных певчих”¹.

* * *

1836 год, столь богатый впечатлениями для Ганов, начался с многочисленных переездов. В тот год начальство командировало капитана П.А. Гана в Петербург для испытания в образцовую батарею².

В царствование императора Николая Павловича в армии усилилась муштра, предпочтение отдавалось строевой подготовке и смотрам. Указ 1832 года так и гласил: «Для введения во всей Конной Артиллерии единообразия и основательных правил службы, обмундирования, построения амуниции и для образования по сим предметам учителей, учреждена в 6-ти-орудийном составе Образцовая конно-артиллерийская батарея, из команд, присылаемых от всех рот Армейской Конной Артиллерии»³.

Петра Алексеевича ожидало повышение по службе. И тут послужить приходилось на совесть. От результатов зависела не только военная карьера, но и будущее семьи. А Елена Андреевна стояла на пороге своей известности в литературной мире. Ей всего двадцать два... И в Петербурге бывать еще не доводилось. А город манил, притягивал. Какие мысли занимали Елену Андреевну, чем наполняли воображение? Впоследствии она писала своей давней подруге: «Ты знаешь, как я провела первые 8 месяцев в Петербурге; tout voir et rien avoir⁴ было моим девизом. В 20 лет я была затеряна на дне этого океана, до меня доходил только гул от удовольствий света, только афиши от театров да одни вывески роскоши! Вчуже я любовалась великолепным солнцем, освещавшим своих избранных, но не пользовалась его теплотой»⁵.

Образцовая батарея находилась в Царском Селе, а семьей обосновались в Петербурге. О жилье позаботились заранее и устроились «в приличной светлой квартире, нанятой заблаговременно братом мужа, Иваном Алексеевичем Ганом, ротмистром лейб-гвардии Кирасирского полка, поселившимся вместе с ними»⁶. Адрес сохранился благодаря книге жителей Петербурга: «Ган, Иван Алексеев[ич], Поруч[ик], по I линии и Загор[одному] прос[пекту] № 57»⁷.

¹ Мэри К. Нэф. Личные мемуары Е.П. Блаватской.

Корсон Юджин Роллин – доктор медицины, издавший книгу «Некоторые неопубликованные письма Елены Петровны Блаватской» (1829) к своему отцу, профессору Хираму Корсону (1828–1911).

Гандхарвы (санскр.). Небесные певцы и музыканты Индии. В Ведах эти божества раскрывают смертным тайны небес и земли и эзотерическую науку (Блаватская Е.П. Теософский словарь. М.: Сфера, 1994).

² Дело об увольнении от службы подполковника Гана; Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

³ Хроника Российской Императорской армии, составленная по Высочайшему повелению. СПб., 1852.

⁴ tout voir et rien avoir (фр.) – буквально: посмотреть все и ничего не иметь; французский аналог нашего «галопом по Европам».

⁵ М.Г. (Гершензон М.). Материалы по истории русской литературы и культуры.

⁶ По поводу статьи «Роман одной забытой романистки».

На самом деле Ган И.А. в то время имел чин поручика и служил в лейб-гвардии Кирасирском Его Величества полку.

⁷ Книга адресов С.Петербурга на 1837 год. СПб., 1837. Адресные бюро существовали в Петербурге с 1809 г.

Загородный проспект существует и сейчас. Сохранился ли дом № 57, в котором жил П.А. Ган с семьей? Скорее нет, чем да. Однако известно, что неподалеку располагались казармы лейб-гвардии Семеновского полка. Некоторые его корпуса дожили до наших дней. В 1836–1839 годах возводилось здание Обуховской больницы. Теперь это Военно-Медицинская академия. Уже был выстроен Технологический институт. А в 1836 году начали строить первую российскую железную дорогу¹. Царскосельский, ныне Витебский, вокзал, строительство которого могли наблюдать Ганы, заложили совсем рядом с их домом. Официальное открытие Царскосельской дороги состоялось 30 октября 1837 года.

Многочисленные жители столицы, как пишут, теснились на Загородном проспекте и Семеновском плацу в ожидании отправления первого поезда, а потом приходили посмотреть на его прибытие. На другой день «Санкт-Петербургские ведомости» с восторгом писали: «Шестьдесят верст в час, страшно подумать. Между тем вы сидите спокойно, вы не замечаете этой быстроты, ужасающей воображение, только ветер свистит, только конь пышет огненной пеной, оставляя за собой белое облако пара. Какая же сила несет эти огромные экипажи с быстротою ветра в пустыне; какая сила уничтожает пространство, поглощает время? Эта сила – ум человеческий»².

* * *

В 1887 году журнал «Русская старина» опубликовал очерк В.П. Желиховской «Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг.», в котором содержится подробный рассказ о пребывании их семьи в Петербурге³. Вера Петровна писала:

«Это было в 1836 году. Здесь множество эстетических удовольствий: знакомство с произведениями художников и артистов, с ними самими; со многими новыми лицами, родственниками и посторонними, которые, очарованные ею [Е.А. Ган], наперерыв старались угодить, развлечь, доставить ей удовольствие, а в особенности прогулки по окрестностям Петербурга, по Неве и островам, поездки в Царское, в Петергоф и Кронштадт – развлекли мать мою и доставили ей много приятных часов, которые она не уставала описывать своим близким.

Глубоко религиозная и восторженная патриотка, первые письма ее переполнены описаниями храмов, их величия, святыни и победных трофеев, находящихся в Казанском, Петропавловском, Александро-Невском и других соборах.

“Меня поразило величие Невского монастыря, серебряная рака святого Александра, с его четырьмя ангелами; гробницы наших великих людей и воинов”, – пишет она сестре своей: – “но ничто не может сравниться с тем глубоким впечатлением, которое овладело мной при входе в Казанский собор!”

Перед тем она описывала первую прогулку свою по Невскому с братом своего мужа, Ив[аном] Алекс[еевичем] Ган, которому, занятый службой, отец мой поручил познакомить ее со столицей, и продолжает далее:

“Ты со своим патриотизмом наверное прослезилась бы при виде стольких трофеев... Даже я, охладевшая к сильным ощущениям, только присутствием Ив[ана] Алексеевича была удержана от того, чтобы не броситься на колена, вступив в этот чудный храм, и на коленах взирая на славу России!.. Только иконостас украшен образами: обе стороны громадного собора покрыты букетами знамен, отбитыми у врагов в царствования Александра и Николая; а внизу надписи на золотой доске гласят: как, когда и у кого отбиты. О, как понуро смотрят здесь прославленные Наполеоновские орлы!.. Тут и персидский лев, смилившийся в овечку; и магометанская луна, и, наконец, на двух колоннах ключи, поднесенные взятыми с бою крепостями; а над ними жезл маршала Даву словно отдает честь могиле героя нашего, Кутузова...”⁴.

¹ Оставалась единственной железной дорогой в стране до 1851 г., 6-ая в мире.

² Павлов В.Е. О первой российской железной дороге массового пользования (к 170-летию магистрального железнодорожного транспорта) // История Петербурга. 2008. № 3(43).

³ Русская старина. 1887. № 3.

Рассказ В.П. Желиховской по фактам и характеру изложения значительно отличается от очерка Е. Некрасовой, негативно представившей образ П.А. Гана (Елена Андреевна Ган. (Зенседа Р-ва). 1814–1842. Биографический очерк // Русская старина. 1886. № 8,9).

⁴ Желиховская В.П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг.

«Большой помехой в одиноких (поневоле: не всегда же находились провожатые между занятыми службой родственниками!) прогулках хорошенькой молодой женщины по столичным улицам составляли уличные ловеласы, и мать моя часто жалуется на эту, в провинции неизвестную, помеху, и юмористически описывает свои с ними проделки.

“Чтобы наслаждаться вполне чудными картинами, которые здесь встречаешь на каждом шагу”, – говорит она, – “надо бы быть огражденной от тысячи прохожих; а здесь, к несчастью и стыду петербургской публики, женщине, моложе пятидесяти лет, одной ходить почти невозможно! <...> Вечером пришли Ив[ан] Алексеевич и Николай Васильчиков¹ и так напугали меня рассказами о подобных уличных приключениях, очень неприятных, что я решилась не пускаться больше в одинокие прогулки... а жаль!”².

Однажды Елена Андреевна «возвращалась от всенощной, неподалеку от дому, когда ее догнал очень юный офицерик с предложением проводить ее... Взглянув повнимательнее на его эполеты, она увидела, что он артиллерист, и мало этого: одной батарее с отцом моим. В голове ее тотчас составилась смехотворный проект... Птенец был еще так юн, что она решилась дать ему полезный урок и не побоялась заговорить с ним. Тот в восторге предлагал прогулки, ужины, рестораны, кондитерские»³.

И Елена Андреевна пригласила его к себе домой. «Офицерик, не помня себя от радости, вошел, сгоряча не разобрав в передней шинели и фуражки ему знакомой формы»⁴. Войдя в гостиную, где сидел ее муж, Елена Андреевна сказала:

«– Петр Алексеевич! Вот молодой человек, твой сослуживец, спасибо ему, обязательно проводил меня из церкви... Я так не люблю ходить одна по вечерам, что жалела, зачем не взяла лакея, а он меня выручил. Поблагодари его!

Можно представить себе жалостное положение птенца, вероятно впервые задумавшего расправить неопытные крылышки! Он оторопел и побледнел, узрев перед собой свое прямое начальство, хотя в добродушном приеме отца моего не было ничего, страх внушающего, <...> и после долго не мог, при встречах, смотреть в глаза моей матери, хотя она своим приветливым, ровным обращением никогда не напоминала ему его неловкой ошибки, над которой она, по уходе его, вдосталь насмеялась вместе с мужем»⁵.

«Одним из лучших удовольствий матери моей, – писала В.П. Желиховская, – были выставки картин и опера. Она всегда находила, что музыка не только развлечение, но и “лучшее утешение в этой жизни, после религии”»⁶. «Не менее музыки увлекала мать мою и хорошая живопись. Письма ее из Петербурга переполнены описанием картин, виденных ею на выставках, в академии художеств, в Эрмитаже; а последнему дню Помпеи и самому Брюллову она посвящает целые страницы, находя, что после его картин на другие нельзя смотреть с прежним удовольствием»⁷.

«Вскоре все, покидавшие на лето столицу, вернулись обратно, и матери моей уже более не приходилось, в отсутствие мужа по служебным обязанностям, одной гулять по Петербургу: у нее явилось множество чичероне обоего пола, в лицах громадного родства Фадеевых и Ган. Возвратились и Сушковы, и их родственники Беклешовы, дядя и тетка кузин моей матери Катерины и Лизаветы Александровны Сушковых»⁸.

* * *

Здесь же в Петербурге открылась новая страница в жизни Е.А. Ган. Осенью 1836 года Елена Андреевна познакомилась с главным редактором «Библиотеки для чтения»⁹ Осипом Ивановичем Сенковским, популярным литератором, известным под именем барона Брамбеуса. «Как и вся читающая публика того времени, – отмечала В.П. Желиховская. –

¹ «Полубрат по матери моего отца» [Прим. В.П. Желиховской] – Н.Н. Васильчиков – сын Е.М. Ган от второго брака с Н.В. Васильчиковым, удиноутробный брат П.А. Гана.

² Желиховская В.П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ «Библиотека для чтения» – ежемесячный «журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод», выходивший в Петербурге в 1834–1865 гг. Основан издателем и книготорговцем А.Ф. Смирдиным.

мать моя очень ценила его ум, в особенности, его знания и остроумие. Она высоко ставила его заслуги и желала отдать свои произведения именно в “Библиотеку для чтения”»¹.

Встреча оказалась знаменательной – талант молодой писательницы заинтересовал редактора. И для Елены Андреевны наступил решающий момент. «...Вдруг С[енковский] заметил меня, – не без волнения рассказывала она подруге, – ввел в свой дом, окружил вниманием, дружеством, изыскивал все, что могло доставить мне удовольствие, ободрил, возвысил меня в моих собственных глазах, даже жене своей внушил особенную дружбу ко мне»². Вскоре на страницах журнала появилась ее первая повесть «Идеал» (1837). В последующие годы публикуются «Утбалла» (1838), «Джеллаледдин» (1838), «Медальон» (1839), «Суд света» (1840), «Теофания Аббаджо» (1841). Успех превзошел ожидания. По свидетельству Н.А. Фадеевой: «Когда в конце 1830-х годов, в “Библиотеке для чтения”, считавшейся тогда лучшим журналом, появились повести под псевдонимом Зенаиды Р***, они обратили на себя общее внимание. Новый, свежий, несомненный талант, проявлявшийся в них, привлек к себе живое сочувствие, сердечные симпатии читающей публики, возраставшие все более и более с каждым годом»³.

Почти вся творческая деятельность Е.А. Ган связана с «Библиотекой для чтения». Когда осенью 1839 года Петр Алексеевич оказался в затруднительном положении и намеревался перейти на гражданскую службу, Елена Андреевна обратилась к Сенковскому:

«Помните ли, когда, осчастливив меня вашей дружбой, предрекая мне так много лестного в будущем, вы уговаривали меня поселиться в Петербурге, уверяя, что я могу литературными занятиями обеспечить мое семейство от бедности? Тогда я была еще слишком слаба, не уверена в своих силах, а, главное, тогда мне предоставлялся спокойнейший образ жизни, мой муж был назначен командиром артиллерийской батареи, и я побоялась отвлечь его от верного для неверных трудов моих.

Теперь, по неприятностям с начальниками, он не может продолжать службу в армии и решился искать место в Петербурге. Но в его чине одно жалованье недостаточно для содержания нашего. Я никогда от вас не скрывала, что мы ничего не имеем, ничего, в самом буквальном смысле этого слова. Скажите ж, могу ли я теперь воспользоваться вашим тогдашним предложением?

Знаю, что четыре, пять повестей моих были бы достаточны для удовольствования наших нужд. Но не всегда можно приневолить себя работать воображением, и потому осмеливаюсь просить работы более машинальной, – переводов. <...>

Так как муж мой не может уволниться от службы прежде будущего августа месяца, то и я не могу ранее приехать в Петербург»⁴.

Дал ли Сенковский определенный ответ, сведений нет, однако известно, что в Петербург Ганы так и не собрались. Петр Алексеевич остался при своей батарее, а Елена Андреевна, ожидая ребенка, уехала к родителям в Саратов. Вот ее следующее письмо, написанное в марте 1840 года:

«Мои родители переехали жить в Саратов, и меня вызвали к себе; в продолжение полутора года, не видавшись с ними, я перенесла столько болезней и невзгод в нашей кочующей жизни, что успокоение мне было необходимо; здесь я пробуду безвыездно до зимы, а, может быть, и до весны 1841 года, и так как жизнь моя здесь спокойнее, помещение выгоднее, то и занятия будут многочисленнее: в нынешнем году я надеюсь доставить вам четыре повести; одна у меня уже переписывается набело, другая оканчивается, две остальные тоже почти готовы»⁵.

Впоследствии пути Е.А. Ган и О.И. Сенковского разошлись. И на это имелись причины. У редактора оказалась «несчастливая страсть» вносить поправки в сочинения авторов. Причем он не просто поправлял текст, а, по свидетельству сестры Елены Андреевны, «вставлял целые страницы своего собственного сочинения, изменял весь смысл, искажал содержание, конец повестей. И не у одной Е.А. Ган, а у всех и во всем, что он

¹ Желиховская В.П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг.

² М.Г. (Гершензон М.). Материалы по истории русской литературы и культуры.

³ Фадеева Н.А. Елена Андр. Ган и Осип Ив. Сенковский в 1836–1838 гг.

⁴ Старчевский А.В. Роман одной забытой романистки. Письмо от 14 ноября 1839 г.

⁵ Там же.

печатал в “Библиотеке для чтения”. Все жаловались на это странное самоуправство... По этой-то причине Е.А. Ган, возмущавшаяся таким безобразием, тщетно просившая Сенковского не искажать ее сочинений своими поправлениями, вынуждена была бросить “Библиотеку для чтения” и перенести свои повести в другой журнал»¹.

В одном из писем, когда Елена Андреевна уже решила прекратить сотрудничество с Сенковским, она поясняла: «Я получила два предложения: писать в “Отечествен[ные] Записки” и в “Сын Отечества”... Недавно кончила небольшую повесть, которая, по мнению Петра, Антонии и моему собственному, лучше всех написана. В ней ум мой молчал, а говорило сердце... Немногие, знающие меня коротко, узнают много моего; остальные прочтут хорошо написанную повесть. Думаю послать ее в “Сын Отечества”, чтобы избежать переправок (Сенковского), которые совершенно разрушают гармонию целого»².

Несомненно, первыми читателями и ценителями сочинений являлись родные и близкие Елены Андреевны.

Издателем и редактором «Отечественных записок» в 1839 году стал известный журналист А.А. Краевский³, который тотчас предложил Зенаиде Р-вой участвовать в журнале. На его приглашение Елена Андреевна откликнулась не сразу. Она написала супруге Сенковского: «Некий (un certain) г. Краевский, редактор “Отечественных Записок”, поручил моему родственнику предложить мне писать для его журнала, сделав мне при этом великолепные обещания, очень для меня подходящие; но, так как я никогда не забуду, что г. Сенковский именно натолкнул меня на этот путь, руководил моими первыми шагами, и что его снисходительности и покровительству я обязана своим небольшим талантом, то не хочу сделать ни малейшего шага, не испросив его одобрения»⁴.

Елена Андреевна умела быть благодарной. И только в 1842 году на страницах «Отечественных записок» появилась последняя повесть Е.А. Ган «Напрасный дар», а затем роман «Любонька», напечатанный уже после ее смерти.

* * *

Но вернемся к событиям 1837 года. Зимой в Петербург приехал из Астрахани отец Елены Андреевны⁵. А.М. Фадеев рассказывал: «1837 год для меня памятен тем, что в течение одного я ездил два раза в Петербург. <...> В начале года, отправляясь в Петербург я взял с собой сына [Ростислава] для определения его в артиллерийское училище, а также дочь Екатерину, желавшую побывать в Петербурге и повидаться со старшею сестрою Еленою, которая тогда там жила с мужем. Мы ехали в Саратов и Пензу, где застали тестя моего, князя Павла Васильевича тяжело больным. Его уже исповедовали, причастили, соборовали, и доктора с минуты на минуту ожидали его конца; но наш приезд, свидание со мною и внуками так обрадовали старика, что он как бы ожил, начал расспрашивать о дочери, разговаривать, рассказывать, повеселел и совсем приободрился»⁶.

¹ *Фадеева Н.А.* Елена Андр. Ган и Осип Ив. Сенковский в 1836–1838 гг.

Первое собрание сочинений Е.А. Ган издано в 1843 г. По поводу «дружеских» услуг О.И. Сенковского В.Г. Белинский заметил: «В издании “Сочинений Зенеиды Р-вой”, печатавшемся с подлинной рукописи покойной сочинительницы, эти позорные для памяти женщины прибавки, разумеется, исключены» (*Белинский В.Г.* Сочинения Зенеиды Р-вой // В.Г. Белинский. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 5. М.: Худ.лит., 1979).

² *Желиховская В.П.* Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг. Письмо без даты.

³ Краевский Андрей Александрович (1810–1889) – журналист, издатель и редактор литературного журнала «Отечественные записки» с 1839 г., выходившего с перерывами в 1818–1884 гг. Основан историком и писателем П.П. Свиньиным. В 1869 г. А.А. Краевский передал журнал Н.А. Некрасову.

⁴ *Старчевский А.В.* Роман одной забытой романистки.

⁵ В 1836–1838 гг. А.М. Фадеев – главный попечитель кочующих народов в Астрахани.

⁶ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

Фадеева Елена Павловна оставалась в то время в Астрахани с дочерью Надеждой.

Фадеев Ростислав Андреевич (1824–1883) – генерал-майор, активный участник войны на Кавказе, известный публицист, военный историк, славянофил, автор ряда произведений о войне на Кавказе и вооруженных силах России, дядя Е.П. Блаватской.

Долгоруков Павел Васильевич (1755–2.2.1837, Пенза), князь, генерал-майор – офицерский чин присвоен в младенчестве, служил в Рязанском полку, участник Кавказской экспедиции гр. Зубова; в 1789 г. командовал Тверским драгунским полком в составе армии Г.А. Потемкина при штурме Очакова. Награжден орденом Св. Георгия. В 1796 г. вышел в отставку в чине генерал-майора и поселился в родовом поместье в с. Старая Кутля Мокшанского уезда (ныне Лунинского района). Жена (с 1787 г.) Генриетта Адольфовна де-Бандре-дю-Плесси, дочь Адольфа Францевича де-Б.-дю-П.-си и Елены Ивановны, урожд. Бризман-фон-Неттиг (ск. в 1812).

Однако, увы, смерть не заставила себя долго ждать – старый князь скончался. «Покончив наши печальные хлопоты, – писал А.М. Фадеев, – мы выехали 7 февраля из Кутли и продолжили дорогу на Москву, где пробыли несколько дней. Здесь мы узнали о трагической смерти Пушкина. Нас это поразило; а дочь моя Катя неутешно плакала, как вероятно и многие из русских, особенно дамы. Утрата для отечественной литературы была незаменима, а я жалел о нем даже просто как о человеке. В Петербург мы прибыли 19 февраля и поместились в квартире моей старшей дочери Елены очень удобно. Муж ее П.А. Ган состоял тогда на службе в Петербурге в образцовой батарее»¹.

На этот раз Андрей Михайлович мало пользовался столичными развлечениями и предоставил это дочерям, «что они и делали очень охотно, тем более, что для дочери Кати все здесь являлось новым и любопытным». Его беспокоили письма жены: «...Астраханские доктора ее напугали, и она боялась ослепнуть так же, как и отец ее. Я с детьми настаивал, чтобы она приехала немедленно к нам в Петербург посоветоваться с лучшими окулистами, но она не соглашалась и писала нам, что предпочитает дожидаться нашего возвращения и поехать с детьми в Пятигорск полечиться водами»².

* * *

Спустя время Петр Алексеевич получил назначение в № 6 батарею конно-легкого полка, командиром которой он прослужил до отставки из армии. А Елена Андреевна отправилась с отцом в Пятигорск. А.М. Фадеев записал тогда:

«К этому времени я успел окончательно устроить и Ростислава. На несколько месяцев для приготовления его к вступлению в артиллерийское училище, я поместил его у родного племянника моего, Александра Александровича Фадеева, служившего в гвардейской артиллерии и одного из лучших преподавателей в этом самом училище, вполне знавшего свое дело, отличного офицера. Он обещал приготовить Ростислава к новому году. Брат мой Павел Михайлович, артиллерийский генерал, постоянно находившийся на службе в Петербурге, также готов был оказать ему всякое содействие и участие. <...>

Я выехал восьмого мая с дочерью Екатериной, взяв с собою и старшую дочь мою с ее двумя маленькими дочерьми, как для свидания с матерью, так и для того, чтобы отправить ее вместе с нею в Пятигорск на минеральные воды, в коих они имели надобность по причине усилившихся болезненных явлений. Не доезжая до Астрахани восемьдесят верст, мы заехали по дороге к князю Тюменю и были обрадованы, застав там жену мою с дочерью Надею, выехавших к нам навстречу. Оттуда 26-го мая мы все вместе поехали в Астрахань водою на больших лодках. Пробыв в Астрахани две недели, мы отправились опять все вместе 9-го июня в Пятигорск, так как и я должен был тоже ехать на Кавказ по делу»³.

¹ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

Отец Е.П. Фадеевой князь П.В. Долгоруков похоронен в его имении Кутли в 40 верстах от Пензы.

А.М. Фадеев познакомился и встречался с А.С. Пушкиным в Кишиневе в доме генерала И.Н. Инзова, у которого поэт жил во время ссылки. До переезда Инзова в Кишинев Пушкин находился при нем в Екатеринославе, пока не уехал с генералом Раевским в Крым и на Кавказ. В мае 1820 г. Е.П. Фадеева видела А.С. Пушкина среди гостей у губернатора Екатеринослава В.Л. Шемиота (Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.). А.М. Фадеев полагал, что Шемиот пригласил Пушкина лишь по должности, однако имела место родственная связь. Брат Шемиота был женат на кузине Надежды Осиповны Ганнибал, матери Пушкина (Телетова Н.К. К «немецкой биографии» А.П. Ганнибала // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 10. Л.: Наука, 1982).

² Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

³ Там же.

Фадеев Александр Александрович (1810–1898) – сын Александра Михайловича Фадеева, двоюродный дядя Е.П. Блаватской; ученый-химик, генерал от артиллерии, преподаватель Михайловского артиллерийского училища, начальник Охтинского порохового завода, член Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления. С его именем связано развитие русского пороходелия и производства др. взрывчатых веществ. Результаты его опытов и наблюдений в 1844 г. напечатаны в «Артиллерийском журнале» и представлены в Парижскую Академию наук, где получили блестящий отзыв. Герб Фадеевых внесен в Часть 15 «Сборника дипломных гербов Российского Дворянства, не внесенных в Общий Гербовник (Дипломный сборник)». Дата пожалования: 24.02.1861 г. (Мигаев Н.В. Сотрудничество российских ученых и военного ведомства в XIX в. // Вопросы истории. 2009. № 10; Авербух А.Я. Александр Александрович Фадеев (1810–1898 гг.) // Журнал прикладной химии. 1952. № 10; Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи. Режим доступа: <http://gerbovnik.ru/arms/3918.html>).

Фадеев Павел Михайлович – в то время генерал-майор, член Общего присутствия Артиллерийского.

С этого времени Вера Петровна Желиховская уже помнит себя маленькой девочкой и сообщает: «Хотя мне был третий год и я все понимала и говорила, но не могла ходить. Впрочем, ноги у меня были только слабые, а не кривые, несмотря на прозвание “кривоногой капитанши”, данное мне сторожем при купальне. А капитаншей он потому называл меня, что отец мой был тогда артиллерийский капитан. Воды помогли мне: после Пятигорска я начала ходить»¹.

«Путешествие принесло большую пользу тем, что подкрепило начинавшееся уже расстраиваться здоровье матери, – дополняла рассказ Вера Петровна, – развлекло ее, порадовав свиданием с нежно любимой матерью и продолжительным пребыванием в семье родительской, за которой она не переставала тосковать со дня разлуки, и возбудило в ней много поэтических замыслов. Плодом их вскоре явились новые повести: Утбалла, Воспоминания о Железноводске и пр.»².

* * *

Но кончилось лето, пора возвращаться домой. Ехать пришлось в село Каменское, неподалеку от Екатеринослава. Там стояла теперь батарея Петра Алексеевича. Вспоминая отца, Вера Петровна писала:

«Не помню, как мы расстались с бабушкой и как ехали домой. Я опомнилась совсем в другом месте, где уже не было родных моих, а все приходили какие-то офицеры, и один из них высокий, с рыжими колючими усами, называл себя моим папой... Я никак не хотела этого признать: толкала его от себя и говорила, что он совсем не мой папа, а чужой»³.

«В хорошие дни мы уходили в сад и там играли с няней Ориной или с Лелей, когда она была свободна. В дурную же погоду я очень любила садиться на окно и смотреть на площадь, где папа со своими офицерами часто учили солдат. Я очень забавлялась, глядя, как они разъезжали под музыку и барабанный бой; как гремя переезжали тяжелые пушки, а мой папа, на красивой лошади, скакал, отдавая приказания, горячася и размахивая руками»⁴.

Наверное, самым унылым местом, где довелось жить семье Петра Алексеевича, было Каменское. Так не раз отзывалась о нем Елена Андреевна в своих письмах друзьям:

«Я живу в скверной, сырой, холодной избе; из моих окон я вижу – на восток сельскую церковь, к западу – кладбище на пригорке, уставленное крестами, готовыми упасть; к югу – большую конюшню, к северу – другое строение, принадлежащее батарее, дальше – степь, пески и болота. Прибавьте к этому вечно пасмурное небо, в доме – угрюмое молчание, едва нарушаемое лепетом Верочки, непрерывный свист ветра, а вечером – вой собак и карканье ворон, – и вы будете знать мое жилище, как если бы вы сами жили в нем. С тех пор, как Лоло живет с гувернанткой в другой избе по соседству с моей, я почти не покидаю моего кабинета – крошечной комнаты, отделенной перегородкою»⁵.

«Я еду в Одессу, где думаю пробыть до июля, оттуда отправляюсь прямо в Умань, где встречу с мужем, и мы вместе двинемся в Орловскую губернию. Я еду в Одессу одна с детьми; не думайте, что я хочу вознаградить себя за время, проведенное в Каменском; нет, – ведь то, что люди называют скукою, мне родная сестра; мы идем с ней рука об руку, и я так свыклась с ее присутствием, что и не замечаю ее. Но мое здоровье так расстроено, что здешние врачи советуют мне обратиться к одесским, – вот что заставляет меня оставить мужа и Каменское... Боже мой! опять перемена в моей жизни, опять новые места, новые люди, опять я в толпе, которая меня не знает, судит и рядит по-своему, – долго ль мне еще скитаться по свету!»⁶.

В родной Екатеринослав Елена Андреевна наведывалась редко и поясняла подруге:

«Ты удивляешься, что Клавдия Ш. пишет тебе, что еще ни разу не видела меня в Екатеринославе, – не мудрено, потому что я никогда там не бываю; там балы, маскарады, сплетни и ссоры, а ты знаешь, я до них не охотница. Ко мне почти еженедельно присылают приглашения, но я отказываюсь под предлогом то нездоровья, то дурной погоды. Pierre

¹ Желиховская В.П. Как я была маленькой. Из воспоминаний раннего детства. СПб., 1894.

² Желиховская В.П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг.

³ Там же. Носить усы генералам, штаб- и обер-офицерам всякого рода войск разрешено с 1832 г.

⁴ Там же.

Леля, Лоло – так называли Е.П. Блаватскую в детские годы.

⁵ М.Г. (Гершензон М.). Материалы по истории русской литературы и культуры.

⁶ Там же.

недавно был на одном из этих пиров, и баронесса Франк, которая теперь избрана губернской предводительницей (в лице своего супруга), громогласно объявила Петру: “Чтоб моя душечка (сиречь я) непременно была у меня на бале 20-го!” А я отвечала, что непременно явлюсь в великий пост, чтоб иметь счастье побеседовать с ней в ее кабинете, а на бале ей не до меня; там всё, начиная от 50-летней губернаторши до девчонок, прыгает и пляшет, что ж мне одной, кавалером печального образа, сидеть в углу?»¹.

Через полвека Каменское никто бы не узнал. Благодаря развитию промышленности и железнодорожного сообщения село постепенно превращалось в крупный промышленный центр. Но и в 1913 году в нем отмечалось отсутствие благоустройства: улицы не вымощены, многие не имеют канав для стока вод и круглый год не высыхают от болот, рассадников эпидемий. В 1917 году Временное правительство присвоило селу статус города с наименованием Каменский, а с 1936 года – это Днепродзержинск. Символом города стал Прометей, разорвавший оковы.

* * *

В конце 1839 года Елена Андреевна откликнулась на просьбу матери и вместе с детьми уехала в Саратов, где оставалась до весны 1841 года. В.П. Желиховская рассказывала:

«Мне пошел пятый год. <...> Сестра, на четыре года старше меня, уже училась серьезно с обеими гувернантками и музыке с мамой. Но бедная наша мама все становилась слабее и больнее, хотя трудилась по-прежнему. Ради ее здоровья, требовавшего правильного лечения, маме необходимо было согласиться на просьбы бабушки, и мы собирались ехать к ним в Саратов, чему Леля и я ужасно были рады»².

«Весь 1840 год мы провели в Саратове, где дед мой, Фадеев, был губернатором. Для нас, детей, год этот был непрерывным, радостным праздником и на последнее время жизни матери моей, я уверена, он пролил отрадный свет. Она выше всего в мире ставила родственные связи; не знала друга более ей близкого, чем сестра ее, была горячо привязана к меньшим своим брату и сестре; а отца своего и мать положительно боготворила»³.

«В июне 1840 г., в Саратове, у моей матери родился ее последний ребенок, – брат наш, Леонид. Его уж не могла она кормить, <...> а последний год ее жизни, проведенный снова с отцом нашим в малороссийской деревне, был рядом то усиливавшихся, то несколько ослабевавших страданий. Но духом она не падала, напротив, – крепла и развивалась до последней минуты. “Напрасный дар” – роман, который смерть ей не дала окончить, всеми критиками, с Белинским во главе, признан самым сильным и лучшим ее произведением»⁴.

«Зима промелькнула быстро, а с приближением новой весны, мама начала поговаривать, что пора собираться нам в дорогу, что ей жаль бедного папу, крепко по нас соскучившегося. Папа писал, что теперь его батарею перевели в хорошее место, в Малороссии, где тепло и маме хорошо было бы жить. Он очень просил ее вернуться весною. Несмотря на горе и просьбы бабушки переждать хоть до лета, мама решила, что выедет ранней весной»⁵.

Так и сделали. В дальний путь отправились двумя экипажами, вместе с доктором, сопровождавшим Елену Андреевну по просьбе отца. Вера Петровна продолжала:

«В последнем городе мы нашли присланных за нами лошадей и поехали дальше на своих. Узнав об этом я каждую минуту ждала, что мы сейчас приедем, сейчас увидим папу, которого я не ясно помнила. Оказалось однако, что мы ехали и никак не могли доехать!... Дорога шла зелеными полями, мимо хорошеньких дубовых рощ и хуторов, закрытых садами. Вокруг так все было весело: летали бабочки, птички заливались, порхая в зелени, столько было цветов по дороге, что так бы и побежала я рвать их на полях и в рощах! А тут тащись в душной карете, переваливайся со стороны на сторону. Скука смертная!...

– Когда же город? – спросила я.

¹ М.Г. (Гершензон М.). Материалы по истории русской литературы и культуры.

² Желиховская В.П. Как я была маленькой.

³ Желиховская В.П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг.

А.М. Фадеев – в 1839–1841 гг. управляющий Саратовской палатой государственных имуществ, гражданским губернатором Саратовской губ. назначен 17 апреля 1841 г.

⁴ Там же.

⁵ Желиховская В.П. Как я была маленькой.

– Какой город? – отозвалась мне мама.

– Тот город, где живет папа, куда мы едем жить! – объясняла я.

– Там города нет. Мы будем жить в деревне. <...> Где папину батарею поставят, там и мы будем жить. <...>

– Да, – нерешительно отвечала я. – Мне хочется его увидеть, только... я нехорошо помню! Он разве такой же рыжий, как брат Лида [Леонид]?»¹.

Но и долгой дороге приходит конец, с трудом преодолели последнюю гору, и вот «сверху горы раскинулись пред нами поля и леса, а среди зелени ближайшей рощи на красивой поляне белелись палатки батареи. Все мы загляделись на красивую картину... Но что это?.. Кто это такие?

К нам навстречу вперегонку, запыхавшись, бежало несколько офицеров. Какой-то совсем молоденький опередил всех, смеясь, крича что-то товарищам; двое, трое других его догоняют... У всех такие веселые лица...

Мама оживилась, припав к окну, называя их по фамилиям.

– А вот смотрите, дети! – вскричала она. – вон и папа бежит! Видите?..

– Где? где?... – спрашиваю я.

– Я вижу папу! – весело кричит Леля, хлопая в ладоши»².

«Карета остановилась; передовой офицер быстро отворил дверцы, и мы сами побежали навстречу папе.

Как весело провели мы этот чудесный вечер! Нам был приготовлен домик на хуторе, но мы остались пить чай в лагере. Все сбежались с приветствиями, с поздравлениями. Накрыли стол пред папиной палаткой; все снесли сюда все, что чем богат: кто варенья, кто сухарей, кто молочник сливок или лимон. Музыка велели играть невдалеке... Все маму любили, все были рады ее возвращению, а уж про папу и говорить нечего!..

Он подложил свою шинель под ноги маме, чтоб она не простудилась, и все возился со своим новым сынишкой, подбрасывая его на воздух и любуясь, как он заливался веселым, звонким хохотом, знакомясь со своим папой. Мы с Лелей, пока Антония с мисс Джефферс хозяйничали у чайного стола, успели с Машей сбежать в рощицу и вернулись с букетами, которые положили перед мамой.

Нам было очень весело!.. Мы дождались восхода луны и все пошли провожать нас с музыкой и песенниками в хутор, где нам была приготовлена чистенькая хата.

Мы прожили тут несколько дней и совсем заморили нашу бедную англичанку, то и дело бегая в лагерь, в рощи и назад домой. Мама ужасалась нашему безделью и, вздыхая, говорила только о том, чтобы поскорее приехать на место, да начинать аккуратно учиться. <...>

Наконец, папина батарея выступила и мы отправились шаг за шагом вместе с нею. Мама так устала от долгой дороги, что доктор ей советовал так медленно ехать. Потому мы два дня ехали 80 верст, до местечка, где должны были жить, но мне было ужасно весело все время. Погода была прекрасная, мы останавливались обедать и пить чай среди дубовых рощ, на зеленой траве, много гуляли и бегали, даже играли в горелки с двумя молодыми офицерами и Антонией. А раз папа взял меня к себе на лошадь. Вот тут-то было торжество!.. Солдаты шли впереди с веселыми песнями, а я важно ехала с папой на его большой рыжей лошади, весело поглядывая на всех.

Один из офицеров, увидав, что я еду с папой, хотел непременно слезть и посадить на свою лошадь Лелю. И Леле этого ужасно хотелось! Она вся вспыхнула и голубые глаза ее загорелись... Но мама этого ни за что не позволила и даже рассердилась на папу, когда он стал просить об этом. <...>

Подъехав к месту нашего роздыха, кто-то из офицеров научил солдат закричать мне:

– Ура!.. Здравия желаем новой командирше!.. что заставило всех, даже нашу чопорную мисс рассмеяться.

Папа крепко поцеловал меня, спуская с лошади на руки денщика Воронова; а я так была довольна, что не заметила, уколол ли он меня на этот раз своими усами...

¹ Желиховская В.П. Как я была маленькой.

² Там же.

К вечеру, в тот же день мы приехали в хорошенькую малороссийскую деревню, где должны были долго прожить»¹.

На этот раз Петр Алексеевич смог устроить свою семью в хорошем деревянном доме с просторными и светлыми комнатами, как писала Вера Петровна. Далее она продолжала:

«Я жила в одной комнате с Леонидом и Антонией; Леля спала рядом с мисс Джефферс; а у мамы была угловая комната, спальня и вместе кабинет, где она проводила часто целые дни и вечера за работой. Ей теперь было гораздо лучше, чем в прежних стоянках папиной батареи, где, бывало, ее рабочий стол отделялся от нашей детской одной каленкоровой занавеской. С высокого крыльца нашего, выходявшего на другую сторону сада в большой зеленый двор, был прекрасный вид, – на далекие поля, темные дубовые рощи, да вишневые садики, из-за которых по утрам живописно подымался голубой дымок спрятанных за ними хат, расстилаясь по долине. <...>

«Мы каждый день аккуратно учились; особенно Леля очень серьезно занималась с гувернанткой английским языком, а французским и еще многому другому – с Антонией; кроме того, к ней откуда-то приезжал три раза в неделю учитель музыки»².

«Мама ужасно радовалась нашим успехам, а папа говорил, что напрасно мы не учимся его родному, немецкому языку, вместо любимого мамой английского.

– Пойдите вот, – говорил он: – повезу вас к бабушке, она заговорит с вами по-немецки, а вы не понимаете!.. Вот и будет и вам, и маме стыдно.

– Вот еще! – закричала я: – бабочка³ не станет говорить с нами на чужом языке... Она сама много языков знает, а говорит всегда по-русски.

– Дурочка! Я не про ту вашу бабушку, что в Саратове живет, говорю. Это другая: моя мама... Она не так далеко отсюда. Вот соберемся, – съездим к ней в гости. <...>

Однако Леля, которой удивительно легко давались языки, сама вызвалась учиться по-немецки и начала три раза в неделю аккуратно заниматься с Антонией. К осени она уже много понимала и читала совершенно свободно. Папа хвалил ее и в шутку называл ее раз “достойной наследницей своих славных предков, германских рыцарей Ган-Ган фон-дер Ротер Ган, не знавших никогда другого языка, кроме немецкого”...

– Значит, папа, они были очень необразованные, – сказала я. – Потому что мама говорит, что все образованные люди должны знать несколько языков...

Папа засмеялся и, целуя меня, сказал, что желал бы, чтобы я была очень образованной девицей, а потому и попросит Антонию Христиановну заняться и со мной немецким языком. <...>

За учением и шалостями время прошло так скоро, что мы и не заметили, как пришел конец лета. Запестрели дубовые рощи, покраснелась рябина и калина, а во фруктовых садах уже груши и яблоки были сняты»⁴.

Настала поздняя холодная осень, «но до ее окончательного наступления, – продолжала рассказ Вера Петровна, – мы сделали еще раз славную прогулку, почти путешествие. Мы знали, что мама иногда ездит в одно богатое имение Диканьку, откуда привозит всегда чудесные цветы, книги и ноты и о котором она рассказывала много интересных вещей. Мне очень хотелось побывать там, и вот, в ясный сентябрьский день, желание мое исполнилось. Я всегда думала, до сих пор, что ничего не может быть богаче и красивей нашего саратовского дома и рощи на даче. Но, походив с мамой по садам, парку, оранжерее с цветами, подобных которым я никогда не видывала, по великолепным залам, убранным картинами, статуями и зеркалами, по галереям с мраморными колоннами и полами из цветных узоров, – я увидела, что очень ошибалась и что такой дом и такие сады мне и во сне не снились!.. Это было имение очень богатых князей [Кочубеев], которые этим летом в нем не жили. <...>

Пока мама возилась с книгами в библиотеке, ставя на место прочитанные и выбирая новые, я все стояла на террасе, любуясь цветами и фонтаном. Наконец, я вошла в залу, где

¹ Желиховская В.П. Как я была маленькой.

² Там же.

³ «Бабочка» – так называла маленькая Вера бабушку Елену Павловну Фадееву.

⁴ Желиховская В.П. Как я была маленькой.

меня занял блестящий паркет, отражавший мое белое платье и ноги точно зеркало. Пройдя несколько больших, красивых комнат, я вошла в угловой, небольшой кабинет княгини»¹.

Неподалеку от дверей во всю стену «стояли мама и Антония, рассматривая у письменного стола какой-то альбом или портфель. Мамино довольное, улыбавшееся лицо сейчас же привлекло мое внимание; обе они как-то странно, улыбались, с любопытством рассматривая картинки в альбоме. Поодаль, в других дверях, стоял благообразный старичок в черном фраке, который все нам показывал, ходя везде с нами.

– Так княгиня это сама рисовала? – спросила мама, весело взглянув на старика.

– Сами-с, – почтительно отвечал он. – Они по этому рисунку изволили еще и другую картинку, немного поболее, нарисовать масляными красками; но только ту они с собою, в чужие края увезли»².

Разговор касался повести Елены Андреевны «Теофания Аббаджо».

«Не я одна удивилась этим словам: мать моя этого никак не ожидала и с большим любопытством и удовольствием, вместе с Антонией и Еленой, старшей сестрой моей, стала рассматривать картину.

Я тоже смотрела, пляясь на цыпочки, и прекрасно помню фигуру женщины в белом, с распущенными черными волосами, на скале у моря... Волны разбивались у ног ее, а ветер разметал ее волосы, но она как будто ничего не замечала, глядя вдаль, в темное небо»³.

Молодая княгиня Кочубей занималась живописью, много и охотно. «То есть вот, что только прочтут или вздумают, сейчас карандашиком набросают, а после наверх, в мастерскую; возьмут палитру, да кисти и другой раз по целым часам и не сходят»⁴, – рассказывал слуга.

По желанию Елены Андреевны он провел их в мастерскую княгини, заметив при этом: «Их сиятельство все вам приказали показывать. Других мы не смеем до всего допускать: разве что сады, оранжереи там или вот дом... Ну, а вашей милости все от самой княгини велено: что только будет вам угодно! Книжки, картины, цветы... <...>

Очень уж им понравились книжечки ваши, сударыня!.. Изволили видеть в библиотеке, в какой богатый переплет их сиятельство сочинения ваши отделали?.. Бывало, как выйдет что-нибудь новенькое, только и речи у них, что об “Зинаиде Р-вой”, – как вы подписываться изволите. Уж на что мы, слуги даже, бывало за обедом или вечером с гостями, все слышим о вас, да о сочинениях ваших разговор идет. Так, что и мне, старику стало любопытно: достал я у управляющего журнал, прочел эту самую вашу “Теофанию Аббаджо”, что у них вот тут, на картинке изображена...»⁵.

«И старый слуга смотрел так самодовольно на рисунок своей госпожи, словно сам нарисовал его»⁶.

* * *

Диканька издавна принадлежала семейству Кочубеев. «Богат и знатен Кочубей» – кто этого не знает? «Кругом Полтавы хутора окружены его садами»... Так вот, с 1687 года селом владел Василий Леонтьевич Кочубей. Тот самый, чье имя навеки связано с гетманом Иваном Мазепой. После казни Кочубея имение в Диканьке конфисковали, но вскоре возвратили его потомкам.

Здесь в 1768 году появился на свет правнук основателя рода, Виктор Павлович Кочубей, звезда которого ярко блистала на политическом небосклоне России, начиная с конца XVIII века. За долгие годы своей деятельности он сумел, говорят, заслужить расположение всех императоров, при которых состоял на службе. Граф и затем князь Виктор Павлович Кочубей занимал самые высокие посты: чрезвычайный посланник в Константинополе, сенатор, председатель Государственного совета, первый в истории России министр внутренних дел, государственный канцлер империи по внутренним делам. И это, наверное, не все.

¹ Желиховская В.П. Как я была маленькой.

² Там же.

³ Желиховская В.П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг.

⁴ Желиховская В.П. Как я была маленькой.

⁵ Там же.

⁶ Желиховская В.П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг.

Женой его стала Мария Васильевна Васильчикова, внучка гетмана Малороссии Кирилла Григорьевича Разумовского¹. А по линии Васильчиковых она породнилась и с семьей Ганов, когда Елизавета Максимовна Ган, бабушка Е.П. Блаватской, вторично вышла замуж за Николая Васильевича Васильчикова².

В 1819–1825 годах В.П. Кочубей управлял министерством внутренних дел, в ведении которого находился Попечительный совет о колонистах Южного края России. И А.М. Фадееву по долгу службы пришлось с ним познакомиться.

«Я имел случай, – писал Андрей Михайлович, – сделаться ему ближе известным уже в 1823-м году, когда он по болезни своей дочери приезжал в Крым и провел зиму в Феодосии. Мы с Инзовым, объезжая иностранные поселения, заехали тогда в Феодосию, где прожили более трех недель и каждый день обедали и проводили вечера у князя Кочубея. Там я много слышал рассказов, суждений и личных мнений князя, всегда здравых, правильных, показывавших большое знание им России. Весною 1824-го года я его сопровождал при посещении Молочанских колоний, и затем, по его приглашению, гостил у него в Крыму... а осенью того же года был у него в прекрасном его имении Диканьке»³.

Как человека сведущего и усердного характеризовал А.М. Фадеева и князь Кочубей. «Не всякой чиновник может быть способен с пользою служить по колониальной части; она требует познания языков, сведения в части хозяйственной, кротости, терпения, – достоинства, кои по всем замечаниям г. Фадеев соединяет в себе»⁴, – писал Кочубей императору Александру I.

Вероятно, близкое знакомство Андрея Михайловича с В.П. Кочубеем и позволило в будущем его дочери подружиться с хозяевами Диканьки. В то время ею владел один из сыновей старого князя – Лев Викторович Кочубей. Выпускник Пажеского корпуса 1828 года, он обучался вместе с Иваном Алексеевичем Ганом, братом П.А. Гана⁵. И это еще один повод для дружеских отношений.

В 1837 году Л.В. Кочубей вышел в отставку и вернулся в Диканьку. Дважды избирался предводителем дворянства Полтавской губернии, увлекался сельским хозяйством, написал книгу о разведении люцерны и эспарцета. Опытной рукой разводил сады и парки, устраивал оранжереи и розарии. Недаром маленькая Вера восхитилась невиданными цветами.

Выйдя в отставку, Лев Викторович женился на своей троюродной племяннице, дочери тайного советника Василия Васильевича Кочубея. Елизавета Васильевна, одаренная немалыми талантами, увлекалась музыкой, любила петь и сама сочиняла музыку. Ее романсы на слова Тютчева, Ростопчиной, Хомякова и Лермонтова были очень популярны в то время. Не забыты они и теперь – именно как композитор княгиня Кочубей сохраняет известность в музыкальном мире. Княгиня отдавала дань литературе и с молодости занималась живописью. Ей полюбили повести Елены Ган, она не только собирала все новинки, но и сама иллюстрировала их. Яркое описание В.П. Желиховской посещения Диканьки убеждает в близком знакомстве Елены Андреевны с Кочубеями и в восторженном, сердечном отношении молодой княгини к ее творчеству.

Горячая поклонница таланта Е.А. Ган, Елизавета Васильевна Кочубей, воздавая должное памяти безвременно ушедшей любимой писательницы, и могла воспроизвести ее портрет с дочерью, известный теперь под названием «Две Елены». Такая версия не кажется совершенно неправдоподобной: «На портрете женщина изображена на темном, а девушка – на светлом фоне. Фигуры скорбно склонены друг к другу. На лицах печаль. Все это, в

¹ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1855; Чечулин Н.Д. Князь Виктор Павлович Кочубей. Очерк жизни и деятельности. СПб., 1900.

Княгиня М.В. Кочубей приходилась племянницей знаменитой Наталье Кирилловне Загряжской, урожденной Разумовской, которую Наталья Кирилловна, не имея своих детей, взяла к себе в качестве приемной дочери. Она и сыскала для Марии Васильевны лучшего в империи жениха, красивого, богатого, просвещенного, по достоинству занимавшего самые высокие государственные должности (Третьякова Л.И. Наталья Загряжская. Шампанское «на дорожку» // Третьякова Л.И. Дамы и господа. М.: Виконт-МВ, 2010).

² Васильчиков Н.В. (1781–1839) – троюродный брат М.В. Кочубей (Долгоруков П.В. Российская родословная книга).

³ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

⁴ Там же.

⁵ Фрейман О.Р. Пажы за 185 лет (1711–1896). Биографии бывших пажей с портретами.

определенной степени, может свидетельствовать, что портрет писался после смерти Е.А. Ган, в память о ней»¹.

Находится уникальный портрет в Музейном центре Е.П. Блаватской и ее семьи, созданном на базе Днепропетровского исторического музея им. Д.И. Яворницкого. В 1991 году намерение создать музей и научный центр ее имени нашло горячий отклик в лице потомков дяди Е.П. Блаватской, Александра Алексеевича Гана. Его праправнук, Петр Алексеевич Ган, проживавший тогда в столице Киргизии, передал в дар Музейному центру эту бесценную семейную реликвию².

По мнению исследователей центра, портрет написан по инициативе отца Елены Петровны Блаватской во время их совместного путешествия по России и Европе, создан «предположительно в 1844–1845 годах и с тех пор хранился в семье Ганов, в их родовом имении близ села Шандровка в Приднепровье. В 1910-е годы был перевезен владельцами в Крым, в конце 1950-х – в Киргизию»³.

На исходе жизни Кочубеи навсегда покинули Россию и поселились в Ницце. Русские аристократы покупали лучшие участки в городе и строили роскошные виллы. Не отстали и Кочубеи, они поселились в особняке, выстроенном по заказу Елизаветы Васильевны. Сегодня виллы так и называют по именам бывших владельцев – «Апраксин», «Кочубей», «Лобанов-Ростовский». В 1925 году особняк Кочубеев приобрела мэрия города, с тех пор это Музей изящных искусств. Оба супруга покоятся на русском кладбище Кокад среди представителей других знатных русских фамилий⁴.

* * *

Приближался роковой 1842 год. «Пришла зима. Занесло, замело все поля, все дороги снегом, – рассказывала В.П. Желиховская. – Садик наш стал непроходим: только узенькая тропка от нас к хозяйкиной хате была протоптана мимо огорода; деревья стояли мохнатые, опущенные наветрами на ветви хлопьями, а окрестные хутора так осели в рыхлый снег, словно спрятаться в него хотели. <...> «Перед Рождеством папа ездил в Харьков и навез оттуда всем подарков и много чего-то, что пронесли к маме в комнату под названием кухонных запасов. <...> Вечером нас позвали в гостиную, где мы увидели, что все собрались при свете одной свечи и ту папа задумал, когда мы вошли. <...>

Вдруг послышалось шуршание и какой-то голубой, дымящийся узор молнией пробежал по темной стене.

– Что это? – вскричали мы.

– Смотрите! смотрите, какой у мамы огненный карандаш! Что она рисует!.. – раздался веселый голос папы.

На стене быстро мелькнуло лицо с орлиным носом, с ослиными ушами... Потом другой профиль, третий... Под быстрой маминой рукой змейкой загорались узоры, рисунки...

– Читайте! – сказала она.

И мы прочли блестящие, дымившиеся, быстро тухнувшие слова: “Лоло и Вера – дурочки”!»⁵.

Канун нового года начался скучно и грустно: «Почти с самого утра мы все были одни: мама – сказали нам, – нездорова и, зная, что она часто не выходит из спальни, когда больна,

¹ Аливанцева Е.В. Елена Ган и Елена Блаватская: Неизвестный парный портрет // Культура и время. 2006. № 2 (20).

² Петр Алексеевич Ган (4.4.1916, Алушка – 14.10.1993, Бишкек) – тезка отца Е.П. Блаватской, ученый-лесовод, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель наук Киргизии, его имя присвоено Институту леса НАН Киргизской Республики, участник Великой Отечественной войны в 1944–1945 гг. Имеет награды: медаль «За боевые заслуги» (1945), орден «Дружбы народов» (1990).

³ Аливанцева Е.В. Елена Ган и Елена Блаватская: Неизвестный парный портрет.

Имение Шандровка находилось в Павлоградском уезде Екатеринославской губ. В Крыму, в Алушке, внук А.А. Гана, Петр Алексеевич Ган (1865–1915), также тезка отца Е.П. Блаватской, построил семейную дачу.

⁴ Чернопятов В.И. Русский Некрополь за границей. Вып. 1. М., 1908; Cimetière Orthodoxe de Caucade (Русское православное кладбище Кокад). Режим доступа: <http://www.elisanet.fi/lahnaja/Caucade/Row.html>

Здесь похоронены две представительницы рода Ган: Ган Евгения Флоровна (1822–1904), урожд. Доливо-Добровольская, жена Евгения Федоровича Гана (1807–1874), о котором упомянуто выше, и их дочь, фрейлина высочайшего двора Ган Евгения Евгеньевна (1847–1933).

⁵ Желиховская В.П. Как я была маленькой.

мы нисколько не удивились ни тому, что Антония целый день от нее не отходила, ни даже тому, что отец почти не показывался. Он только пришел, когда мы обедали втроем с мисс Джефферс; поспешно съел свой борщ, посмотрел на нас через очки, улыбаясь, ущипнул меня за щеку, пошутил с Лелей и ушел, сказав, что ему некогда.

После обеда мисс Джефферс исчезла тоже.

Мы с Лелей уселись смиренно в полутемной комнате, вспоминая с затаенными вздохами о наших прошлогодних праздниках, о подарках бабушки, о чудесной елке. <...>

Вдруг отворилась дверь и вошла Аннушка с Леонидом на руках, а за нею ее толстая сестра Марья, жена папиного денщика Воронова, наша ключница и швея. Они обе, улыбаясь, сели у стенки, поглядывая то на нас, то на дверь, – словно ожидая чего-то. Мы еще ни о чем не догадывались. Я только успела обратить внимание на великолепный расписной пряник, который наш рыжий толстяк держал в пухлых ручонках, обсасывая с него сахар, когда снова отворилась дверь и мамина горничная Маша вошла с еще более веселым лицом.

– Барышни, – сказала она, – идите скорее! Вас маменька к себе зовут!

– Ах!! – вскрикнула тут Леля, хлопнув себя по лбу, – я знаю зачем!..

И выпрыгнув за дверь, она бросилась к маминей комнате. Я, разумеется, за ней, но только добежав до порога спальни поняла в чем дело. Совсем неожиданная, разукрашенная елочка блистала огнями среди комнаты. Под нею лежали игрушки, а вокруг стояли мама, Антония, папа, мисс и все улыбались, очень довольные, что целый день провозившись с елкой, нас так искусно обманули¹.

* * *

Вскоре Петр Алексеевич сдержал обещание навестить бабушку Елизавету Максимовну и познакомить с семьей своей сестры, Елизаветы Алексеевны Марковой². Жили они в имении Александровка Курской губернии³.

«В эту зиму, – вспоминала В.П. Желиховская, – мама так часто болела, что ей не позволяли доктора так много заниматься, как она любила. Чтобы ее оторвать от дела и сколько-нибудь развлечь, папа, наконец, собрался съездить к своим родным в Курск. Наша новая бабушка жила там в деревне у своей дочери. Разумеется, она хоть и очень была с нами ласкова, так же как и новые тети, но у нас к ним не явилось и тени тех чувств, какие мы имели к маминим родным. Мы слишком недолго у них прогостили, да к тому же инстинктом чуяли, что эти новые папины родные стараются показать нам ласку и любовь, а не просто любят, как дорогая наша “бабочка” и “папа большой”⁴.

Мы, разумеется, в то время не могли понять, что эта бабушка нас впервые видит; от сына отвыкла, а маму нашу почти не знает...

Впрочем, Леля скоро подружилась с двоюродными братьями и сестрами и весело бегала с ними по всему дому; но я, как приехала, так и уехала от родных совсем чужою. Глядя на бабушку Лизавету Максимовну Васильчикову, веселую, нарядную старушку, очень еще красивую и живую говорунью, я поняла, в кого у Елены такие курчавые, белые волосы!.. Она и лицом и живостью походила на бабушку»⁵.

Здесь, в Александровке, Елизавета Максимовна жила в окружении множества внучек и внуков⁶. Самый известный среди них – Евгений Львович Марков – писатель, публицист,

¹ Желиховская В.П. Как я была маленькой.

² Незадолго до поездки к матери, 5 декабря 1841 г., П.А. Гана наградили орденом Св. Георгия.

³ Усадьба Александровка вблизи села Крутого Щигровского уезда Курской губ. – «родное гнездо» Льва Александровича Маркова и названное им в честь отца, Александра Андреевича Маркова. Коренное гнездо семьи Теребуж после смерти А.А. Маркова досталось Л.А. Маркову вместе с братом Николаем. Оставив Теребуж брату, Лев Александрович поселился в глухой и дикой тогда Аладьинской степи и выстроил себе новое поместье. Александровка завоевала все права родового гнезда, хотя в Теребуже несколько веков подряд жили предки Марковых, начиная со времени грозного царя, при котором один из Марковых из мести царю стал разбойником Кудеяром и основал в Теребуже свой разбойничий стан на границе тогдашнего Московского царства (Марков А.Л. Записки о прошлом 1893–1920. Александрия, 1940). После Льва Александровича Александровкой владел его сын Евгений Львович Марков.

⁴ «Папа большой» – дедушка Андрей Михайлович Фадеев.

⁵ Желиховская В.П. Как я была маленькой.

⁶ Сыновья Л.А. и Е.А. Марковых: Владислав (1831–1905/1914) – штабс-капитан, статский советник, мировой судья г. Щигры Курской губ. и г. Изюма Харьковской губ., прозаик, историк; Евгений (1835–1903) – статский советник, публицист, писатель, критик, историк, путешественник; Лев (1837–1911) – действительный

путешественник, общественный деятель. В «Памятной книжке Воронежской губернии», где напечатали очерк о его жизни и деятельности, о семье сообщалось кратко.

Отец, Лев Александрович Марков, происходил из дворянского рода Курской губернии, восходящего к началу XVII века, воспитывался «в известной в свое время “школе колоновожатых”, преобразованной потом в военную академию, служил в свите имп[ератора] Александра I и был товарищем многим видным представителям тогдашней военной молодежи, замешанных потом в известных событиях 14 декабря 1825 г.»¹.

Мать Евгения Львовича – «дочь суворовского генерала Гана, и по ней он приходился родственником известному писателю-публицисту, генералу Р.А. Фадееву (1824–1883), писательницам – Е.А. Ган (1814–1842), печатавшей свои произведения под псевдонимом “Зинаиды Р-вой”, Е.П. Блаватской (1831–1891 г., псевдоним “Радда-Бай”), В.П. Желиховской (1835–1896) и С.Ю. Витте, ныне председателю Комитета министров»².

Гораздо больше о жизни Марковых можно узнать из книг самого Евгения Львовича. В одной из них, под названием «Барчуки. Картины прошлого», целые главы посвящены бабушке и дяде Ивану Гану, которого родня просто обожала. Других родственников Евгений Львович в лучшем случае лишь упоминал, давая им вымышленные имена, но для Ивана Гана изменил только отчество Алексеевич на Павлыча.

Как и положено, дом Марковых украшали фамильные портреты, в том числе братьев матери Евгения Львовича, которых он охарактеризовал следующим образом:

«Рассматривая в фортепьянной комнате портреты разных дядей и критически сравнивая их, мы все и во всем отдавали обыкновенно предпочтение Ивану Павлычу, изображенному в виде статного белокурого юноши в белом мундире гвардейских кирасир. За Федором Павлычем признавали только великий талант рисования, за Павлом – храбрость на войне, ибо у него на лице был рубец от сабли, все остальное было у одного дяди Ивана»³.

Федор Павлыч – это, бесспорно, Петр Алексеевич, обладавший, по многим свидетельствам, незаурядными способностями к живописи. К примеру, такой факт из детских воспоминаний его дочери В.П. Желиховской:

«Мне очень нравилось по вечерам, незаметно присев где-нибудь в уголку, слушать чтение больших и неподозревавших о моем присутствии и выводить свои заключения. Папа иногда пристраивался также к большому столу и слушал, рисуя пресмешные карикатуры или лошадей и пушки, а иногда и портреты своих знакомых, которые у него тоже всегда выходили очень смешные, хотя и похожи»⁴.

В экспозиции Днепропетровского Музейного центра Е.П. Блаватской и ее семьи представлен один из ранних рисунков П.А. Гана, о чем сообщается:

«Поиски материалов о Петре Алексеевиче Гане позволили исследователям обнаружить еще несколько новых источников. Так, его рисунок “Плоды” в 2006 году обнаружен в Российском государственном архиве литературы и искусства, в архивном фонде его младшей дочери В.П. Желиховской. Рисунок подписан “P.Hahn” и датирован 1821 годом. Качество рисунка свидетельствует не только о художественном таланте отца

статский советник, педагог, о нем подробнее см. ниже; Николай (1841–1919) – действительный статский советник, инженер путей сообщения, депутат Государственной Думы III и IV созывов; Ростислав (1849–1912) – беллетрист, историк, этнограф; об Анатолии (р. 1832) и Алексее (ск. до 1860) мало что известно.

¹ Литвинов В.В. Евгений Львович Марков.

Марков Лев Александрович (1799–1869) – подпоручик, губернский секретарь, в 1853–1860 гг. председатель Курской уголовной палаты.

По воспоминаниям Анатолия Львовича Маркова (1893–1961), правнука Л.А. Маркова, его прадед не входил в число заговорщиков, но поддерживал со многими из них приятельские отношения, в частности с Пестелем, Муравьевыми, Бобрищевыми-Пушкиными, бывшими частыми гостями в гостиной его прабабушки, дочери генерала фон Ган. Однако после 14 декабря прадед был скомпрометирован этим знакомством в глазах императора Николая, и его блестяще начатая карьера в «свите Его Величества корпуса колонновожатых» оборвалась. Много лет спустя, когда из Сибири вернулся один из декабристов и навестил Льва Александровича и его супругу в Александровке, старики вспомнили бурные дни невозвратного прошлого, и прабабушка не без подъема исполнила на рояле в честь возвратившегося друга революционный полонез Огинского (*Марков А.Л. Родные гнезда. Сан-Франциско, 1962*).

² Литвинов В.В. Евгений Львович Марков.

³ Марков Е.Л. Барчуки. Картины прошлого. СПб., 1875.

⁴ Желиховская В.П. Как я была маленькой.

Е.П. Блаватской, но и о том, что он, как считают специалисты, брал уроки академического рисунка»¹.

Примечательна и другая заметка Евгения Маркова о двоюродном брате в книге «Учебные годы старого барчука»:

«Помню, раз заехал к нам в Ольховатку, проездом из Петербурга, изящный юноша-лицеист, родной племянник матери, только что окончивший курс и ехавший на какую-то юридическую должность в Одессу.

Отец не мог прийти в себя от негодования, что племянник его, генеральский сын, дворянин, записанный в бархатной книге², помещик трех губерний, тащится через всю Россию без лакея, без кучера, без своего экипажа, как какой-нибудь семинарист или приказный, на перекладной тележке!.. Бедный Алеша выдержал нешуточную бурю и вынужден был, не выезжая из Ольховатки, купить себе не только экипаж, но даже лакея и кучера, чтобы появиться с подобающим дворянину достоинством на место своей службы. Даже отец, несмотря на свою скупость, счел своим долгом подарить ему по этому важному случаю тройку доморощенных лошадей»³.

С годами многое стирается в памяти. Видимо, не избежал этого и Евгений Марков, когда вспоминал свое детство. Да он и не ставил задачи точного описания, говоря, что рассказы его «не биография и не автобиография в строгом смысле слова, а свободная переработка свободною кистью художника живых и подлинных материалов давнего былого»⁴.

В действительности его двоюродный брат Алексей Ган, сын Александра Гана и внук генерала Алексея Гана, в 1848 году окончил Ришельевский лицей в Одессе, где жил с матерью и сестрой, и вскоре ему предстояло отправиться по месту службы в Восточную Сибирь. Отец его, к тому времени умерший, уволился из армии с чином штабс-капитана. Естественно, фамилия Ган в Бархатную книгу, составленную в 1687 году, не вписана. Мать Алексея Гана происходила из древнего рода Мартыновых, внесенного в Боярские книги, а также дворянские родословные книги Калужской, Московской, Пензенской и Харьковской губерний⁵.

Куда направлялся «бедный Алеша», погостив в семье Марковых, не столь важно. Евгений Львович акцентировал внимание на другой важной проблеме. «У меня, – писал он, – уже начинали тогда зажигаться понемножку первые огоньки сознания, и я помню, с какою щемящею жалостью и каким смутным чувством стыда за себя и за всех нас охватила меня эта первая, мне ясно понятная картина купли и продажи живой “души” человеческой»⁶.

* * *

Теперь придется коснуться самых печальных событий в жизни семьи П.А. Гана. Несколько лет уже Елена Андреевна болела, но не оставляла своих любимых занятий и была полна творческих планов. Перед подругой она бодрилась и зимой 1839-го сообщала ей: «Я только третьего дня возвратилась из Харькова, Петр Ал[ексеевич] ездил покупать лошадей и возил меня к докторам. Вообразил лечить меня; что мне помогут доктора? je m'en moque⁷! Пройдет и так. У меня такая кошачья жизнь, что я, как Кашей бессмертный, в воде не тону и в огне не горю. Только оторвали меня от деток, я чуть с ума не сошла от тоски за ними...»⁸.

То, что болезнь принимает серьезный характер и предвещает гибель, первой поняла сама Елена Андреевна. «Чем более оставляли ее физические силы, – писала о матери В.П. Желиховская, – тем сильнее сказывалось стремление ее нравственного роста. Точно

¹ Пётр Алексеевич Ган // Музейный центр Е.П. Блаватской и ее семьи (сайт). Режим доступа: <http://museum-blavatsky.com.ua/ru/family/13/>

² Родословная книга князей и дворян российских и выезжих (Бархатная книга). М., 1787. Издана Н.И. Новиковым. Включает в себя наиболее знатные княжеские, боярские и дворянские фамилии.

³ Марков Е. Учебные годы старого барчука. СПб., 1901.

⁴ Там же.

⁵ Михневич И.Г. Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея, с 1817 по 1857 г. Одесса, 1857; Герсеванов М.Н. Воспоминания о моем детстве. Харьков, 1914; Шумков А.А. Хотилицкие Ганы; Бобринский А. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской Империи. Ч. 2. СПб., 1890.

⁶ Марков Е. Учебные годы старого барчука. СПб., 1901. Биографические очерки Е.Л. Маркова в определенный период нашей истории сочли насыщенными классовым дворянским жизнеощущением с изображением «прелести старого крепостного быта».

⁷ je m'en moque (фр.) – мне все равно.

⁸ М.Г. (Гершензон М.). Материалы по истории русской литературы и культуры.

будто предчувствуя близкий конец земного существования, она спешила скорее достигнуть возможного усовершенствования. Да она и действительно предвидела близость своей кончины: непрерывные намеки на это в письмах к сестре, а позже и прямые указания на уверенность в этом, ясно доказывают, что она сама ранее всех знала, что умирает. Она скрывала это от отца и матери, чтоб не огорчать их преждевременно; но других предупреждала года за три и ранее. <...>

В двадцать четыре года эта женщина, пред которой едва открывалась жизнь, полная радужных надежд на успех, на славное будущее, зная, что умирает, ни разу не пожалела лично о себе, о своей погибнувшей молодой жизни!.. По крайней мере, нет на то нигде указания. В самых душевных ее письмах к близким, если где порой вырывается по этому поводу искренний порыв отчаяния, он весь, безраздельно, принадлежит ее детям»¹.

После возвращения из-под Курска от свекрови Елена Андреевна вновь почувствовала себя плохо: «Послали в Харьков за доктором, который уже раз или два приезжал к маме. Он покачал головою, сказал, что маме нужно лечиться серьезно и звал ее переехать в город. Но когда он уехал, мама сказала, что ни за что не переедет в Харьков; а уж если будет нужно, то она весной лучше съездит полечиться в Одессу»².

В надежде на помощь одесских докторов ранней весной Петр Алексеевич вновь отправлял жену на лечение. Больше они не увидятся. И Вера Петровна вспоминала:

«Еще снег не совсем стаял; была серая, мокрая, холодная весна, когда мама собралась ехать в Одессу. Мы, дети, обе гувернантки, Аннушка с Машей, даже повар Аксентий – все уезжали. Бедный папа опять оставался один со своим усатым денщиком Вороновым, да толстой женой его Марьей. Но в то время я совсем его не жалела, радуясь, что еду в красивую Одессу, увижу опять море и, что в особенности меня занимало: увижу дом, где я родилась!.. <...>

Когда пришлось расставаться, все были очень печальны, так что и я приуныла, глядя на бледную, больную маму и на встревоженное лицо папы, по которому одна за другой катились слезы; как он ни старался незаметно стряхнуть их, они скатывались по длинным усам его на грудь.

Много дней мы тащились по холоду и грязи. Мама была печальна и больна и всем нам было очень скучно. <...>

Через месяц или два по приезде в Одессу, мама объявила нам, что к нам сюда едут из Саратова все наши родные. Уж какая это была радость – я и сказать не могу! Наша бедная, дорогая мама, которая все это время то оправлялась, то вдруг опять заболела, разом ожила и повеселела. В свои хорошие дни она хлопотала, искала квартиры, где бы папе большому, бабочке и всем было просторно и удобно поместиться. Такое помещение, наконец, нашлось, немного далеко правда, но мама была этому рада: подальше от пыли, от стука экипажей и шума»³.

Эти дни навсегда сохранились в памяти и отца Елены Андреевны. Он писал: «21-го мая 1842 года, я с семейством моим отправился в Одессу, через Воронеж, Курск и т.д. В Екатеринославе мы погостили несколько дней у старушки моей матери, которую я видел уже в последний раз. Я предполагал побыть у нее долее, но должен был поспешить выездом, узнав об усилившейся болезни бедной моей старшей дочери Елены, которая, по полученному нами известию, находилась в опасности и с нетерпением ожидала нас в Одессе. Ей не столько угрожала болезнь, сколько пагубная, общепринятая тогда метода лечения кровопусканиями; такой слабой, истощенной продолжительным недугом женщине, как она, в течение двух недель пустили восемь раз кровь и поставили более ста пиявок, что конечно привело ее в полное изнурение. Лечил ее врач, считавшийся лучшим в городе. Мы прибыли в Одессу 7-го июня и нашли дочь нашу, хотя тяжело больной, но не в таком дурном положении, как ожидали; ей казалось лучше, она была на ногах и чувствовала облегчение

¹ Желиховская В.П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг.

² Желиховская В.П. Как я была маленькой.

³ Там же. «Саратовские губернские ведомости» от 6 июня 1842 года, № 23, сообщали: «Его Превосходительство Г[осподин] состоящий в должности Саратовского Гражданского Губернатора Статский Советник Андрей Михайлович Фадеев, с разрешения Его Высокопревосходительства Г[осподина] Министра Внутренних Дел, воспользовался трехмесячным отпуском для отъезда к Морским водам. В управление же губернию вступил Г[осподин] Вице-Губернатор Статский Советник Карл Карлович Оде-де-Сион».

сравнительно с прежним, что продолжалось недолго. Вскоре приехал к нам и сын мой Ростислав, произведенный из юнкеров в офицеры конной артиллерии. Не предвидя перемены к худшему в состоянии дочери, я с женой поехал на несколько дней в нашу деревню. По возвращении, мы застали дочь снова опасно больной и в крайней слабости. Двадцать четвертого числа июня она скончалась на 28-м году от рождения, оставив двух малолетних дочерей и одного сына, двухлетнего ребенка, на нашем попечении. Муж ее находился на службе в Польше. Много нам причинило горя это несчастное событие. Дочь наша Елена была женщина, каких немного во всех отношениях. Предчувствуя свою безвременную кончину, она оставила нам предсмертное письмо, прекрасное отражение прекрасной души ее»¹.

Известно, что, умирая, Елена Андреевна просила родителей взять детей к себе и они исполнили ее волю.

Похоронили Елену Андреевну Ган на третий день на Первом (Старом) кладбище Одессы. «Могила была расположена напротив главных ворот кладбища, где позже был сооружен фамильный склеп, в котором погребены ее родственники»².

«Похоронив дочь, нам уже долго оставаться в Одессе было нечего, да и не хотелось, – продолжал А.М. Фадеев. – Тем более что по известиям, получаемым из Саратова, я узнал, что там дразги и беспорядки все увеличиваются по причине мелочного, притязательного и беспокойного нрава вице-губернатора. Мы намеревались ехать до Таганрога, но жена моя не могла переносить морской качки. К тому же мы боялись затруднений с маленькими детьми, внуками, что заставило нас решиться разделить на две партии и разные пути: мне с сыном и дочерью Екатериной поехать на пароходе, а Елене Павловне с младшей дочерью и маленькими внуками туда же сухопутным и, съехавшись в Таганроге, продолжать дорогу уже всем вместе до Саратова. Мы выехали 16-го июля»³.

* * *

Сознание страшной потери пришло не сразу, первый год оказался самым тяжелым. «Жизнь наша в Саратове вначале пошла грустно и очень тихо, – рассказывала В.П. Желиховская. – Все мы были в трауре и, кто приезжал к нам, у всех были такие печальные лица и разговоры, что наводили еще пуще уныние. С иными гостями, близко знавшими маму и ее любившими, как родственник ее, Евгений Иванович, как Марья Семеновна Жукова, Надежда Михайловна Бер и наш добрый доктор, Николай Фомищ Троицкий, бабушка подолгу беседовала и плакала о ней вместе с ними»⁴.

М.С. Жукова, сестра Е.А. Ган по перу, вошла в историю русской литературы как талантливая беллетристка, автор романтических повестей и путевых очерков. Обе сотрудничали с журналом «Библиотека для чтения», обе стали печататься почти

¹ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

² *Калугин Г.* Одесское Первое (Старое) кладбище // Независимое интернет-издание «Рупор Одессы». 2011. 8 октября. Режим доступа: [http://rupor.od.ua/article/Odesskoe-Pervoe-\(Staroe\)-kladbische-istoriya-i-s/](http://rupor.od.ua/article/Odesskoe-Pervoe-(Staroe)-kladbische-istoriya-i-s/)

На Старом кладбище также похоронены Фадеев Р.А., Желиховская В.П., Витте Е.А. (мать почетного гражданина Одессы С.Ю. Витте), Витте Б.Ю. (старший председатель Одесской судебной палаты).

Старое кладбище находилось в конце Преображенской ул., возле Привозной пл. Вначале оно было окопано канавой, а после сооружения на нем церкви обнесено каменной стеной. В 1845 г. кладбище разбили на правильные кварталы, аллеи между ними вымостили щебнем и засадили деревьями. Здесь покоилось много знаменитых одесситов. Летом кладбище утопало в роскошной зелени и содержалось в образцовой чистоте. Среди памятников многие удивляли своей оригинальностью, а также надписями на них как древними, так и новейшего происхождения. К началу XX в. кладбище закрыли для погребения, и только в исключительных случаях там хоронили почивших знатных граждан в фамильных склепах (*Сандомирский Ю.* Путеводитель по Одессе. Одесса, 1901).

³ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

⁴ *Желиховская В.П.* Мое отрочество. СПб., 1893.

Кто такой «родственник Евгений Иванович», не установлено.

Жукова Мария Семеновна, урожд. Зевакина, (1804/1805–1855) – одна из популярных женщин-писательниц 30–40-х гг. XIX в. В «Библиотеке для чтения» вышли первые повести М.С. Жуковой «Вечера на Карповке» (1837), «Мои курские знакомцы» (1838). Ей также принадлежат сочинения «Черный демон», «Картезианский монастырь», «Очерки Южной Франции и Ниццы», «Дача на Петергофской дороге», «Эпизод из жизни деревенской дамы» и др.

Бер Надежда Михайловна, урожд. Протасьева (1814–1894) – супруга Николая Ивановича Бера (1803–1878), деятеля медицины, помещика, служившего в Саратове под началом А.М. Фадеева на разных должностях. Известны портреты Н.И. Бера и супругов Н.И. и Н.М. Бер работы художника В.А. Тропинина.

одновременно в 1837 году, обе заслужили высокую оценку В.Г. Белинского. Там, в Петербурге, и могло состояться их знакомство. Да и Саратов – не исключение: Фадеевы жили открыто и отличались гостеприимством.

«Жукову, – отзывалась о ней В.П. Желиховская, – я очень любила за то, что она чудесно рисовала цветы; после уж я узнала, что она была известная в то время писательница, как и моя мать, и читала ее повести и путешествия с большим удовольствием»¹.

Как писала Вера Петровна, «рождественские праздники в том траурном году, разумеется, в семье нашей только для нас, детей, прошли весело; да и то, даже я, не раз печально задумывалась, вспоминая нашу прошлогоднюю, – “последнюю мамину елочку”, – кукольный мой дом, арапа в красной куртке и других кукол маминой работы. Антония, накануне нового года, все от нас пряталась, чтобы мы не видели ее заплаканных глаз; но мы и сами плакали и грустно встретили этот первый год нашего сиротства, как ни старалась бабочка нас веселить и развлекать, беспрестанно собирая к нам детей и нас самих отправляя в гости»².

А к весне 1843 года из Петербурга прислали только что изданные сочинения Е.А. Ган. Вид этих книг производил на маленькую Веру одновременно приятное и горькое впечатление, пробуждали тяжкое сознание смерти матери и «вместе с тем чувство гордости за свою умную, всеми любимую мать, оплакиваемую даже никогда не выдавшими ее постронными людьми»³.

Да, много горя причинило семье это несчастное событие. Как пережил Петр Алексеевич потерю жены, можно догадаться и понять. У каждого есть свой печальный опыт, связанный со смертью родных. Очень верно сказал об этом поэт Александр Яхонтов⁴, будущий родственник Петра Алексеевича:

В тоске отчаянья сначала
«Не перенести мне», – думал я.
Вот перенес же, сил достало...
Но как? – Не спрашивай меня.

Бесспорно, Петр Алексеевич мог не беспокоиться о судьбе дочерей и сына: «В доме Фадеевых они нашли горячую любовь и все заботы, которые возможно было приложить к образованию осиротевших детей»⁵. Они оказались в надежных руках, но вдали от отца и не могли принести ему отраду, равно как и он не мог смягчить их боль.

Еще два с половиной года продолжалась его армейская служба. Рассчитывать на ежегодный отпуск тогда не приходилось. Лишь однажды, в декабре 1843 года, ему предоставили отпуск на 28 дней. Однако в срок по месту службы из-за болезни П.А. Ган не явился, о чем представил два медицинских свидетельства, признанных уважительными⁶. Порядок в армии соблюдался строго.

Свой отпуск Петр Алексеевич Ган провел, разумеется, в Саратове, с детьми и родными, что подтверждают саратовские исследователи. В метрической книге кафедрального Александро-Невского собора за 1844 год, как они сообщают, имеется актовая

¹ Желиховская В.П. Мое отрочество.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Яхонтов Александр Николаевич (1820–1890), лицеист выпуска 1838 г. – известный поэт, переводчик, автор популярных книг для крестьян, деятель в области народного образования, директор училищ Псковской губ., действительный статский советник; брат первого мужа В.П. Желиховской. Известен переводами драмы «Горквата Тассо», «Ифигении в Тавриде», «Венецианских эпиграмм» Гете, «Эмилии Галотти» Лессинга, а также стихотворений Гете, Шиллера, Гейне, Мицкевича и др.

⁵ Желиховская В.П. Елена Петровна Блаватская. Биографический очерк // Русское обозрение. 1891. № 11.

⁶ Дело об увольнении от службы подполковника Гана. За время 30-летней службы П.А. Ган находился в официальном домашнем отпуске всего пять с половиной месяцев.

В артиллерии одновременно увольняться в отпуск могли не более 1 офицера из роты и 1 ротного командира из бригады. Опоздания из отпусков даже на один день считались тяжелой провинностью. Допустившие просрочку подвергались взысканию. За просрочку более месяца офицер обходился следующим чином при очередном повышении и у него вычиталось два года выслуги к пенсии, а просрочивший более 4 месяцев исключался со службы с преданием суду. Продление отпуска допускалось в строго оговоренных случаях и с документальным подтверждением (Волков С.В. Русский офицерский корпус).

запись № 1 от 7 января о венчании титулярного советника, служащего по министерству государственных имуществ, управляющего Юго-Восточной фермой, находящейся Саратовской губернии в Новоузенском уезде, Юлия Федорова сына Витте, лютеранского исповедания, 29 лет, и Екатерины Андреевой Фадеевой, православного исповедания, 24 года, дочери состоящего в должности саратовского гражданского губернатора, статского советника Андрея Михайлова Фадеева¹. Среди поручителей со стороны невесты в записи указан «конной артиллерии подполковник Петр Алексеев сын Ган», отец Е.П. Блаватской. Приезд П.А. Гана был зафиксирован также местной прессой. В газете «Саратовские губернские ведомости» от 18 декабря 1843 года в числе лиц, прибывших в Саратов в период с 8 по 15 декабря, упомянут полковник Ган. Хотя воинское звание в документе и в газете указано разное, все же можно полагать, что речь идет об одном и том же лице»².

Наконец через год, 2 декабря 1844 года, П.А. Ган подает прошение об увольнении из армии. И 8 февраля 1845 года следует высочайший приказ об отставке³:

Его Императорское Величество,
в присутствии Своем
в С.-Петербурге,
Февраля 8 дня 1845 года,
соизволил отдать следующий
ПРИКАЗ.

Увольняются от службы:
За болезнью

По артиллерии
Бывший Командир Конно-Артиллерийской Легкой № 6-го
батареи Подполковник Ган, Полковником, с мундиром
и пенсионом полного жалования.

Подписал:
Военный Министр, Генерал-Адъютант Князь Чернышев.

Свою гражданскую жизнь Петр Алексеевич собирался начать вместе с детьми. «Жительство по отставке буду иметь в Губернском Городе Саратове»⁴, – заявлял он в своем прошении императору. Но не сложилось...

Что же представлял собой Саратов в то время?

Вполне справедливо звучат слова неизвестного саратовца: «Грибоедова комедия бессмертна, а все-таки Саратов не глушь. Живем мы в нем весело и не завидуем столицам»¹.

¹ Гусакова З.Е. О тех, кто жил, о том, что было. Заметки архивиста.

Витте Юлий Федорович (Христофор Генрих Георг Юлиус) (1814–1868) – с 1842 г. на службе в Саратовской губ., с 1847 г. – в Закавказском крае, отец С.Ю. Витте.

Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – известный государственный деятель, министр путей сообщения, министр финансов, председатель Совета министров, двоюродный брат Е.П. Блаватской.

По воспоминаниям С.Ю. Витте, семья Фадеевых была «архиправославная», поэтому его отец, Ю.Ф. Витте, лютеранин от рождения, изменил вероисповедание (*Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III. (1849–1894). Т. 3. Л.: Гос. издательство, 1924*). Однако такая характеристика Фадеевых не является достоверной. П.А. Ган оставался лютеранином до конца жизни, что не мешало ему быть зятем Фадеевых. Известно также, что Ю.Ф. Витте принял православие после 1853 г. и на момент бракосочетания и рождения детей оставался лютеранином (*Левин Н.Ф. Граф С.Ю. Витте – дворянин Псковской губернии // Централизованная библиотечная система города Пскова (сайт). Режим доступа: <http://www.bibliopskov.ru/vitte.htm>*).

² Там же.

³ Высочайшие приказы о чинах военных. СПб., 1845; Дело об увольнении от службы подполковника Гана.

Прошения об отставке подавались 1 раз в год перед 1 января. Увольнение по болезни осуществлялось в случае длительной болезни офицера, отмечаемой в месячных рапортах, за которыми следил сам император (*Волков С.В. Русский офицерский корпус*). Формулировки «награждение следующим чином при отставке» и «производство в следующий чин с увольнением от службы» имели принципиально разное содержание. Первая означала, что офицер получает следующий чин только для нахождения в отставке (а при поступлении вновь на службу принимается прежним чином), а вторая равносильна производству во время нахождения на действительной службе (*Волков С.В. Русский офицерский корпус*).

⁴ Дело об увольнении от службы подполковника Гана.

«Даже во времена Грибоедова Саратов был не большей глухоманью, чем другие губернские города, и рос чрезвычайно бурно, – считают современные журналисты. – Из захудалого местечка, вконец опустевшего в 1774 году, когда его взял Пугачев и почти все жители ушли в его войско, Саратов, благодаря хлебной и соляной торговле, быстро превратился в богатый купеческий город. В 1811 году в нем уже насчитывалось 27 тысяч жителей»². А ко времени приезда Фадеевых Саратовская губерния, тогда еще не разделенная, вмещала в себе народонаселение, по количеству равное целому Баварскому королевству»³.

О предложении возглавить палату государственных имуществ А.М. Фадеев узнал заблаговременно и приехал в Саратов из Астрахани в конце 1838 года. Новый год власти отметили праздничной церемонией:

«Первое Января 1839 года, кроме общего торжества, какое обыкновенно происходит везде в Российской Империи, ознаменовано у нас событием, важным в летописях Саратова. В этот день открыта здесь, в Саратове, по Высочайшему повелению, Палата Государственных Имуществ. Накануне этого дня, вечером, в доме, назначенном для помещения Палаты, отправлено всенощное бдение кафедральным Протоиереем. Поутру, в девять часов, чины отправились к Божественной Литургии. По окончании оной, в первом часу, прибыли в Палату Господин Управляющий Палаты, члены и другие чиновники, определенные в состав оной; вслед за тем прибыли Их Превосходительства, Господин Сенатор Тайный Советник Денфер, бывший здесь по случаю ревизии Губернии, Военный Губернатор города Саратова и Саратовский Гражданский Губернатор, Генерал-Майор Бибилов, чиновники военные и гражданские. Губернский Прокурор прочел Высочайший Указ об открытии Палаты. Преосвященный Иаков, Епископ Саратовский и Царицынский, пред совершением молебствия с водосвятием, говорил приличную торжеству речь, в которой в немногих словах высказал многое, изложив благотворительную цель мудрого Правительства, для коей сие новое управление учреждается, и обязанности служащих. По совершении священных обрядов, все комнаты, предназначенные для Палаты, окроплены святою водою. Вся сия церемония происходила с благоговейною важностью, которая, действуя на умы присутствовавших, невольно увлекала их к великой мысли сего преобразования. Счастлив народ, управляемый мудрым Правительством: оно знает его нужды и потребности, и имеет о нем отеческие попечения. В заключение сего торжества Господин Управляющий Палаты угощал посетителей роскошным завтраком, за которым пили тосты за здоровье Царя и всего Августейшего Дома, и за здоровье Господина Министра Государственных Имуществ, с неутомимою деятельностью и благородным самоотвержением стремящегося к достижению благонамеренной цели Правительства по введению новых начал сей истинно полезной части управления в нашем любезном отечестве»⁴.

Еще через два года, 17 апреля 1841 года, Фадеев Андрей Михайлович, произведенный в статские советники, занял пост гражданского губернатора и прослужил в этой должности до 12 января 1846 года⁵.

Многочисленные свидетельства говорят о благодарности и уважении жителей Саратовского края к своему двенадцатому губернатору. Помнят его и поныне¹.

¹ «Северная пчела». 1839. № 46. Имеются в виду знаменитые слова Фамусова из комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова (1795–1829), обращенные к дочери:

Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми;

Подале от этих хватов.

В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов,

Там будешь горе горевать.

За пальцами сидеть, за святцами зевать.

² Еженедельная газета частных объявлений «Недвижимость – Пресс-парк» по Саратову и области. 1998. № 16.

³ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

⁴ Северная пчела. 1839. № 32. См. также: *Леопольдов А.* Исторический очерк Саратовского края. М., 1848.

Министром государственных имуществ в 1837–1856 гг. являлся Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872) – граф, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Комитета министров, член Кавказского комитета.

⁵ *Минх А.Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Вып. 3. Саратов, 1901; Месяцословы на 1841–1842 гг.; Адрес-календари на 1843–1845 гг.

Среди важнейших заслуг А.М. Фадеева для столицы губернии чаще всего отмечают открытие двух первых водопроводов и детского приюта, положившего начало созданию детских благотворительных учреждений. «Несмотря на то, что Саратов стоит над Волгой, большая часть жителей его нуждается в хорошей воде потому, что к реке примыкает только 1/8 часть города»², – говорилось в статистических материалах губернии. И вот, наконец, в Саратове «открыты два водопровода: один 17 Декабря 1844 года, другой 20 Октября 1845 года. Первый бассейн установлен на сенной площади, второй на главной площади, против алтаря Кафедрального Собора. <...> Это благодеяние, оказанное жителям города, принято с полною благодарностию. Воды изобильно и для потребления, и для поливы сквера, а особливо на случай пожаров»³.

Детский приют в Саратове задумали основать еще в 1838 году, но средств к открытию и содержанию его долго не хватало. По приезду А.М. Фадеева дело сдвинулось с мертвой точки, и 3 октября 1843 года состоялось торжественное открытие первого приюта. Относился он к ведомству императрицы Марии Федоровны и получил название Мариинского. Целью приюта было не только доставить убежище бедным детям и внушить им чувство религии и доброй нравственности, но и передать сообразные возрасту понятия о вещах, их окружающих⁴. Основательницей приюта Андрей Михайлович называет супругу Елену Павловну Фадееву, которая много лет оставалась попечительницей своего детища⁵.

В.П. Желиховская не раз вспоминала приют в своих книгах⁶. Маленькая Вера не только познакомилась с жизнью воспитанниц, но и подружилась с ними. С тех пор девочки из приюта часто бывали в гостях у Фадеевых. «Ваша бабушка, – говорила одна из девочек, – такая добрая, Верочка, что другой такой, может быть, и на свете нет! Она обо всех нас заботится: мы ей всем обязаны. Она нас и кормит и одевает и учит»⁷.

А час разлуки приютских детей с любимой попечительницей навсегда врезался в память Веры: «Такого плача и рыданий, таких напутствий и детских благословений, я в жизнь свою больше не видывала. Детские слезы не могут быть неискренни, особенно при расставании с особами, с которыми покончены все официальные расчеты»⁸.

Перечень благодеяний губернатора Фадеева велик, однако все они давались большим напряжением сил и сопровождались противодействием недоброжелателей. Постоянные разъезды по губернии, ложные обвинения, ревизии, отвлекавшие от настоящего дела, болезнь жены, смерть дочери, мелкая суэта постепенно расстроили и собственное здоровье Андрея Михайловича. Он с горечью размышлял: «Никогда я не думал и не гадал об этом назначении. Если бы меня спросили предварительно, желаю ли я его, то я решительно отказался бы, потому что видел уже много раз, как трудно без особенной протекции редких благоприятных случаев, быть у нас истинно полезным на этом поприще, и как легко потерять в этом звании репутацию, долговременной службою приобретенную, иногда вовсе без действительной собственной вины. В Саратовской же губернии, особенно с самого начала царствования Императора Александра I, почти все губернаторы оканчивали свою службу худо»⁹.

Невозможность подобрать надежных сотрудников и взяточничество довершали картину. Один из чиновников рассказывал: «Взятки брались почти открыто, и это считалось благодарностью за труд, недостаточно оплачиваемый государством. Берущих без вымогательства даже не считали за взяточников, а за таковых признавали только

¹ Семенов В.Н. Достойный потомок и славный предок. 1841–1846 гг. // В.Н. Семенов. Начальные люди Саратова. Саратов, 1998; Булычев М. Губернатор Фадеев и его знаменитое потомство // Памятники Отечества. М., 1998.

² Военно-статистическое обозрение Российской империи: Саратовская губерния. Т. 5. СПб., 1852.

³ Леопольдов А. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. См. также: Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Т. 1. Саратов, 1881.

⁴ Там же.

⁵ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева; Адрес-календари на 1845–1850 гг.

⁶ Желиховская В.П. Как я была маленькой.

В этой книге открытие детского приюта В.П. Желиховская относит ко времени своего первого пребывания в Саратове в 1840–1841 гг., однако приют открыли во время второго пребывания в 1842–1847 гг.

⁷ Там же.

⁸ Желиховская В.П. Мое отрочество.

⁹ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

вымогателей. Развитию взяточничества несомненно способствовала неустойчивость служебного положения. Никакие заслуги, никакая добросовестность в работе не могли труженику чиновнику гарантировать безопасность от капризов начальства, кончающихся нередко увольнением со службы по самым ничтожным поводам. Карьеризм и выдвигание ничтожностей встречались на каждом шагу»¹.

Решительными мерами против коррупции Фадеев обрел много врагов, которые при каждом удобном случае «строчили доносы в Петербург, где у губернатора тоже имелись сильные оппоненты. И главным из них, конечно же, был министр внутренних дел Перовский, который с самого начала был уязвлен назначением Фадеева в Саратов, совершенным “через голову” министра»².

Чтобы разрешить должностную проблему и лично объясниться с Перовским, Андрей Михайлович в начале сентября 1845 года выехал в Петербург. «Я очень хорошо понимал, что Перовский хочет лишь одного – только бы меня выжить»³, – писал он. То есть желал окончательно насолить Фадееву и заставить его самого просить об отставке. Так и случилось⁴. В надежде на помощь А.М. Фадеев написал письмо князю М.С. Воронцову, назначенному наместником в Закавказский край⁵. А в первых числах января 1846 года подал прошение об увольнении и вскоре получил его. Газета «Северная пчела» от 29 января сообщала по этому поводу: «Статский Советник Фадеев Всемиловнейше уволен, согласно его прошению, по расстроенному здоровью, от должности Саратовского Гражданского губернатора, и повелено быть в сей должности, служащему в Министерстве Внутренних Дел, Статскому Советнику Кожевникову».

Чем закончилась дело А.М. Фадеева, известно. Князь М.С. Воронцов, хорошо знавший и ценивший Фадеева, пригласил его занять место в Совете Главного управления Закавказским краем и в выборе своем не ошибся⁶.

¹ Жеребцов В.И. Из прошлого Саратова // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 30. 1913.

² Семенов В.Н. Достойный потомок и славный предок. 1841–1846 гг.

Фадеев А.М. назначен Саратовским гражданским губернатором по рекомендации министра государственных имуществ Киселева П.Д., с которым Перовский Л.А. был в недружественных отношениях.

Перовский Лев Алексеевич (1792–1856) – министр внутренних дел в 1841–1852 гг., до 1821 г. член Союза Благоденствия; один из внебрачных сыновей гр. А.К. Разумовского и М.М. Соболевской; брат писателя Алексея Алексеевича Перовского (1787–1836) (Антония Погорельского); Софья Львовна Перовская (1853–1881), член «Народной воли», руководительница покушения на Александра II, приведшего к его смерти, приходилась Л.А. Перовскому внучатой племянницей.

³ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

⁴ По закону гражданские чиновники имели право увольняться с 1 января по 1 мая. Потому Перовский намеренно задержал Фадеева в Петербурге до нового года, а после отставки Фадеева постарался испортить его репутацию, что, впрочем, не удалось: «По Высоч[айшему] повелению, объявленному в указе Прав[ительствующего] Сената 12 Авг. 1846 г., сделан ему [Фадееву] строгий выговор со внесением в формуляр[ный] список, за удержание у себя во время управления Саратовск[ой] губ. судебного приговора более установленного срока, а 26 Янв. 1847 г. Высоч[айше] повелено выговора сего не считать препятствием к получению наград».

⁵ Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) – известный государственный деятель, князь, герой войны 1812 г., Новороссийский и Бессарабский губернатор (1823–1844), Кавказский наместник (1844–1854). Высочайшим приказом от 27 декабря 1844 г. назначен Главнокомандующим Отдельным кавказским корпусом и наместником Кавказским с оставлением в прежних должностях и звании Генерал-Адъютанта (Северная пчела. 1844. № 294; Кавказский календарь на 1850 г.).

⁶ Из мемуаров В.А. Инсарского (1814–1882), директора гражданской канцелярии кавказского наместника (1857–1862): «Четвертый член совета, имевший отдельную часть, был Фадеев. После упразднения в Закавказском крае палат государственных имуществ, которые открыты были там вслед за учреждением министерства государственных имуществ, образована была в Тифлисе особая экспедиция для заведования этою частью, нечто вроде департамента, отдельного и независимого от общей канцелярии наместника. Этою-то экспедициею, а через нее всеми государственными имуществами в Закавказском крае, и заведовал Фадеев. Фадеев был очень умный и чрезвычайно опытный старик. Я его помнил с 1837 года, когда, пред учреждением министерства государственных имуществ, находился в V отделении “Собственной его величества канцелярии”. В числе различных и многих личностей, толкавшихся тогда в V отделении, его сухая фигура с поднятыми вверх волосами обращала на себя особенное наше внимание. В то время он был попечителем калмыцкого народа в Астрахани и в этой должности, кажется, успел уже приобрести отличную репутацию, вследствие которой он скоро был назначен управляющим саратовскою палатою государственных имуществ. Когда же в этой губернии повалилось, один за другим, несколько губернаторов, неспособных или неблагонадежных, и когда министр внутренних дел просил Киселева указать ему кого-нибудь из своих чиновников на эту должность, Киселев

Вот в таком безрадостном положении застал своего тестя Петр Алексеевич Ган, уходя из армии и желая перебраться к детям в Саратов. Но прежде чем окончательно определить свое гражданское будущее, он осуществил другой план. Приведем известные строки из письма Е.П. Блаватской: «Визит в Лондон? Я была в Лондоне и во Франции с отцом в 1844, а не в 1851 году. <...> В 1845 году отец привез меня в Лондон, чтобы взять несколько уроков музыки. И взяли, правда несколько позже, – у старого Мошелеса. Жили с ним где-то неподалеку от Пимлико – но даже в этом я не присягнула бы. Уехали с ним в Бат, оставались там целую неделю, весь день не слыша ничего, кроме колокольного звона в церквях. <...> Когда мы отправились домой, он благодарил судьбу; ехали два или три месяца по Франции, Германии и России. В России наш собственный экипаж и лошади делали в день двадцать пять миль»¹.

Согласно действовавшему тогда законодательству для выезда за границу требовалось получить высочайшее разрешение и оформить заграничный паспорт². К прошению прилагалось свидетельство от полиции, удостоверяющее, что законных препятствий для отъезда нет. Указывалась и цель поездки: для излечения болезни, для получения и усовершенствования образования детей и т.д. Если ехали лечиться, предъявляли свидетельство о болезни от врачебной управы, от местного губернского начальства и от начальства по месту службы. Для дворян дозволенный срок пребывания за границей составлял пять лет. А заграничные паспорта имели силу в течение трех месяцев. Выезжающий обязан был трижды известить об отъезде в губернских ведомостях, а по возвращении сообщить об этом начальникам губернии. Выдачей паспортов ведало губернское начальство, гражданские губернаторы или градоначальники. Батарея П.А. Гана на момент его отставки располагалась в местечке Деречине Слонимского уезда Гродненской губернии³. Возможно, заграничный паспорт Петр Алексеевич оформил именно в Гродно. Нельзя исключить и Саратов, где жила тогда Елена Петровна. Дела о выдаче паспортов и их копии сохранялись в губернаторских архивах.

Что же касается Лондона, то приблизительными ориентирами для определения сроков пребывания в нем П.А. Гана и Е.П. Блаватской могут служить сведения из биографии композитора Игнаца Мошелеса. В 1821–1845 годах он проживал в Лондоне, а в январе 1846 года переехал в Лейпциг по приглашению недавно открытой консерватории. Там он и скончался в 1870 году. Вскоре его жена Шарлотта Мошелес опубликовала мемуары «Жизнь

указал на Фадеева, который, нежданно-негаданно, без всякого со своей стороны искательства и ходатайства, в одно прекрасное утро и назначен был саратовским губернатором. Дурно ли, хорошо ли он губернаторствовал – я не знаю; известно только, что с новым министром внутренних дел Бибиковым [точнее – Л.А. Перовским] пошли у него сильные нелады, вследствие которых он должен был оставить место. Тогда он обратился к князю Воронцову, знавшему его по прежней службе в Новороссийском крае, с просьбою приютить его на Кавказе, вследствие чего и был сделан членом совета и управляющим экспедициею государственных имуществ» (Записки Василия Антоновича Инсарского // Русская старина. 1897. № 9).

¹ Блаватская Е.П. Письма А.П. Синнетту. М.: Сфера, 1996.

Пимлико – район Лондона, в деловом центре Вестминстера. Славится садами, созданными в середине XIX в., старинными зданиями аристократов и состоятельных жителей, роскошью и покоем.

Бат – главный город графства Сомерсет в Англии, в долине реки Эйвон. Основан римлянами возле целебных горячих источников, с XVIII в. популярный бальнеологический курорт. В центре города расположено Батское аббатство.

В формулярном списке П.А. Гана поездка за границу и соответственно отпуск с этой целью во время службы в армии не зафиксированы. С учетом данных биографии И. Мошелеса путешествие могло состояться после отставки П.А. Гана, предположительно, в 1-ой половине 1845 г. Фраза об уроках Мошелеса, которые «взяли, правда несколько позже», возможно, говорит о том, что получить их сразу не удалось по причине отсутствия композитора в Лондоне.

Согласно редакционной версии в русском издании книги С. Крэнстон (*Крэнстон С. Е.П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения*. Рига-М.: Лигатма, 1999), П.А. Ган вышел в отставку 23 октября 1845 г., после чего побывал с дочерью в Лондоне. Теперь известна точная дата его отставки.

² Устав о паспортах и беглых // Свод Законов Российской империи. Т. 14: Уставы благочиния. Ч. 3. СПб., 1842.

³ Дело об увольнении от службы подполковника Гана.

Мошелеса по его письмам и дневникам»¹. Из них следует, что в ноябре-декабре 1844 и январе 1845 года Игнац Мошелес совершал турне по городам Австрии и Германии, давал концерты в Вене, Лейпциге, Берлине и Гамбурге. С марта 1845 года он находился в Лондоне, а в августе участвовал в музыкальном фестивале в Бонне в честь 75-летия Бетховена. Затем Мошелес посетил Кельн, Париж, 23 ноября дал концерт в Сен-Клу, а в декабре получил письмо от Мендельсона с приглашением в Лейпциг.

Как прошел 1845 год в Саратове, рассказано в воспоминаниях А.М. Фадеева и В.П. Желиховской.

В феврале Андрей Михайлович ездил в Волжск по раскольническим делам. В июне отправился в южные нагорные уезды, побывал в Цареве, где шла разработка зданий в бывшей главной ставке Золотой орды. Дальше он писал так:

«Немного ранее, дочь моя Екатерина родила мне внука Андрея, прекрасного мальчика, к сожалению, скончавшегося на третьем годе. Между тем, болезненное состояние жены моей, по временам усиливающееся, заставило ее, по совету врачей, отправиться на лечение к Сергиевским минеральным водам, с дочерьми. Я остался на даче с внуками. Лето стояло жаркое... <...> Приехал ко мне, повидаться с детьми, мой зять Ган, муж старшей моей покойной дочери. <...> В июле месяце я наконец получил дозволение от Перовского приехать в Петербург; но до выезда туда должен был совершить еще одно путешествие по губернии»². По завершении дел Андрей Михайлович, встретив жену, вернулся домой, а 2 сентября отправился в Петербург, где пробыл несколько месяцев.

Иные впечатления о том лете остались у В.П. Желиховской. Вера Петровна запомнила его шумным, многолюдным и веселым. Собралась вся семья, гости съехались со всех сторон.

«Приехал даже наш отец, – сообщала она, – будто предчувствуя, что скоро дети его уедут очень далеко, он захотел повидаться с нами и проститься. Мы, три года не видав папу, едва его узнали, – я, по крайней мере. Он, бедный, сильно постарел и изменился... Помню, что мне было очень жаль его, что он живет так далеко, совсем один; но когда он спросил, – не хочу ли я ехать с ним? – я испугалась... Как могла я уехать от всех родных, от своей дорогой бабочки, от тетей, Антонии, маленького Люси?.. Нет! Я не могла об этом подумать без содрогания и горько заплакала, не зная, что ему ответить. Но папа сам меня успокоил, сказав, что он только пошутил, – что пока мы не вырастим, или он не переменит службы, ему невозможно при вечно-походной жизни взять нас к себе»³.

«Это шумное лето, полное удовольствий и треволнений, закончилось грустно, – отмечала Вера Петровна. – Я была, во-первых, очень огорчена отъездом отца, пробывшего с нами всего один месяц»⁴. Потом Вера заболела и весь август провела в сравнительном одиночестве, а «бабушка с тетей и Надей тогда уезжали лечиться куда-то, – на соляные купания, на Эльтонское озеро, или на Сергиевские воды, – верно не вспомню. Они вернулись только к сентябрю и тогда мы все переехали в город, а дедушка скоро отправился по делам в Петербург»⁵.

Других фактов о событиях 1845 года и более точных сведений о том, где находились Елена Петровна и ее отец в тот или иной момент, в воспоминаниях родственников нет. И А.М. Фадеев, и В.П. Желиховская не сообщают, что к лету П.А. Ган уже вышел в отставку. Некоторые расхождения в описании жизни семьи у обоих авторов вполне объяснимы. Если «Воспоминания А.М. Фадеева» документальны, то рассказы его внучки представляют собой творческую переработку ее детских воспоминаний и дневниковых записей, из которых она взяла то, что посчитала нужным. По законам жанра в них допустимо и нарушение хронологии, и вольность в изложении фактов сообразно с целями автора. Рассказы предназначались для детей

¹ *Charlotte Moscheles. Aus Moscheles' Leben nach Briefen und Tagebüchern. Herausgegeben von seiner Frau. Leipzig, 1872–73.*

² Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

³ Желиховская В.П. Мое отрочество.

То, что П.А. Ган три года не видел детей, не соответствует действительности. В.П. Желиховская не сообщает, что П.А. Ган, как показано выше, провел в Саратове отпуск 1843–1844 гг.

Люся – домашнее имя Андрея (род. 2.3.1845), первого сына Е.А. и Ю.Ф. Витте, умершего в раннем детстве.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Здесь В.П. Желиховская не сообщает, что ее дед уехал в Петербург вместе с ее отцом.

и излагали биографию самой Веры Петровны. Из них как будто следует, что Елена Петровна никогда не покидала родных для путешествий и всегда была рядом. По всей видимости, это не так. Старшей сестре В.П. Желиховская посвятила отдельный биографический очерк¹. Но и очерк не дает ответа, когда Е.П. Блаватская могла побывать с отцом в Лондоне. А в опубликованных воспоминаниях А.М. Фадеева, к сожалению, нет ни слова о его старшей внучке².

«Саратовские губернские ведомости» подтверждают, что летом 1845 года гражданский губернатор дважды покидал Саратов для обозрения уездов вверенной ему губернии (с 28 мая по 4 июня и с 24 июля по 16 августа). А 31 августа, по сведениям той же газеты, начальник Саратовской губернии статский советник А.М. Фадеев отправился по делам службы в Петербург³. В столицу он прибыл 17 сентября, но не один, а вместе с отставным полковником Ганом, о чем объявляли «Санкт-Петербургские ведомости»⁴.

Оба задержались в Петербурге надолго и в январе 1846 года разъехались в разные стороны – Ган П.А., уладив свои служебные дела, 2 января выехал в Каменец-Подольск, куда получил назначение⁵, а Фадеев А.М., уволившись от должности, 22 января направился через Москву домой, в Саратов⁶.

* * *

Еще более загадочным по времени и содержанию представляется другое путешествие Е.П. Блаватской, совершенное в ранние годы. О нем упоминается в книге Мэри Кэтрин Нэф⁷ «Личные мемуары Е.П. Блаватской», вышедшей в 1937 году. Елена Петровна писала:

«В детстве я познакомилась с ламаизмом тибетских буддистов. Я провела месяцы и годы среди ламаистских калмыков Астрахани и с их первосвященником. ...Я была в Семипалатинске и на Урале вместе со своим дядей, владельцем обширных земель в Сибири у самой границы с Монголией, где находилась резиденция Терахан Ламы. Совершала также путешествия за границу и к пятнадцати годам я узнала многое о ламах и тибетцах»⁸.

С 1838 года Семипалатинск, или Семей по-казахски, входил в состав Томской губернии, пока в 1854 году не учредили Семипалатинскую область. Название города происходит от семи буддийских храмов существовавшего неподалеку джунгарского городища. Географическое положение Семипалатинска оказалось крайне выгодно, он стал одним из основных центров торговли России с Китаем и Средней Азией. Сюда сходились старинные караванные пути из Кашгара и Яркенда, город служил средоточием товаров из Кульджи и Чугучака, из Коканда и Ташкента. Отсюда дороги вели на север, в Сибирь, к богатому минералами Алтаю⁹. Еще раньше, теряясь в веках, здесь пролегали пути кочевых народов. Как раз по этим местам в 1926 году проходил маршрут Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха от Урумчи, центра китайской провинции Синцзян, через

¹ Желиховская В.П. Елена Петровна Блаватская. Биографический очерк.

² «Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева», впервые напечатанные в журнале «Русский архив» за 1891 г., были предоставлены в редакцию дочерью покойного Надеждой Андреевной Фадеевой. Вполне определенно можно сказать, что при публикации родственники изъяли из них все упоминания о Е.П. Блаватской, даже о ее рождении.

³ Саратовские губернские ведомости. 1845. № 23, № 24; № 31; То же. 25 августа. № неизвестен; № 36.

По воспоминаниям А.М. Фадеева, он выехал в Петербург 2 сентября 1845 г., а не 31 августа.

⁴ Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям». 1845. № 211: «Из Москвы, отст. Полковн. Ган. Оттуда же, состоящ. в должн. Саратовского Гражд. Губернатора Ст. Сов. Фадеев».

Очевидно, П.А. Ган провел в Саратове не один месяц, как писала В.П. Желиховская. То, что он находился в Саратове до конца августа 1845 г., подтверждается также объявлением в «Саратовских губернских ведомостях» от 25 августа 1845 г.: «Полковник Петр Алексеевич Ган потерял в Саратове метрическое свидетельство о рождении и крещении сына его Леонида, выданное ему 30 августа 1840 года из Саратовской Духовной Консistorии. Если где оно окажется, то считать его недействительным и передать его в Консistorию для уничтожения». Дата выдачи метрического свидетельства П.А. Гану дает повод предположить, что он приезжал в Саратов после рождения его сына Леонида летом 1840 г.

⁵ Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям». 1846. № 3.

⁶ Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям». 1846. № 20.

⁷ Мэри Кэтрин Нэф (1877–1948) – американский теософ, педагог, преподаватель, историк, жила в Индии и в Австралии. В 1927 г. по указанию Анни Безант систематизировала архивы Теософского общества в Адьяре, в результате чего смогла написать книгу о жизни и деятельности Е.П. Блаватской.

⁸ Мэри К. Нэф. Личные мемуары Е.П. Блаватской.

⁹ Военно-статистическое обозрение Российской империи: Томская губерния. Т. 17. СПб., 1849; Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873; Носилов К. В Семипалатинской области //Азиатская Россия. Иллюстрированный географический сборник. М., 1905.

Джунгарию к границам СССР. «Проведите линию от южнорусских степей и от Северного Кавказа через степные области на Семипалатинск, Алтай, Монголию и оттуда поверните ее к югу, чтобы не ошибиться в главной артерии движения народов»¹, – писал Николай Константинович Рерих.

В религиозном отношении, как сообщали Военно-статистические материалы Томской губернии за 1849 год, в крае господствовала православная вера, но среди пестрого населения имелись католики и лютеране, мусульмане и буддисты. Для мусульман только в одном Семипалатинске и Усть-Каменогорске построили шесть мечетей. А вот как освещались религиозные верования калмыков тем же источником:

«Племена Калмыков, подведомственных Российскому Правительству и живущих в ее пределах, по причине уклонения от Монголии, с которою с давнего времени прервали сношения, оставаясь в бедности и порабощении, имеют духовенство (Абызов и Кам) весьма необразованное. Калмыцкие священнослужители (Камы) соблюдают только форму, заучив механически несколько Тибетских легенд и передают их почти вовсе незнающим письменного языка Калмыкам. Основание Калмыцкого вероучения заключается в 3-х драгоценностях (гербан эрдели): Будде, писании и духовенстве. Будда (Бурхан) верховное существо, отдельное бытие, самобытность, действующая на пользу одушевленных существ. Каждый Будда действует 1,000 лет, а со времени мироздания по сие время уже четвертый Будда. В Религиозных порывах души, Абызы (Камы) восклицают: Ом-мани-пад-мехом! Это содержит в себе глубокую святость; ибо кто скажет ее в жизни своей сто миллионов раз, тот в будущей жизни получит вечное блаженство. Богослужение у Калмыков совершается на Тибетском языке, и то тогда только, если из Монголии, заезжает к ним какой-либо священник (Кам)»².

«Странна судьба калмыков, – писал в путевом дневнике Н.К. Рерих. – Народность разбита самым непонятным образом. В Китайском Синьцзяне олетье занимают Илийский край, торгуты – Карашар, хошуты – Джунгарию, ойраты – в Монголии, дамсоки – в Тибете. Также калмыцкие улусы рассыпаны по Кавказу, Алтаю, Семиречью, Астрахани, по Дону, около Оренбурга. У священной горы Сабур лежат остатки города калмыцкого царя Аюши. В разбросанных юртах начинают шевелиться признаки самосознания. Дедовские пророчества твердят о приходящих сроках. <...> С буддистом трудно спорить. Знающий учение может столько рассказать об эволюции жизни...»³.

Русские, позднейшие из всех пришельцев в прежней Чжунгарии, расселились «тримя главными группами: на севере, по Иртышу и его правым притокам; в середине, у северной подошвы Чжунгарского Алатау, и на юге, у северной подошвы Заилийского Алатау. <...> Большинство русских принадлежит к военному сословию, солдат и казаков, из которых последние занимаются земледелием и нередко также имеют значительные стада скота. Купцов же и ремесленников между русскими немного, и они особенно сосредоточены в Семипалатинске, Копале и Верном»⁴.

Самые крупные частные владения образовались еще в XVI и XVII веках в Иркутской и Енисейской губерниях и в некоторых районах Западной Сибири. «Но большинство частных владений в Западной Сибири возникло в XIX столетии, как результат ряда попыток правительства к систематическому насаждению частной земельной собственности, – конечно, по преимуществу дворянской»⁵.

Участки казенной земли продавались или жаловались в награду за особые заслуги. Но как ни старалось правительство развить частные хозяйства вдали от центра России, «всякий раз попытки эти неизбежно оканчивались полной неудачей. Так было на Кавказе, так было в северо-восточных губерниях Европейской России, так было и в самой Сибири»⁶. И нередко сами владельцы имели смутное представление даже о том, где эти земли находятся. В большинстве случаев владения и купленные, и пожалованные пошли в перепродажу.

¹ Рерих Н.К. Сердце Азии. Минск, 1991.

² Военно-статистическое обозрение Российской империи: Томская губерния. Т. 17.

³ Рерих Н.К. Алтай – Гималаи: Путевой дневник. Рига, 1992.

⁴ Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии.

⁵ Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. М., 1902.

⁶ Там же.

Кто же из родственников Елены Петровны Блаватской владел землями в Сибири, остается неясным. По найденным сведениям, никто из братьев ее отца, кого по прямому родству она назвала бы дядей, не связан с этим далеким краем. Единственный близкий родственник, служивший в Сибири, – это двоюродный брат Елены Петровны, сын Александра Гана. Свою карьеру в чине губернского секретаря Алексей Александрович, юрист по образованию, начал после окончания Ришельевского лицея в Одессе в качестве переводчика при канцелярии Главного управления Восточной Сибири в Иркутске¹. В 1852–1856 годах он исполнял должность областного прокурора Якутской области, а позже переехал в Екатеринославскую губернию, где проживала его семья, и в 1858–1860 годах служил уездным судьей в Новомосковском уезде².

Из других родственников Е.П. Блаватской, живших в Сибири и обосновавшихся там, как видно, навсегда, можно назвать Ивана Карловича и Максима Карловича Пребстингов. Представителей этой фамилии настолько мало в российском пространстве, что предположить наличие родственной связи между ними вполне правомерно. Если у Елизаветы Максимовны Ган, бабушки Е.П. Блаватской, был брат по имени Карл, а некоторые источники это подтверждают, то его сыновья Иван и Максим приходились двоюродными братьями П.А. Гану, а по отношению к Е.П. Блаватской являлись дядьями³.

Титулярный советник Иван Карлович Пребстинг в 1842–1869 годах был заседателем в земском и окружном суде в Ишиме и других пунктах Тобольской губернии, а позже в этом краю служили его сыновья – Александр, Владимир и Аркадий.

Максим Карлович Пребстинг, коллежский секретарь, в 1846 году поступил на службу в Отдельное управление сибирскими киргизами и исправлял должность секретаря в Пограничном управлении. Продолжил службу в Кокчетавском внешнем приказе, а с 1850 года, уже титулярный советник, являлся заседателем в приказе о ссыльных в Тобольске. После 1854 года М.К. Пребстинг в адрес-календарях не значится.

* * *

Пятнадцать лет Елене Петровне Блаватской исполнилось в 1846 году. Лето Фадеевы провели, как всегда, на даче под Саратовом, а в августе Андрей Михайлович с женой и дочерью Надеждой уехал в Тифлис. Дети П.А. Гана остались в семье Витте и до самой зимы прожили на образцовой ферме в Заволжье, находившейся в ведении Юлия Федоровича⁴. В Саратов Витте вернулись лишь в середине декабря и поселились в доме Новиковых на Сенной площади. В бывшем губернаторском доме разместилось лютеранское общество, а затем реальное училище. В советское время в здании находилась музыкальная школа. В 60-е годы дом снесли и на его месте построили издательский комплекс.

¹ Михневич И.Г. Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея, с 1817 по 1857 г.; Адрес-календарь на 1852 год.

Алексей Ган родился 20 августа 1828 г. (База данных Э. Амбургера; Шумков А.А. Хотилицкие Ганы). Студенты, окончившие полный курс обучения в Ришельевском лицее и удостоенные похвальных аттестатов, получали право вступить на гражданскую службу 12-м классом, т.е. в чине губернского секретаря.

² Списки высшим чинам государственного, губернского и епархиального управлений 1852–1856 гг.; Адрес-календарь на 1859–1860 годы.

Якутская область с 1784 г. входила в состав Иркутской губернии.

Под исправлением должности понимались случаи, когда: назначенное начальством лицо исполняло должностные обязанности до выхода высочайшего приказа об утверждении назначения, если должность требовала такого утверждения; вследствие отсутствия лица, занимающего должность, обязанности временно возлагались на другое лицо; чиновник принимался на должность с испытательным сроком.

³ О наличии земельных владений у Пребстингов в Сибири ничего не известно.

⁴ Оставался в Саратове после отъезда отца и Ростислав Фадеев. По воспоминаниям саратовского помещика В.А. Шомпулева, поступившего в 1846 г. на службу в канцелярию саратовского губернатора при М.Л. Кожевникове, Р.А. Фадеев «был душою общества при кутежах молодежи, на пикниках и различных загородных катаньях. Тогда Саратов в зимнее время был полон съезжавшимся из своих поместий дворянством, которое после нескольких месяцев однообразной деревенской жизни старалось вознаградить себя городскими развлечениями. Театры, балы и маскарады в дворянском собрании, домашние спектакли и семейные вечера шли одно за другим, но одним из самых любимых развлечений были загородные катанья». Говоря о Е.А. Ган, сестре Р.А. Фадеева, сочинения которой с интересом читались русским обществом, В.А. Шомпулев отмечает: «Дочь же ее, юную и очаровательную Елену Ган я нередко встречал у моего соседа по деревне Бера» (Шомпулев В.А. Провинциальные типы сороковых годов. (Записки старого помещика) // Русская старина. 1898. № 8).

Как пишут исследователи саратовских архивов, «21 марта 1847 г. департамент сельского хозяйства Министерства государственных имуществ направил Ю.Ф. Витте следующее послание: “Его сиятельство г-н министр, вследствие отношения наместника Кавказского от 24 минувшего февраля за № 295, изволил изъявить согласие на перемещение Вас на службу в Закавказский край. Вследствие сего департамент сельского хозяйства предлагает Вашему Высокоблагородию немедленно приступить к сдаче вверенной Вам фермы со всеми ее принадлежностями, суммами, делами, счетами и проч. на законном основании помощнику Вашему...”. Тот же департамент 7 июля того же года предписывал Ю.Ф. Витте: “Ваше Высокоблагородие переведены на вакансию начальника отдела в канцелярию наместника Кавказского. Вследствие сего департамент сельского хозяйства, сделав ныне же сношение с министром финансов об ассигновании вам из Саратовской казенной палаты двойных прогонных денег на проезд от Саратова до Тифлиса и сообщив саратовскому гражданскому губернатору о снабжении вас подорожной по казенной надобности, дает Вам знать об этом с тем, чтобы Вы, по получении прогонных и подорожной, немедленно отправились к месту нового назначения”. Таким образом, документы архива точно указывают, когда семья Витте вместе с опекаемыми ими детьми Ган смогла двинуться на Кавказ к деду А.М. Фадееву»¹.

О прибытии Витте в Тифлис А.М. Фадеев сообщал: «В половине Августа мы все были обрадованы приездом к нам зятя моего Ю.Ф. Витте. Мы ожидали его ранее и очень беспокоились его замедлением, по причине жестокой холеры, разразившейся тогда в Саратове и свирепствовавшей по всему пути его проезда самым убийственным образом. <...> Зять мой, слава Богу, выбрался оттуда и доехал благополучно; но дорогой два раза ямщики сваливались с козел его тарантаса, внезапно схваченные холерою. Она иногда поражала с быстротой молнии...»².

С приездом Витте семья, наконец, воссоединилась, но ненадолго. Через два года уедет Елена Петровна, еще через два – Вера и Леонид.

* * *

Двадцать один год своей жизни Андрей Михайлович Фадеев отдал службе в Тифлисе, входил в состав Совета главного управления Закавказского края, руководил экспедицией государственных имуществ³. Служебные заслуги и нравственные качества А.М. Фадеева получили самую высокую оценку в многочисленных публикациях и отзывах. Также трудно что-либо добавить к существующему портрету его уважаемой супруги. Разве что такой штрих.

В Тифлисе Елена Павловна Фадеева, всегда равнодушная к вопросу женского образования, сразу включилась в работу недавно основанного Женского благотворительного общества св. Нины. Возглавляла общество его создательница, Елизавета Ксаверьевна Воронцова. А в состав вошли самые знатные представительницы Кавказа, в том числе жена и дочь Александра Чавчавадзе⁴.

Как говорит статистика тех лет, женщины первых аристократических фамилий по своему образованию, безусловно, могли блистать в лучших европейских обществах. Но для большинства девушек воспитание ограничивалось умением читать и писать на родном языке. В Тифлисе, к примеру, существовал тогда всего один Закавказский девичий институт и небольшой частный женский пансион. Потому общество св. Нины ставило своей целью

¹ Гусакова З.Е. О тех, кто жил, о том, что было. Заметки архивиста.

² Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

³ Фадеев А.М. в службе с 31.12.1802 г., тайный советник (1858). Награды: Св. Владимира 4 ст. (1822), Св. Анны 2 ст. (1826), бриллиантовый перстень (1832), к Св. Анны 2 ст. императорская корона (1835), 1500 дес. земли (1839), Знак отличия XXXV лет (1841), Св. Владимира 3 ст. (1851), Св. Станислава 1 ст. (1856). Имена: жены родовое 500 дес. и приобретенное 36 дес. земли.

⁴ Кавказские календари на 1847–1848 гг.

Общество св. Нины открыто 5 мая 1846 г. Святая равноапостольная Нина, родом из Каппадокии, (III–IV вв.) – по преданиям первая просветительница в Грузии.

Воронцова Елизавета Ксаверьевна, урожд. Браницкая (1792–1880) – супруга князя М.С. Воронцова, статс-дама императрицы Александры Федоровны.

Чавчавадзе Александр Гарсевич (1787–1846) – князь, известный грузинский поэт, генерал-лейтенант, выпускник Пажеского корпуса, участник войны 1812 г., Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Жена – Саломея Ивановна Орбелиани. Дочь Нина Александровна была замужем за А.С. Грибоедовым (1795–1829).

создание учебных заведений в разных городах для воспитания дочерей небогатых местных дворян и служащих в Закавказском крае военных и гражданских чинов. В год приезда Фадеевых благодаря супруге князя Воронцова в Тифлисе открылось первое Женское учебное заведение св. Нины, состоявшее под непосредственным надзором дам правления Общества. Вскоре подобные заведения открылись в Кутаиси, Шемахе и других городах.

В 1859 году Учебное заведение св. Нины возглавила Желиховская Авдотья Федосеевна, вдова полковника, и занимала пост начальницы до 1866 года. Учебной частью в 1861–1866 годах ведал ее сын Владимир Иванович Желиховский. Четыре дочери А.Ф. Желиховской – Зинаида, Екатерина, София и Лидия Ивановны – в 1860 году зачислены в штат пепиньерками, то есть кандидатами в преподаватели как окончившие данное учебное заведение и оставленные при нем для прохождения педагогической практики. В 1861–1866 годах все дочери числятся уже наставницами, а затем классными дамами и преподавателями этого заведения¹.

* * *

Возвращаясь к полковнику Гану, отметим, что служебные проблемы А.М. Фадеева в Саратове и собственное неопределенное положение заставили его вновь расстаться с детьми. Прожив несколько месяцев в Петербурге вместе с тестем, П.А. Ган определился на службу в департамент государственного коннозаводства и с 1 января 1846 года получил место управляющего земскими конюшнями в Каменец-Подольске². Через два года, видимо, ради женитьбы, он оставил службу и вновь обзавелся семьей. Женой Петра Алексеевича на этот раз стала Аделаида фон Ланг³.

В.П. Желиховская, описывая разлуку со старшей сестрой Еленой в 1849 году, вспоминала: «За несколько месяцев до того я была сильно огорчена известием о новой женитьбе своего отца; но разлука с сестрой меня еще сильнее опечалила»⁴.

1849 год стал переломным в жизни Елены Петровны Ган. Выйдя замуж за Никифора Васильевича Блаватского⁵, она совершила отчаянно смелый поступок и покинула родных,

¹ Кавказские календари на 1860–1866 гг.

Особенно отличилась Екатерина Ивановна Желиховская, преподававшая русский язык и словесность в Закавказском девичьем институте вплоть до 1906 г.

Отцом В.И. Желиховского, возможно, является Желиховский Иван Кузьмич, награжденный в 1830 г. золотой шпагой с надписью «За храбрость», кавалер ордена Св. Георгия 4 кл., награжденный в 1839 г., в то время майор (Список кавалерам Императорских орденов всех наименований за 1832 г.; *Степанов В.С., Григорович Н.Н.* В память столетнего юбилея императорского военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия (1769–1869)).

² Адрес-календарь на 1847 г.

³ База данных Э. Амбургера; *Шумков А.А.* Хотилицкие Ганы.

⁴ *Желиховская В.П.* Мое отрочество.

⁵ Блаватский Никифор Васильевич (1807/09 – после 1865) – из дворян Полтавской губ. (родовое имение 75 дес. в Переяславском уезде), православный, на службе с 31.12.1823; надворный советник (1848), коллежский советник (1853), статский советник (1856). Кавалер орденов св. Анны 2-й ст. с имп. короной, св. Станислава 2 ст. с имп. короной и мечами, Персидского Льва и Солнца 2-й ст. с алмазами, знак отличия беспорочной службы за XX лет. В 1846–1849 гг. – начальник уездного управления г. Эривани в составе Тифлисской губ. В 1850–1860 гг. – вице-губернатор Эриванской губ. Назначение на этот пост получил, надо полагать, по выходу Высочайшего указа об образовании Эриванской губ. от 9 июня 1849 г. Открытие Эриванской губ. состоялось 1 января 1850 г.

Последний раз Н.В. Блаватский внесен в список чиновников Российской империи за 1860 г. по данным на 26 ноября 1859 г. Однако в 1860 г. он продолжает службу в Тифлисе, что зафиксировано в Кавказских адрес-календарях, где с очевидной ошибкой статский советник Никифор Васильевич Блаватский записан как Василий Никифорович. Так, в 1860–1865 гг. Блаватский значится как чиновник, причисленный к Главному управлению Закавказского края: сверх штата при Особом о земских повинностях присутствии в 1860–1862 гг., затем при Департаменте общих дел в 1862–1865 гг. Календарь на 1865 г. составлен на основании данных от 1 октября 1864 г. Это последнее найденное упоминание о его службе.

Дворяне Блаватские внесены в 3-ю часть родословной книги Черниговского дворянства (*Милорадович Г.А.* Алфавитный список дворянских родов Черниговской губернии. Чернигов, 1890).

Из воспоминаний кавказского чиновника А.А. Харитонов (1816–1896), служившего в 1847–1849 гг. председателем Тифлисской казенной палаты: «...Я отправился, как председатель казенной палаты, на ревизию уездных казначейств и соляных промыслов в той части Тифлисской губернии, из которой впоследствии в 1850 году образована была особая Эриванская губерния. Я выехал из Тифлиса 17-го мая 1848 года. <...> Приехав в Эриван, я застал там уездным начальником коллежского асессора Блаватского и уездным судьей коллежского асессора К.И. Орловского. Первый из них, пользуясь неизвестно почему особым вниманием князя

оставив их в полном наведении относительно своей цели. «Довольствоваться обычной, заурядной средой, бесцветным существованием большинства женщин ей было немислимо. Она искала целей разнообразных, – как рыба ищет воды, а вольная птица – воздушной шири, беспределов и препон ее своеобразному полету»¹, – писала ее сестра. Так начался необыкновенный и трудный период поисков и странствий Елены Петровны Блаватской.

«В те годы, с 17 до 40 лет, – поясняла она впоследствии, – во время своих путешествий я заботилась об уничтожении всяческих следов моего пребывания где бы то ни было. <...> Я никогда не допускала, чтобы люди знали, где я находилась и что делала»².

Биографы Елены Петровны свидетельствуют: «Установить точные даты тех или иных событий в жизни Е.П. Б[лаватской] после ее отъезда из России не так-то легко. Сама она дневников не вела, а никого из близких, кто мог бы рассказать о ней, рядом не было. Надежда Андреевна [Фадеева] пишет: “В первые восемь лет она не давала о себе знать родственникам по материнской линии, боясь, что ее выследит законный «господин и хозяин»”. Только отец знал о ее местонахождении. Он понимал, что никогда не сможет убедить ее вернуться к мужу, смирился с ее отсутствием и посылал ей деньги туда, где ей проще было их получить»³.

Тем не менее тревога о дочери не покидала Петра Алексеевича и разными путями он старался разузнать что-либо о ней. В биографических материалах Е.П. Блаватской описан такой случай: «Синнетт сообщает, что в Лахоре Е.П. Б[лаватская] встретила с немцем Кюльвейном, давним приятелем ее отца, бывшим лютеранским священником. Когда он отправлялся в путешествие по Востоку с двумя своими друзьями, полковник Ган, обеспокоенный судьбой дочери, просил Кюльвейна попытаться разыскать ее»⁴.

Сама Е.П. Блаватская писала Синнетту: «Ездила в Индию в 1856 году – просто потому, что тосковала по Учителю. Переезжала с места на место, никогда не сообщая, что я русская, так что люди принимали меня за кого мне хотелось. Где-то в Лахоре познакомилась с Кюльвайном и его другом»⁵.

* * *

По сведениям профессора Э. Амбургера, в 1849–1850 годах П.А. Ган жил в Подолии. Его вторая супруга, можно думать, происходила из этих мест. И правда, представители семьи Ланг уже полвека владели землями в здешних краях. Как сообщалось в историческом описании губернии: «В разное время, между 1793 и 1795 годами, в Подольской и Брацлавской губерниях отданы были населенные имения следующим лицам: <...> надворному советнику Карлу Лангу – Голенищевское староство, над Збручем»⁶.

Воронцова, имел право приезжать без разрешения в Тифлис, когда сочтет нужным, являться к наместнику, докладывать ему непосредственно и получать от него приказания. И Блаватский пользовался широко таким правом, не делая из этого ни перед кем секрета. Князь Михаил Семенович [Воронцов] позволял себе иногда такие отступления от служебного порядка в тех, впрочем, случаях, когда знал, что обращаться к старшему лицу или начальнику совершенно бесполезно. Позже, при открытии Эриванской губернии, Блаватский был назначен вице-губернатором и вскоре женился на дочери известной писательницы Зинаиды Р., Е.П. Ган [неверно – Е.А. Ган], проживавшей в Тифлисе у деда своего А.М. Фадеева, который занимал тогда должность члена совета главного управления Закавказского края. Она вскоре, однако, покинула мужа и потом прославилась на весь мир...: об ней писали из Константинополя и даже из Америки» (Из воспоминаний А.А. Харитоновой // Русская старина. 1894. № 3).

¹ Радда-Бай. Биографический очерк, составленный В.П. Желиховской // Радда-Бай (Е.П. Блаватская). Загадочные племена на Голубых горах. Дурбар в Лагоре. СПб., 1893.

² Блаватская Е.П. Письма А.П. Синнетту.

³ Крэнстон С. Е.П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения.

⁴ Там же. См. также: Мэри К. Нэф. Личные мемуары Е.П. Блаватской.

Синнетт Альфред Перси (1840–1921) – английский журналист, писатель, деятель теософского движения, автор ряда книг по теософии.

⁵ Блаватская Е.П. Письма А.П. Синнетту.

⁶ Батюшков П.Н. Подолия. Историческое описание. СПб., 1891.

Фамилия фон Ланг вписана во 2-ю часть родословной книги дворян Подольской губ. (Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Подольской губернии. Каменец-Подольск, 1897).

Карл Карлович Ланг в 1788–1793 годах – директор Архангельской портовой таможни, а в 1796 году – советник воинской экспедиции в палате казенных дел в Каменце-Подольском¹. Знакомство обоих семейств, Ган и Ланг, могло быть давним.

От второго брака у Петра Алексеевича Гана родилась дочь, которую называли Елизавета Анна. Она появилась на свет в местечке Гусятине Каменецкого уезда Подольской губернии 27 мая 1849 года². За добрым событием не замедлило и новое испытание – вскоре после рождения дочери жена Петра Алексеевича умерла. Все заботы о новорожденной легли на отца. И он перебрался в Гродно, где его брат Густав ведал казенной палатой, а чтобы зажить совсем по-семейному, вызвал к себе из Тифлиса дочь Веру.

Гродно Петр Алексеевич хорошо знал по месту своей последней армейской службы. Как и положено, здесь располагались резиденция губернатора, палата уголовного и гражданского суда, палата государственных имуществ и, конечно, почтовая контора. Высочайшим приказом 15 сентября 1851 года П.А. Ган произведен в коллежские советники, соответственно военному чину полковника, а 24 сентября определен гродненским губернским почтмейстером с переименованием в надворные советники³.

Исторически сложилось так, что до реформ Александра II «личный состав почтового ведомства представлял собою совершенно замкнутый круг, как бы особое сословие, доступ в которое был затруднен посторонним лицам» и комплектовался он из двух элементов – детей почтовых служащих и отставных военных, которым отдавалось преимущество при замещении должностей в почтовых учреждениях⁴.

В Гродно почтовая контора занимала дом Я. Фрумкина на Доминиканской улице (ныне улица Э. Ожешко, 1). Особняк этот, так называемая каменица, и старинный дворец влиятельных князей Масальских являлись одной из достопримечательностей Гродно. В 1830-е годы их приобрел купец Фрумкин и сдал в аренду почтовому ведомству. К концу века дворец Масальских сгорел, а каменицу почтовая контора арендовала вплоть до 1903 года⁵. Там же находилась и казенная квартира губернского почтмейстера⁶.

Об отъезде с Кавказа и совместной жизни с отцом рассказала В.П. Желиховская: «Лето 51 г. мы провели в военном поселении Белый Ключ... <...> Это было по многому, в особенности для меня лично, замечательное лето: первое лето моего девичьего веселья и последнее пребывания в Закавказье. Я веселилась до упаду. Танцы, кавалькады, пикники, любительские спектакли чередовались без перерыва. Окрестности Белого Ключа великолепны, полны интересных развалин и величественных видов. Одним словом, все в тот год соединилось, чтобы оставить во мне самое яркое воспоминание о крае и людях, которых мне предстояло покинуть на несколько лет, – я даже думала тогда, что навсегда!

Дело в том, что бедный отец наш, весь век прожив в одиночестве и вновь овдовев через год после своей вторичной женитьбы, тосковал ужасно, тяготясь своей сиротливой старостью, и горячо призывал меня к нему приехать и поселиться с ним. Я была теперь взрослая девушка; я сознавала, что это моя прямая обязанность, и согласилась.

В августе Юлий Федорович должен был по службе ехать в Россию, командированный делегатом Кавказа на открывавшуюся в Москве выставку. С ним собиралась и тетя, и Леонида они везли с собою с тем, чтобы его поместить в учебное заведение. Ему уж было

¹ Месяцословы на 1788–1793, 1796 гг.

Указом Павла I от 5 апреля 1797 г. надворному советнику Лангу, советнику подольской казенной палаты, пожалован чин коллежского советника.

² *Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistic für die Jahre 1905–1906*. Mitau, 1908.

Елизавета Анна Ган крещена в Гусятине 14 июня 1850 г. В настоящее время с. Гусятин – центр сельского совета Чемеровецкого района Хмельницкой области (Украина).

³ Адрес-календари на 1852–1859 гг. В 1851 г. П.А. Ган служил в чине надворного советника, в 1852–1856 гг. – в чине коллежского советника, а 9 декабря 1856 г. получил чин статского советника.

⁴ Министерство внутренних дел: Исторический очерк. (1802–1902). СПб., 1901.

⁵ Историческо-статистический очерк г. Гродна // Памятная книжка Гродненской губернии на 1860 год. Ч. 4. Гродно, 1860; *Павлюкович Л.Н.* Эскурс в прошлое, чтобы знать его и беречь // Эскулап: газета УО «Гродненский государственный медицинский университет». 2012. № 8 (175); *Архітэктура Беларусі: Энцыклапедычны даведнік*. Мінск, 1993 // Былое и Глобус: Достопримечательности Беларуси 100 лет назад. Библиотека. Режим доступа: <http://orda.of.by/lib/abes/163>

⁶ Очевидно, в этой квартире жил П.А. Ган с семьей до отъезда из Гродно в 1858 г. Затем квартиру занял его преемник (Памятная книжка Гродненской губернии на 1860 г.).

двенадцать лет; последние два-три года он учился в пансионе Гаке, лучшем в Тифлисе, но все же не совсем удовлетворительном: в то время еще не было на Кавказе хороших учебных заведений. Теперь и я присоединялась к уезжавшим... Бабушка сначала ни за что не хотела согласиться на разлуку со мной, но уступила очевидной необходимости. <...> Напоследок еще я была свидетельницей необыкновенного явления природы в самой красивой и величественной обстановке его: я говорю о *полном* затмении солнца 1851 года... <...>

Вскоре после того мы уехали в Москву. Отец встретил меня там, и вместо того, чтоб возвратиться в родную семью своей матери, я поехала жить с ним, в Литву, где он тогда служил. Разумеется, я сильно тосковала первое время. Я привыкла к жизни полной разнообразия, в кругу многочисленных, горячо любимых мною родных и друзей, и потому однообразная, одинокая жизнь с отцом порой бывала мне невыносимо тяжела. Но во мне скоро возродилась привязанность к нему... Мысль, что мое присутствие его радует, что оно для него необходимо и дорого, облегчала мне исполнение моих новых обязанностей...»¹.

* * *

Через несколько лет Вера Петровна, познакомившись с псковским помещиком, поручиком Николаем Николаевичем Яхонтовым, обвенчалась с ним. Свадьба состоялась 20 июля 1854 года².

Дед Н.Н. Яхонтова, Александр Дмитриевич Яхонтов (1753–1793), был женат вторым браком на Анне Осиповне Ушаковой (1775–1813), племяннице Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова, дочери старшей сестры фельдмаршала Анны Илларионовны³. У них и родился сын Николай, будущий отец Н.Н. Яхонтова и свекор В.П. Ган:

«Николай Александрович [Яхонтов], служил в Коллегии иностранных дел (1805–1823); стат[ский] сов[етник] (при отставке, 1823); Псковский уездный (1825–1832) и губернский предводитель дворянства (1832–1838); камергер Высочайшего двора (1832); почетный попечитель Псковской гимназии (1832), р. 24 марта 1790, † 11 мая 1859. Ж[ена], с 28 мая 1819, Любовь Феодоровна Кондалинцова»⁴.

Во время Отечественной войны 1812 года Н.А. Яхонтов, вступив в народное ополчение, находился при штабе Кутузова в качестве его личного секретаря и переводчика. После женитьбы и отставки он обосновался в родовом имении Камно неподалеку от Пскова, известном тем, что в нем гостил А.С. Пушкин, предопределивший, по семейным преданиям, поэтическое будущее их старшего сына Александра Яхонтова. Кроме Александра и Николая, в семье Яхонтовых родились сыновья Михаил и Федор, умершие в раннем возрасте, и две дочери, Мария и Екатерина⁵.

Тотчас после свадьбы Вера Петровна с мужем уехала в Петербург. Через год у них родился первенец – сын Федор (1855), затем – Ростислав (10 февраля 1858)⁶.

¹ Желиховская В.П. Мое отрочество.

² Яхонтов Николай Николаевич (1.1.1827–15.2.1857)

Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб., 1887.

³ Там же; См. также: Долгоруков П.В. Российская родословная книга; Дворяне Кутузовы и Голенищевы-Кутузовы // Всемирная иллюстрация. 1879. № 563.

⁴ Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Судьба Яхонтова Федора Николаевича малоизвестна. Яхонтов Ростислав Николаевич (1858–1924) – генерал-майор, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Русско-японской и Первой мировой войн; в 1917 г. исполнял обязанности генерала для поручений при верховном главнокомандующем А.А. Брусилове; с августа 1917 г. в отставке; с 1920 г. в РККА (Брусилов А.А. Мои воспоминания // Военно-исторический журнал. 1990. № 2).

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) – генерал от кавалерии, воспитанник Пажеского корпуса, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Первой мировой войны, командующий Юго-Западным фронтом в 1916 г., провел успешное наступление («Брусиловский прорыв»), верховный главнокомандующий в 1917 г., с 1920 г. в РККА (Семанов С. Н. Брусилов. М.: Молодая гвардия, 1980). А.А. Брусилов был женат на сводной сестре Р.Н. и Ф.Н. Яхонтовых, Желиховской Надежде Владимировне (7.10.1864, Тифлис – 19.3.1938, Прага), племяннице Е.П. Блаватской.

Брусилов А.А. и Яхонтов Р.Н. похоронены рядом (в одной ограде) у Смоленского монастыря на Новодевичьем кладбище в Москве.

Счастье молодых Яхонтовых оказалось, однако, недолгим.

«Прошло года три, – вспоминала Вера Петровна. – Я жила снова в Тифлисе, у своих родных, приехав к ним погостить, на то время, как муж мой, занимаясь делами своего дяди Кандолинцева¹, должен был провести всю зиму в глуши, в лесах Ветлуги, куда я, ожидая рождения своего второго ребенка, не могла за ним следовать. Он выехал из Тифлиса осенью 1857 г., а весной должен был вернуться; но во мне, сама не знаю почему, было предчувствие, что мы более не увидимся...»².

«Письма шли неделями, а во время снежных завалов в горах, запаздывали по месяцам. Прошла зима, наступил февраль; я ждала мужа со дня на день, но срок им назначенный прошел, а его не было... Не было и писем... Я страшно мучилась неизвестностью и своим темным предчувствием беды... Она в то время уже постигла меня, но известие о ней дошло к нам только в начале марта. 10 февраля у меня родился сын; 15-го – муж мой скончался на дороге, в Саратовской губернии, смертельно простудившись на рубке леса. Словно охраняя меня от удара, вынести который я была бы не в силах, случайные снега и завалы задержали несколько почт, и это дало мне время оправиться от болезни, укрепиться. Впрочем, я была готова к страшному известию – меня предупредил о нем сон»³.

«Следующей осенью, – продолжала рассказ Вера Петровна, – я возвратилась с двумя моими сыновьями в Россию, и хотела сейчас же переехать на житье в свою деревню, в Новоржевский уезд; но родные покойного мужа упросили меня перезимовать у них»⁴.

Приехали в Псков и отец, и брат Леонид⁵. Еще в первой половине 1858 года статский советник Петр Алексеевич Ган вышел в отставку и выбыл из Гродно. Беда в семье Веры Петровны вновь соединила отца и дочь. Имелась и другая причина для увольнения – ждали Елену Петровну. Возвращение на родину Е.П. Блаватской представляло определенные трудности. И тут понадобилась помощь родных.

Покинув Кавказ в 1849 году, Елена Петровна тайком, без разрешения властей, уехала из страны⁶. К тому же законный срок пребывания за границей ограничивался пятью годами, а с российскими подданными, выходящими из-за границы без паспортов и не помнящих родства, предписывалось поступать как с бродягами⁷.

Подробности малоизвестны, однако дело уладилось и Елена Петровна беспрепятственно добралась до Пскова⁸.

Стояла рождественская ночь, заканчивался 1858 год. В доме Николая Александровича Яхонтова собрались гости. Там справляли свадьбу¹. «Мы все ждали, – вспоминала о сестре

Род Брусиловых известен с 1676 г., определением Орловского дворянского депутатского собрания внесен в 6-ю часть дворянской родословной книги, в число древнего дворянства (*Бобринский А.* Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской Империи. СПб., 1890).

¹ Кандалицев Николай Федорович (написание фамилии варьируется) – дядя Н.Н. Яхонтова по матери, действительный статский советник, в те годы уездный предводитель дворянства в Царском Селе.

² *Желиховская В.П.* Необъяснимое или необъясненное. (Из личных и семейных воспоминаний) // Ребус. 1885. № 4.

³ Там же.

Из воспоминаний А.М. Фадеева: «...Мы получили печальную весть о совершенно неожиданной смерти мужа нашей внучки Веры, Н.Н. Яхонтова. Он умер от скоротечной горячки, простудившись дорогою, на возвратном пути в Тифлис; жена его осталась с двумя маленькими сыновьями, из коих младший родился у нас в доме, уже по отъезде своего отца».

⁴ Там же.

В.П. Яхонтова владела с. Ругодево в Новоржевском уезде Псковской губ. с семью деревнями (Приложения к трудам редакционных комиссий, для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. СПб, 1860). До этого сельцо Ругодино с деревнями принадлежало подпоручику Михаилу Шумерину (РГАДА, ф. 1354, оп. 393, л. 95).

«Живя в Тифлисе, Желиховские сдавали имение в арендное содержание порховскому купцу 2-й гильдии Семену Емельяновичу Мышецкому (Мышенскому)» (*Шумков А.А.* Хотилицкие Ганы).

⁵ *Крэнстон С.* Е.П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения; *Мэри К. Нэф.* Личные мемуары Е.П. Блаватской.

⁶ Как писала Е.П. Блаватская, она уехала в 1849 г. с паспортом Блаватской (*Блаватская Е.П.* Письма друзьям и сотрудникам. М.: Сфера, 2002).

⁷ Устав о паспортах и беглых // Свод Законов Российской империи. В 15 т. Т. 14. СПб., 1857.

⁸ По прибытии в Россию Е.П. Блаватская знала точно, где находились ее отец и сестра. Относительно даты ее возвращения в биографических источниках имеются разночтения: конец, рождество 1858 г., зима, конец 1859 г. и даже 1860 г.

В.П. Желиховская, – что приезд ее состоится на несколько недель позже. Но, странно, когда я услышала дверной звонок, я вскочила на ноги в полной уверенности, что это она»².

Замуж за Ивана Акимовича Сорокина выходила тогда Мария Николаевна Яхонтова, Но, если верить родословному сборнику, свадьба ее состоялась весной, 26 апреля, незадолго до смерти отца, Н.А. Яхонтова, случившейся 11 мая 1859 года³.

Дальше В.П. Желиховская писала: «Ранней весной я отправила детей в свое имение Ругодево, а сама осталась еще на несколько дней у родных мужа. В это время свекор мой, Ник[олай] Александрович Яхонтов, серьезно заболел, и мне не хотелось оставлять его. Отец мой и сестра тоже уехали с детьми в мою деревню, и через несколько дней последовала за ними и я, так как в этот промежуток времени старик Я[хонтов] скончался»⁴.

О том, какие явления происходили в Пскове, в Ругодево и в Петербурге, куда ездили по делам, Вера Петровна обстоятельно изложила в двух обширных очерках «Правда о Е.П. Блаватской» и «Необъяснимое или необъясненное»⁵.

Начиная со дня приезда старшей сестры, она убеждалась в исключительных свойствах Елены Петровны, проявившихся немедленно и поражавших всех ее окружающих: «В эту зиму я была свидетельницей многих изумительных фактов спиритического характера»⁶.

Не заинтересовать Веру Петровну они не могли. Еще живя в Гродно и сильно тоскуя по Кавказу и родным лицам, она увлеклась спиритическими опытами. И хотела с помощью этого, как она говорила, «чудного средства» что-то узнать о жизни далеких родственников. Занятия развлекали и утешали Веру Петровну, хотя ответам «пифий» она не вполне доверяла. Первые слухи о неизвестной силе,двигающей предметы, пришли из Соединенных Штатов. И в военные, тревожные 1853–1854 годы все горячо набросились на верчение столов, тарелок, карандаши, вделанные в столики, азбуки и карты. Подобными опытами занимались в доме Густава Алексеевича Гана, в семье его тестя, Николая Богдановича Броневского⁷, у председателя палаты государственных имуществ Андрея Львовича Кожевникова⁸, который вместе со своей супругой считались «большими адептами спиритизма». Да и сама Вера Петровна вскоре прославилась как «сильный медиум». К ней стали обращаться не только гродненские жители, но и незнакомые люди из Варшавы и других городов⁹.

Как позже выяснилось, Екатерина Андреевна Витте, Надежда Андреевна Фадеева и многие знакомые В.П. Желиховской в Тифлисе также увлеклись верчением столов и писанием. И результаты сеансов удивляли присутствующих.

Петр Алексеевич в опытах не участвовал, посмеивался над «ловкостью» дочери и, как она ни протестовала против его безмолвных обвинений, уговорить отца на участие в сеансах она не могла. Однако при этом он не возражал против ее увлечения. Не раз Вера Петровна

¹ Крэнстон С. Е.П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения.

² Цит. по: Мэри К. Нэф. Личные мемуары Е.П. Блаватской.

³ Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий.

Возможно, на рождество 1858 г. происходила не свадьба, а помолвка М.Н. Яхонтовой.

⁴ Желиховская В.П. Необъяснимое или необъясненное // Ребус. 1885. № 4.

⁵ Желиховская В.П. Правда о Е.П. Блаватской // Ребус. 1883. № 40, 41, 43, 44, 46–48; Желиховская В.П. Необъяснимое или необъясненное // Ребус. 1884. № 43–48; 1885. № 4–7, 9–11, 13, 14.

⁶ Желиховская В.П. Необъяснимое или необъясненное // Ребус. 1885. № 4.

⁷ Броневский Николай Богданович (род. 1788) – генерал-майор, командир 9-го округа Отдельного Корпуса внутренней стражи; автор очерка: Из воспоминаний генерала Николая Богдановича Броневского // Голос минувшего. 1914. № 3.

Мать Броневского Н.Б. – Серафима Алексеевна, урожд. Левшина; жена – Ольга Ивановна Шленговская; дочери: Элеонора Николаевна (род. 1824) [вторая жена Г.А. Гана]; Елизавета Николаевна (род. 1830) [подруга В.П. Желиховской].

⁸ Кожевников Андрей Львович (1802–1867) – действительный статский советник, управляющий Гродненской палатой государственных имуществ (1845–1861); подпоручик л.-гв. Гренадерского полка, «был прикосновенен к мятежу 14-го Декабря 1825 г. и Высоч[айшим] Приказ[ом] 7 Июля 1826 года переведен тем же чином в Иркутский Гарнизонный полк, с выдержанием в крепости 6 месяцев» (Восстание декабристов. Т. 8. Дела Следственной комиссии о злоумышленных обществах. Алфавит декабристов / под ред. Б.Л. Модзалевского и А.А. Сиверса. Л.: Гос. изд-во, 1925; Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь. Т. 1. Leipzig: Zentralantiquariat der DDR, 1974).

⁹ Желиховская В.П. Необъяснимое или необъясненное // Ребус. 1884. № 43, № 44.

характеризовала отца как скептика по отношению к спиритизму, «скорей деиста»¹, смотревшего на спиритические явления с реальной точки зрения, человека умного и много знавшего, ученого, но далеко не в духе смирения пред истинами христианства и слепой веры в бессмертие духа и жизнь загробную.

Вполне понятно, отношение людей к спиритизму было по меньшей мере двояким. Да и в окружении В.П. Желиховской, в их семье не все одинаково относились к нему. Супруг Веры Петровны, Н.Н. Яхонтов, как она вспоминала, еще перед свадьбой просил ее оставить спиритические занятия. Также Элеонора Николаевна, жена Г.А. Гана, ее мать, старушка Броневская, особы «богобоязненные», не допускали опытов в пост, праздники и богослужения. И Вера Петровна отказалась «держатъ карту» в их доме².

Отрицательного мнения о спиритизме придерживался и ее двоюродный брат, Сергей Юльевич Витте. Вот что он рассказывал о тифлисских опытах: «Я помню, как к нам каждый вечер собиралось на эти сеансы высшее тифлисское общество, которое занималось верчением столов, спиритическим писанием духов, стучанием столов и прочими фокусами. Как мне казалось, моя мать, тетка моя Фадеева и даже мой дядя Фадеев – все этим увлекались и до известной степени верили. Но эти занятия проделывались более или менее в тайне от главы семейства – моего деда, а также и от моей бабушки, Фадеевых; ко всему этому довольно отрицательно относился и мой отец»³.

Не менее критично С.Ю. Витте относился и к явлениям, происходившим в присутствии Е.П. Блаватской, считая, что в них есть какое-то шарлатанство, хоть и весьма искусное.

Между тем приезд Елены Петровны имел для ее отца огромное значение. Кто знаком с биографией Е.П. Блаватской, не мог не запомнить эпизод с «Зайчиком», когда во время опыта на тайный вопрос Петра Алексеевича: «Как звали мою любимую лошадь, на которой я совершал свои первые военные турецкие походы?», – получили краткий ответ: «Зайчик»⁴.

¹ «Деист – тот, кто принимает существование Бога или Богов, но считает, что ничего не знает о них, и отрицает откровение. Вольнодумец древних времен» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М.: Сфера, 1994). «Деизм – религиозно-философское учение, распространенное в XVII–XVIII вв., признающее Бога творцом мира, но отвергающее его участие в жизни природы и общества; представители деизма считали Бога безличной первопричиной, отвергали религиозный фанатизм, отстаивали свободу вероисповедания» (Словарь иностранных слов. М., 1984).

² *Желиховская В.П.* Необъяснимое или необъясненное // Ребус. 1884. № 43, № 44.

³ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III. (1849–1894). В 3 т. Т. 3. Л.: Гос. издательство, 1924.

Воспоминания Витте С.Ю. не могут считаться надежным источником семейной информации См., напр.: *Скородумов С.В.* Энциклопедия заблуждений // Вестник Космической эволюции; *Левин Н.Ф.* Граф С.Ю. Витте – дворянин Псковской губернии. Доклад на V Псковских архивных чтениях (15–16 ноября 2010) в ГАПО // Муниципальное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система» города Пскова (сайт). Режим доступа: <http://www.bibliopskov.ru/vitte.htm>

Свидетельство Е.И. Рерих: «Читала я и мемуары Витте (бездарнейшее писание) и знаю, что сам Витте далеко не безупречная личность. Еще в детстве я знала родственников Е.П. Одна из Фадеевых была в родстве или замужем за Корвин-Круковским, семья которого жила в одном доме с нами, и я часто слышала нелестные отзывы об этом их родственнике» (*Рерих Е.И.* Письма. В 9 т. Т. VII (1940–1947). М.: Международный Центр Рерихов. 2007).

Степанский А.Д.: «Всякий пишущий о Витте, сталкивается с проблемой его мемуаров. Это источник весьма ценный, но требующий тщательной проверки и сопоставления с другими свидетельствами и особенно архивными документами» (*Степанский А.Д.* Сергей Юльевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист // Вопросы истории. 2000. № 2).

Не случайно известный юрист А.Ф. Кони в очерке о Витте отмечал, что «невзирая на несомненную ценность мемуаров, к ним следует относиться без слепого и безусловного доверия, а с благожелательной критикой, под влиянием которой все наносное, случайное, подсказываемое темпераментом, “спадает ветхой чешуей”, оставляя место лишь драгоценной для историка сердцевине. Почти то же самое приходится сказать и относительно воспоминаний родных и друзей. В них или достоинства усопшего берутся “октавой выше” или, наоборот, близостью к нему пользуются для того, чтобы представить интимные стороны его жизни в окраске, заставляющей припомнить слова Грибоедова: “Я правду о тебе расскажу такую, что хуже всякой лжи”. Наша литература, к сожалению, довольно богата воспоминаниями последнего рода» (*Кони А.Ф.* Сергей Юльевич Витте (Отрывочные воспоминания) // А.Ф. Кони. Собр. соч. В 8 т. Т. 5. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1968).

⁴ *Мэри К. Нэф.* Личные мемуары Е.П. Блаватской; *Крэнстон С.* Е.П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения.

Это единственное слово произвело на Петра Алексеевича потрясающее впечатление, заставившее его окунуться в атмосферу явлений, видимых и слышимых для всех окружавших Елену Петровну.

«Поселившись у себя в деревне, – писала Вера Петровна, – мы попали как бы в какой-то волшебный мир и до того свыклись с необъяснимым передвижением мебели, перенесением из одного места вещей в другое и вмешательством в нашу будничную жизнь какой-то неизвестной, *разумной* силы, что вскоре стали смотреть на нее, как на нечто весьма обыкновенное, часто не обращая почти никакого внимания на такие факты, которые поражали других, как чудеса.

<...> Отец наш, такой крайний скептик, так искренне заявлявший, что он позволит себя свезти в сумасшедший дом, если когда-нибудь поверит, что столы вертятся, летают или прирастают к полу по желанию присутствующих, теперь целые дни и часть ночей проводил в беседах “с Елениными духами”. Они сообщали ему множество подробностей из жизни его предков, графов Ган-фон-дер-Роттер-Ган; предлагали научить, как найти и доказать право на утраченный титул и рассказывали порой такие интересные легенды и забавные анекдоты, что и верующие их правде, и неверующие, не могли не заинтересоваться ими. Мы так привыкли к их прямым ответам на мысленные вопросы, они так разумно (если не всегда правдиво) отвечали нам, что мы перестали наконец и удивляться»¹.

В заключение Вера Петровна рассказывала: «Мне остается только, как свидетельницы их, подтвердить все *факты*, но только факты, – не касаясь ни их происхождения, ни причины, и затем упомянуть еще о некоторых необъяснимых явлениях, о которых я слыхала от других, сама же их не видала. Все наши домашние беспрестанно видели, часто среди белого дня, какие-то неопределенные тени, скользившие по комнатам, иногда являвшиеся в садах, в цветнике, у старой часовни. Отец мой, Леонтина, гувернантка меньшей сестры, много раз рассказывали, что видели их совершенно ясно. Кроме того, Леонтина часто находила у себя в запертом комод, или сундуке, какие-то таинственные письма, заключающие ей одной известные тайны, плакала, носилась с ними по неделям, и я обязана заявить, что раз или два события оправдали то, что в них предсказывалось. Но вот еще факт, глубже запечатлевшийся в моей памяти.

Раз утром отец вышел к утреннему чаю сам не свой. Я испугалась его расстроенного вида и бледности, думая, что он болен, но он отклонил мое подозрение.

– Я не болен, но расстроен сильно, это правда! – сказал он. – Я не спал всю ночь... С вечера еще, едва лег, *ко мне пришла ваша мать*... Она села в ногах моей кровати, и мы с ней долго *говорили*.

– Вы говорили с маменькой?!.. – переспросила я, глубоко пораженная. – О чем же?.. В каком виде она вам явилась?..

– В каком виде?.. Поверишь ли, что я не умею теперь сказать в каком виде?!.. Знаю только, что то была *она*, сама *она*!.. Я увидел ее вдруг. Она смотрела на меня спокойно и ласково. Когда я приподнялся, чтоб броситься к ней, она протянула руку, прося не трогать ее. Я был так поражен, что ничего не мог рассмотреть и запомнить!.. Знаю только, что видел ее, что говорил с ней!

– И голос был ее?

– И голос, и лицо, и манера – все ее! Все, даже до привычки – разговаривая хмурить брови! Я видел ее самою, я в том вполне уверен.

Но рассказать о чем они говорили отец не мог или не хотел, хотя уверял, что помнит все до слова... Несколько раз впоследствии он выражал желание и надежду снова увидеть призрак моей давно умершей матери, но этого больше не случилось»².

Кто и как понимал или пытался понять таинственную природу происходивших вокруг Елены Петровны Блаватской явлений в те годы зарождавшихся понятий о спиритизме, не наша задача³. Рассказывая о псковских феноменах на страницах «Ребуса» В.П. Желиховская

¹ Желиховская В.П. Необъяснимое или необъясненное // Ребус. 1885. № 5.

² Там же.

³ «Спиритуализм. В философии – состояние или положение ума, противоположное материализму или материалистической концепции сущего. Теософия, доктрина, учащая, что сущее оживлено или наполнено Всемирной Душой или Духом, и что ни один атом в нашей вселенной не может пребывать вне этого вездесущего Принципа – есть *чистый* спиритуализм. Что касается верования, которое бытует под этим названием, а именно

отмечала, «что хотя все считали явления, происходившие в присутствии Е.П., следствием присущей ей медиумической силы, сама же она всегда упорно это отрицала. Сестра моя Е.П. Блаватская большую часть десятилетнего своего пребывания вне России, провела в Индии, где, как известно, спиритические теории в большом презрении, и так называемые у нас медиумические явления объясняются там совершенно иными причинами, таким источником, черпать из которого сестра считает унижительным для своего человеческого достоинства, почему и не признает в себе этой силы»¹.

В одном из писем А.П. Синнетту, давая перевод отдельных страниц из очерка «Необъяснимое или необъясненное», Елена Петровна обращала внимание: «Посылаю Вам перевод этих нескольких страниц из памфлета, или книги, моей сестры – того, что описано на нижеследующих страницах. Пригодятся ли они хоть как-то или нет, все же это какое-то дополнение к тому, что у Вас есть. Из них Вы узнаете: а) еще в 1860 году я утверждала, что тени (или астральные тела), являющиеся ежедневно и постоянно и разгуливающие по дому столь бесцеремонно, что их видели все (мой отец не может считаться *легковерным* дураком, по крайней мере никем из знавших *его*, и именно поэтому я перевела ту часть ее произведения, которая касается его), были не добрыми “духами”, а астральными формами; б) не было никакого медиумизма; в) у меня не могло быть *никаких сообщников* в доме отца, где не было никого, кто *помог бы* мне, кроме моей сестры, <...> двоих ее маленьких детей, гувернантки нашей младшей сестры, ее самой – 10-летней девочки и меня. Остальные – *все крепостные*, трепетавшие перед моим отцом, который был очень строг, безусловно, не согласился бы обманывать и мистифицировать своего барина»².

Вскоре Псков, отчасти Петербург, а позже и Кавказ, как отмечала В.П. Желиховская, «заговорили о “чудесах”, окружавших Блаватскую. На нее приезжали смотреть как на диво, ее атаковывали письмами и просьбами и самыми нелепыми требованиями, которым она благодушно подчинялась...»³.

* * *

На Кавказ, как вспоминала Вера Петровна, отправились из Псковской губернии в 1860 году, «чтобы навестить наших бабушку и дедушку Фадеевых и нашу тетюшку, г-жу Витте – сестру нашей матери, которые не видели Елену более одиннадцати лет»⁴.

Фадеевы и Витте по-прежнему жили в Тифлисе. Андрей Михайлович, тайный советник, продолжал служить в Совете кавказского наместника. Юлий Федорович был директором департамента государственных имуществ⁵. Елена Павловна болела.

веры в постоянное общение живых с мертвыми, либо посредством собственных медиумистических способностей, либо через так называемого медиума – это не что иное, как материализация духа и деградация человеческой и божественных душ. Верующие в подобные сношения просто бесчестят умерших и постоянно кощунствуют. В древности это справедливо называлось “некромантией”. Но наши современные спиритуалисты обижаются, когда им говорят эту простую истину» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М.: Сфера, 1994).

«Сколько предупреждений по этому поводу написано было Е.П. Блаватской! Конечно, именно это обстоятельство и создало ей столько врагов среди медиумов и психиков, но она исполняла возложенное на нее поручение – указывать на вред спиритизма и, главным образом, на невежественное к нему отношение во всех слоях общества» (*Рерих Е.И.* Письма. В 9 т. Т. IV. М.: Международный Центр Рерихов, 2002).

¹ Желиховская В.П. Необъяснимое или необъясненное // Ребус. 1885. № 4.

Здесь примечание В.П. Желиховской: «По письмам сестры мне известно, что она осталась очень недовольна многим из рассказанного о ней автором статьи “Правда о Е.П. Блаватской”. Она утверждает и теперь, что влияла на нее тогда, как и ныне совсем другая сила, – та, которой пользуются индийские мудрецы, Радж-Йоги. Что даже тени, которые она видала всю свою жизнь, были не привидения или призраки отшедших, а явления этих всемогущих друзей ее в их астральной оболочке».

² Блаватская Е.П. Письма А.П. Синнетту.

³ Радда-Бай. Биографический очерк, составленный В.П. Желиховской.

⁴ Мэри К. Нэф. Личные мемуары Е.П. Блаватской. См. также: Крэнстон С. Е.П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения.

⁵ В.А. Инсарский, кавказский сослуживец А.М. Фадеева и Ю.Ф. Витте, так описал свое знакомство с ними: «Когда я приехал в нему [А.М. Фадееву] с обычным визитом, меня встретил толстый господин, тотчас атаковавший меня укорами, что я не узнаю в нем старого знакомого. При всем усилии моей памяти, я никак не мог разрешить вопроса: кто бы мог это быть? Надобно сказать, что еще в сороковых годах, когда я был начальником отделения в департаменте сельского хозяйства министерства государственных имуществ, при мне возвратились из-за границы несколько молодых людей, отправленных туда для специального образования по части сельского хозяйства. В числе этих молодых людей был некто Витте, очень умный, добрый и милый малый. Так как еще до прибытия этих господ вся Русская земля разделена уже была на агрономические полосы

«В Тифлисе Е.П.Б[лаватская] год прожила у Фадеевых. В августе 1860 года она навек простилась с любимой бабушкой – почтенная старая женщина тихо отошла в мир иной»¹.

Андрей Михайлович с горечью писал: «В марте у нас в семье случилось грустное обстоятельство, сильно расстроившее нас всех. У жены моей повторился припадок паралича, хотя, слава Богу, кратковременный, незаметный (она и не почувствовала его), но лишивший ее на несколько часов употребления языка; к вечеру этого же дня все прошло. На другое утро она свободно говорила, однако слабость увеличилась, и силы не возвращались более. Несмотря на это, она не покидала своих занятий, продолжала сидеть в кресле у своего стола, рисовала левой рукой цветы, переплетала книги, работала, читала, сколько позволяла слабость глаз. <...>

Лето мы проводили в Коджорах, как ближайшем прохладном месте, главнейше для жены моей, так как далекий переезд был бы для нее слишком утомителен. Старшая дочь моя Катя (Витте), постоянно грустившая о печальном состоянии матери, решилась, чтобы несколько развлечься, сделать небольшое путешествие, полагаясь на уверения докторов, что близкой опасности в болезни матери не предстоит и даже обнадеживавших на некоторое поправление ее здоровья. Сама мать убеждала ее к тому. Дочь поехала с маленьким сыном Борисом и племянницей Верой – снова гостившей у нас – в Потти, откуда на пароходе в Константинополь, Одессу и Киев. Она бедная не предчувствовала, что более на этом свете не увидит мать свою.

Двенадцатого августа, в четвертом часу утра, доброй, незабвенной жены моей не стало. Дня за два до кончины, она часто дремала в кресле, и вечером, накануне смерти, последние ее слова ко мне были: “Не доживу я с тобою, мой друг, до дня нашей золотой свадьбы”. До этого дня оставалось полтора года. В три часа утра она разговаривала с дочерью Надеждой, не отлучавшейся от нее; обрадовала и удивила ее оживлением своего разговора, свежестью и ясностью памяти и мысли своей. Вскоре спустя, дочь снова заговорила с нею, – она не отвечала, хотя спокойно дышала, – казалось, спала. Боясь, не сделалось ли с нею дурно, не получив ответа на вторичный, громкий вопрос, дочь приподняла ее на постели, – мать ее тихо склонила голову на грудь, и без вздоха, без стоны дыхание ее мгновенно прекратилось.

Мне сказали об этом утром, когда, встав, я собирался идти пить с ней кофе, как в продолжение всей нашей жизни. Я поспешил к ней в комнату. Она совершенно преобразилась! Все признаки скорби, страданий, болезненных ощущений на лице ее бесследно исчезли; оно выражало блаженно-спокойный, кроткий, отрадно улыбающийся вид. Она скончалась на 71-м году жизни.

Печален, горестен был для меня не только этот день, но и все последующие. На третий день она была погребена в Тифлисе, пред стеной алтаря Вознесенской церкви, находящейся у подошвы горы, при спуске дороги из Коджор. Рядом с ее могилой я оставил

с предположением учредить в каждой полосе образцовую ферму, то и на долю Витте досталось устройство так называемой Юго-восточной фермы, в пределах Саратовской губернии. В этих именно пределах и последовало сближение Витте с семейством Фадеева, самым существенным проявлением которого была женитьба Витте на одной из дочерей Фадеева. Когда сам Фадеев вынужден был переселиться на Кавказ, за ним последовал и Витте... Получив в управление экспедицию государственных имуществ, Фадеев устроил в ней Витте начальником отделения. Этот-то именно Витте, живший в одной семье с Фадеевым, и встретил меня. Я истинно рад был найти в совершенно новом для меня мире Кавказа какую-нибудь точку; Витте же был по-прежнему милый, добрый и умный малый и тотчас свел меня на самую короткую ногу со всею своею семьею, так что она, радушная, приветливая, хлебосольная, сделалась и моей семьей, в которой я проводил все дни... Надобно, прежде всего, заметить, что старик Фадеев, при всем своем уме и опытности, был уже крайне “ветх деньми” и не имел физической возможности заниматься лично столько, сколько должен заниматься директор департамента. Поэтому Витте скоро был облечен званием помощника управляющего экспедицией государственных имуществ. Вслед за тем, когда преобразовано было все главное управление наместника, то департамент государственных имуществ отдан был, вместе со званием директора, Витте, согласно собственному желанию Фадеева; а сам Фадеев остался членом совета, состоящим сверх того при наместнике» (Записки Василия Антоновича Инсарского // Русская старина. 1897. № 9).

Инсарский Василий Антонович (1814–1882) – действительный тайный советник, управляющий временным отделением по делам гражданского устройства Закавказского края, директор канцелярии наместника Кавказского до 1862 г.

¹ *Крэнстон С.* Е.П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения.

место для себя. <...> В октябре возвратилась из своей поездки дочь моя с мужем, выезжавшим к ней навстречу в Одессу, для сообщения о смерти матери. При свидании, общая грусть наша возобновилась»¹.

И хотя в опубликованных воспоминаниях А.М. Фадеева ничего не сказано о Е.П. Блаватской, можно думать, Елена Петровна порадовала бабушку встречей после долгой разлуки, имела возможность проводить Елену Павловну в последний путь и быть рядом с родными в те дни горькой утраты.

На Кавказе, как известно, Е.П. Блаватская провела несколько лет², странствовала по Имеретии, Грузии и Мингрелии, занималась разнообразной деятельностью, сама зарабатывая себе на жизнь.

А Вере Петровне приезд на Кавказ принес перемену в личной жизни. Вот ее следующее сообщение: «В 1860 г. я снова поехала в Тифлис, а в 1862 возвратилась на короткое время в Псков и Ругодево. Я тогда только что вышла замуж вторично. Муж мой был молодой, энергичный человек, без всяких средств к жизни, кроме своих недюжинных способностей, но на хорошей дороге, с большими надеждами на служебную карьеру. <...> Я приехала в деревню повидаться с отцом, уговорить его переехать к нам в Тифлис, рассчитывала пробыть в Пскове недолго»³.

В те годы Владимир Иванович Желиховский, второй супруг Веры Петровны, посвятивший свою жизнь делу просвещения, руководил учебной частью Женского учебного заведения св. Нины, одновременно преподавая в Закавказском девичьем институте и губернской гимназии. В 1868 году его назначили директором классической гимназии и училищ Тифлиса. В 1875–1877 годах Владимир Иванович служил инспектором Кавказского учебного округа, а в последние годы жизни – при Главном управлении Кавказского наместника⁴. Вера Петровна «была неутомимой помощницей в его заботах о детях, ему вверенных. Муж ее принес много пользы и добра в деле просвещения и учреждения школ и гимназий по всему Кавказу, о чем свидетельствует письмо к нему великой княгини Ольги Федоровны, того времени, хранимое в семье его. Великая княгиня, которой обязано женское население Кавказа своим просвещением, отличала В.И. Желиховского за его деятельную, энергичную и честную службу»⁵.

В 1874 году директором классической гимназии назначили двоюродного брата В.П. Желиховской Льва Львовича Маркова, переехавшего из Ставрополя в Тифлис, который руководил гимназией до 1901 года⁶.

¹ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

² Сведения о том, сколько лет Е.П. Блаватская провела на Кавказе, разнятся: «пробыла очень недолго» (*Желиховская В.П.* Елена Петровна Блаватская. Биографический очерк); «года два-три» (Там же); «четыре года» (Радда-Бай. Биографический очерк, составленный В.П. Желиховской); «в Тифлисе неполных два года и вообще на Кавказе была не более трех лет», «следующие четыре года прожила на Кавказе» (*Мэри К. Нэф.* Личные мемуары Е.П. Блаватской); «живет на Кавказе до 1864–65 г.» (*Крэнстон С. Е.П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения*); «1860–1865 – путешествует по Кавказу» (*Хронология жизни и деятельности Е.П. Блаватской // Вестник Космической эволюции*); сама Е.П. Блаватская писала, что покинула Кавказ «примерно в 1864 году» (*Блаватская Е.П.* Письма А.П. Синнетту); «В 1865 году я выехала в Италию и на Кавказ больше никогда не возвращалась» (*Блаватская Е.П.* Письма друзьям и сотрудникам).

³ *Желиховская В.П.* Необъяснимое или необъясненное // Ребус. 1885. № 6.

Е.П. Блаватская в 1862 г. также посетила Псков и Ругодево. Это следует из упоминаний о паспорте, выданном ей в Тифлисе в 1862 г. для посещения Псковской и др. губерний (*Мэри К. Нэф.* Личные мемуары Е.П. Блаватской; *Блаватская Е.П.* Письма А.П. Синнетту).

⁴ Желиховский Владимир Иванович (?–1880) – статский советник; преподаватель естественных наук в Тифлисской губернской гимназии (1855–1863), преподаватель математики Закавказского девичьего института (1856–1863), управляющий учебной частью Женского учебного заведения св. Нины в Тифлисе (1861–1866), инспектор Тифлисского военного училища (1863–1865), директор Тифлисского женского училища 1-го разряда (1866–1868), преподаватель естественной истории Женского учебного заведения св. Нины (1866), директор Тифлисской классической гимназии и училищ г. Тифлиса (1868–1874), окружной инспектор Кавказского учебного округа (1875–1877), чиновник, причисленный к Главному управлению Кавказского наместника (1877–1880), член Кавказского отдела Русского географического общества и Русского общества акклиматизации животных и растений (Кавказские календари на 1856–1862, 1864–1881 гг.).

⁵ *Николаев Р.* Памяти В.П. Желиховской // Исторический вестник. 1896. № 7.

⁶ Марков Лев Львович (1837–1911) – действительный статский советник, инспектор Кутаисской губернской гимназии (1866–1868), инспектор Ставропольской классической гимназии (1868–1869), директор училищ Ставропольской губ. (1869–1874), член попечительного совета Ставропольской женской гимназии

Внимание Желиховских к отцу Веры Петровны достойно похвалы. Однако Петр Алексеевич в Тифлис так и не собрался. Он отправился с младшей дочерью в Петербург, чтобы завершить ее образование¹. А весной 1867 года Вера Петровна увезла Елизавету, кончившую курс в институте, на Кавказ².

Как следует из очерка «Необъяснимое или необъясненное», Елизавета Петровна Ган 1867–1868 годы провела в большой семье Желиховских, с детьми и сестрами Владимира Ивановича³. Затем жила с отцом в Ставрополе, вышла замуж, а весной 1876 года, как писала Вера Петровна, приехав в Тифлис, потеряла ребенка: «Мы только что перешли из гимназии на частную квартиру. <...> Сестра моя Лиза, неожиданно приехала погостить ко мне со своим мужем и десятимесячным сыном, и бедный крошка, заболев дифтеритом, умер в течение недели»⁴.

Предположительно, мужем Елизаветы Петровны был Кирилл Иванович Белый, служивший в 1871–1873 годах в Ставропольском окружном суде, затем мировым судьей в Майкопском уезде Кубанской области, а позже – в Елисаветпольском окружном суде⁵.

В 1867 году, как известно, скончался дед Е.П. Блаватской и В.П. Желиховской Андрей Михайлович Фадеев. Последние записи в своей книге жизни он сделал незадолго до ухода: «28-го июля. Вот я уже опять на летнем кочевье с моими, в двадцать первый раз со времени моего приезда в Тифлис, – и на этот раз избрал Манглис. Обошлось дороговато. Но квартиры довольно удобны; умеренность климата мне нравится, и вообще я как-то довольнее здесь, чем в Белом Ключе и Боржоме. Внуки Борис и Сергей приехали на каникулы из Одессы. На неделю приезжал и старший внук, наш штабс-капитан Александр, перед отъездом в Петербург, куда его отправляли как лучшего офицера в образцовый эскадрон; и все это много меня утешило. В отношении здоровья, *mal-aise* и лихорадка от легкой простуды, но – слава Богу! – все это еще сносно в семьдесят семь лет!

Август. – Наконец, после долговременного отсутствия, неожиданно для меня возвратился из объезда своего по краю и мой Ростислав!»⁶

«Этим оканчиваются “Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева”, – говорится в конце издания. – В предпоследний раз он писал в книге своих “Воспоминаний” 28-го июля, а ровно через месяц, 28-го августа 1867-го года, его не стало. За день до кончины, он еще довольно твердым почерком написал несколько слов в своем дневнике. Последняя его приписка в августе, о *неожиданном* приезде сына, сделана за несколько дней до кончины».

Из записей В.П. Желиховской: «Дедушка почувствовал себя нездоровым на другой день после моего отъезда из Манглиса, но, желая скорее быть в городе, 27 августа выехал тоже оттуда. На полдороге, в поселении Приют, пришлось остановиться, потому что ему стало очень дурно. К утру он скончался, исповедовавшись и приобщившись Св. Тайн...»⁷.

(1874–1875), директор Тифлисской классической гимназии, именовавшейся затем 1-ой гимназией (1874–1901) (Кавказские календари на 1867–1901 гг.). Воспоминания Л.Л. Маркова о встречах с Л.Н. Толстым и его яснополянской школе, датированные 1902–1904 гг., опубликованы в журнале «Октябрь», 1995, № 9. В Закавказье жили и служили сыновья Л.Л. Маркова – Лев, Евгений и Борис. Его сын Николай Львович Марков (1882, Тифлис – 1957, Тегеран) – художник-архитектор, автор многочисленных архитектурных проектов в Иране. См.: Марков Николай Львович // Фонд им. Д.С. Лихачева: Искусство и архитектура русского зарубежья (сайт). Режим доступа: <https://arttr.ru/menu/1804649223/1804870472.html>; Николай Марков: судьба архитектора и персидского казака // Журнал «Международная жизнь» (сайт). Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/19815>

¹ В каком заведении обучалась Елизавета Ган, не установлено.

² Желиховская В.П. Необъяснимое или необъясненное // Ребус. 1885. № 9.

³ Там же // Ребус. 1885. № 7.

⁴ Там же // Ребус. 1885. № 10.

⁵ Белый Кирилл Иванович – член Ставропольского окружного суда (1871–1873), секретарь того же суда (1873–1874), мировой судья 2-го участка Майкопского уезда Кубанской области (1874–1877), непреременный член Лабинского съезда мировых судей (1874–1878), член Майкопского отделения Кубанского областного Попечительного о тюрьмах комитета (1877–1878), член Елисаветпольского окружного суда (1877–1885) (Кавказские календари на 1872–1885 гг.). Елисаветполь – центр образованной в 1868 г. Елисаветпольской губернии (теперь это город Гянджа, Азербайджан).

⁶ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

Внуки Борис, Сергей и Александр – сыновья Е.А. и Ю.Ф. Витте; *mal-aise* (фр.) – недомогание, болезнь.

⁷ Желиховская В.П. Необъяснимое или необъясненное // Ребус. 1885. № 7.

«Тело перевезли в Тифлис и, при погребении, гроб несли на руках сын, внуки и правнуки Андрея Михайловича, и положили его рядом с Еленой Павловной, о которой он не переставал грустить до конца своего»¹.

* * *

Семейные воспоминания умалчивают, бывал ли П.А. Ган в Тифлисе. Последние годы своей жизни, о которых могла бы рассказать Вера Петровна, он провел вдали от нее, живя вместе с другими своими детьми в Ставрополе, за тысячу верст от Тифлиса². О дальнейшей судьбе сестры Елизаветы В.П. Желиховская также не сообщает. Еще реже упоминает она брата Леонида.

Жизнь Леонида Петровича Гана сложилась неблагополучно. Досадное происшествие на службе почти погубило его карьеру. Желая восстановить справедливость и защитить брата, Елена Петровна Блаватская со свойственной ей горячей сердечностью обратилась с просьбой о помощи к князю А.М. Дондукову-Корсакову³, своему давнему кавказскому знакомому. Вот выдержки из ее письма князю от 25 июня 1882 года из Бомбея:

«У меня есть единственный брат, на десять лет младше меня. Едва он появился на свет, как умерла наша мать; отец же, мне думается, сына совсем не любил, и тот рос по существу сиротою. Мальчика воспитывал дед; он же и определил внука, помнится, в Гакке, в одну из тифлиских школ, после окончания которой юноша поступил в Дерптский университет и закончил учебу уже в Москве в 1860 году выпускником юридического факультета. Зовут брата Леонид Петрович Ган. Учебу он закончил с отличием. Он всесторонне развит, хорошо образован и даже эрудирован; такое редко встречается среди государственных чиновников. Хорошо знает и латынь, и древнегреческий, а в юриспруденции мало кто разбирается так, как он. По окончании университета он поступил на службу в Департамент управления государственным имуществом в Тифлисе, а вскоре был назначен судьей в Ставрополе. Леонид так хорошо справлялся с обязанностями судьи, что за *восемь лет* пребывания на этом посту *на него не было ни единой жалобы*. Он *честнейший человек*, что может засвидетельствовать вся Ставропольская губерния, и простые люди любят его за острое чувство справедливости и беспристрастность. В молодые годы он не прочь был слегка развлечься, но кто из вас, государственных мужей, в юности сторонился развлечений? Однако он давно оставил все это, стал уравновешенным, остепенился. И вот тут-то и приключилась эта беда.

Мой брат потерял место из-за того, что суд в то время переезжал из одного здания в другое, а пьяный привратник возьми да и потеряй папку с документами. Как раз в это время в Тифлис пожаловал начальник департамента гражданских дел Квушин, которой, как мне рассказывали многие жители Тифлиса, по всей России прослыл бешеным псом. В Тифлисе его неоднократно пытались поколотить, никто с ним не здоровался, и вообще он творил такие безобразия, что через год его выгнали. Начал он с того, что уволил несколько сот служащих (а ведь многие из них были прекрасными людьми и ценными работниками) и заменил их своими людьми, всякими проходимцами.

Моя сестра пишет, что именно тогда мой брат лишился места из-за пропажи той злополучной папки и сам предстал перед судом. Для него были закрыты все возможности кроме как устроиться адвокатом, что он и сделал. Дело его слушалось в Тифлисе, и суд его полностью оправдал, но должность ему так и не вернули, ибо на Кавказе у него нет поддержки, поскольку все его родственники умерли.

И, тем не менее, сам Оголин, председатель суда, сказал моей сестре (Желиховской): «Леонид Петрович Ган был нашим лучшим судьей». Но когда сестра моя, Вера, спросила: «Так почему же его не восстановят в должности?», – Оголин ответил, что Квушин так оклеветал Леонида перед Великим Князем, что теперь его трудно переубедить. Однако

¹ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

«Внуки и правнуки Андрея Михайловича» – «От старшей умершей дочери Елены Андреевны Ган» [Примеч. ред.].

² Крэнстон С. Е.П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения.

³ Князь Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820–1893) – генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета, главноначальствующий гражданской части на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа (1882–1890).

сестра пишет, что все дело в лени и безразличии Оголина, который просто позабыл о Леониде, и в этом истинная причина. Все хвалят моего брата за ум, образованность и огромную преданность. Об этом мне писали мой кузен, полковник Александр Юльевич Витте из Ставрополя и генерал Броневский (мой родственник). Последний, начал хлопотать за Леонида, но, не успев ничего добиться, умер.

Вот и вся история, правдивая, но грустная, поскольку брат мой женат и у него есть семья. Мне сообщили, что он с семьей чуть ли не умирает с голоду. Вот почему, мой дорогой князь, я пишу вам в надежде, что вы устраните несправедливость, учиненную по отношению к бедному, но честному человеку. Мне говорили, что вы обладаете всей полнотой власти на Кавказе, во всяком случае, там ваше слово – закон.

Я не прошу ни о чем кроме справедливости, и я бы, не осмелилась, просить вас о таких мелочах, сложись все по-другому. Вам легко провести расследование и выявить истину. Я в таких делах ничего не понимаю, но верю, что в вашей власти спасти невинного человека от гибели. Он давно заслужил пост члена губернского суда, но, если в данный момент нет вакансии, его можно было бы, по крайней мере, назначить помощником прокурора или даже снова судьей, ибо у него нет иного желания кроме как служить и не прислуживаться. <...>

В вашей власти, мой дорогой князь, совершить это благодеяние, если оно справедливо, в чем вам будет нетрудно удостовериться.

В любом случае и невзирая ни на что вечно вам признательная

*Елена Блаватская*¹.

В следующем письме князю А.М. Дондукову-Корсакову от 1 октября 1882 года о деле брата Елена Петровна писала:

«Вы так добры, что мне просто хочется кричать и петь от радости, прославляя вас и восклицая “Эврика!”*. По крайней мере в России есть хоть один истинный князь – князь и душою и телом. Мне стыдно и хочется просить у вас прощения за своего брата и за все, что с ним связано. Оставьте его: это ветреный человек, флюгер из флюгеров. Не хлопчите за него. Он писал тетушкам слезные письма, умоляя их написать мне. Он и меня растрогал до слез, и я потревожила вас (чего терпеть не могу делать). Он писал мне, что умирает с голоду, и вдруг я получаю от него записку в несколько строк: “Спасибо, сестра, за то, что обратилась к князю Дондукову... Дела мои пошли на лад – не стоило беспокоить князя” и так далее, а в конце пишет, что нашел какую-то работу на железной дороге»².

Леонид Петрович Ган, как следует из письма Е.П. Блаватской, начал курс в Дерптском университете, а закончил в Московском на юридическом факультете в 1860 году. Действительно, в списках выпускников Дерптского университета его имя отсутствует³. О завершении обучения свидетельствует и А.М. Фадеев, записавший осенью 1866 года: «...приехал к нам на службу в Тифлис мой старший внук, Леонид Ган, сын моей покойной дочери Елены, окончивший успешно университетский курс, которого я уж давно не видал»⁴.

Иные сведения о Л.П. Гане содержатся в работе А.А. Шумкова «Хотилицкие Ганы»: «В 1859–1863 обучался на юридическом факультете Императорского Московского университета, выбыл из числа студентов до окончания полного курса».

¹ Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам.

Имеется в виду Клушин Павел Николаевич – тайный советник, сенатор, начальник Главного гражданского управления Закавказского края (1875–1877), член Госсовета с 1877 г.

Оголин Александр Степанович (1821–1911) – тайный советник, сенатор, член совета наместника Закавказского края, председатель Тифлисской судебной палаты с 1867 г.

Витте Александр Юльевич (1846–1884) – полковник, на тот час командир 17-го Драгунского Северского Его Величества короля Датского полка Кавказской Запасной Кавалерийской бригады.

Броневский Иван Николаевич (1826–1881) – генерал-майор, в то время командир 1-й бригады 19-й пехотной дивизии на Кавказе; сын Николая Богдановича Броневского, на сестре которого был женат дядя Е.П. Блаватской Густав Алексеевич Ган.

² Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам.

³ Hasselblatt A., Otto G. Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat, 1889.

⁴ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

В списках студентов Московского университета на 1865 год Л.П. Ган не числится (Алфавитный список студентов Императорского Московского Университета на 1865 год. М., 1865).

Вернувшись на Кавказ, Леонид Ган, как сообщается в заметке ставропольского краеведа, «поступил на службу в Тифлисский департамент государственных имуществ. Вскоре его перевели на должность мирового судьи в Ставрополь, где брат Блаватской честно исполнял свои должностные обязанности, женился, обзавелся детьми и навсегда остался в этом уютном губернском городке. В метрической книге ставропольской Андреевской церкви за 1869 год под № 10 имеется такая запись:

“Дата: 22 января 1869 года. Звание, имя, отчество, фамилия, вероисповедание, которым браком, лета жениха и невесты: мировой судья 2-го участка Ставропольского уезда Леонид Петров Ган, православный, 28 лет, первым браком и дочь статского советника девица Леонтина Карпова Позе, католичка, 19 лет, первым браком. Поручители по жениху: младший инженер Петр Людвигов Кржебнинский, по невесте: архитектор Павел Нокир”»¹.

Действительно, в 1868–1876 годах Леонид Петрович Ган служил участковым мировым судьей Ставропольского уезда². Но в списках 1877–1881 годов он не значится, его место занял другой чиновник. Очевидно, как раз в это время и произошел тот несчастный случай, о котором писала Е.П. Блаватская. По сведениям 1882 года, Л.П. Ган являлся присяжным поверенным, то есть адвокатом округа Тифлисской судебной палаты в Ставрополе³. Принимал ли участие в судьбе Л.П. Гана князь А.М. Дондуков-Корсаков, трудно сказать. Должность судьи Леониду Петровичу так и не вернули. В 1885 году он служил присяжным поверенным ведомства Тифлисского окружного суда⁴. Можно думать, внезапная смерть помешала Леониду Петровичу наладить служебную карьеру.

«В Ставропольском госархиве сохранилась метрическая книга Казанского кафедрального собора губернского города за 1885 год, в которой под № 70 значится такая запись:

“Дата смерти: 27 (погребен 28) октября 1885 года. Звание, имя, отчество и фамилия умершего: присяжный поверенный, губернский секретарь Леонид Петрович Ган. Лета умершего: 46 лет. От чего умер: от апоплексического удара. Погребение совершили: протоиерей Гавриил Орлов с диаконом Беловидовым и псаломщиком Солоцким”»⁵.

Тогда же в газете «Северный Кавказ» появился краткий некролог: «27 октября 1885 г. в Ставрополе скоропостижно скончался присяжный поверенный Леонид Петрович Ган, занимавший прежде тут же, в Ставрополе, должность мирового судьи. После него осталось семейство без всяких средств к жизни»⁶.

«Похоронили Леонида Петровича на кладбище при Успенской церкви. Скорее всего, рядом с его покойным родителем. Вследствие варварского уничтожения большевиками большей части Успенского некрополя надгробия сына и отца фон Ган до наших дней не сохранились. Определить, таким образом, точное место погребения членов семьи Елены Петровны Блаватской в губернском городе Ставрополе теперь уже, увы, весьма затруднительно»⁷.

¹ Нутрихин Р.В. Ставропольский след в судьбе Елены Петровны Блаватской (к 185-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2016 год: краевед. сб. Ставрополь: Изд-во «Дизайн-студия Б», 2016.

Статский советник Позе Карп Антонович в 1869 г. служил начальником казначейства Ставропольской казенной палаты (Кавказский календарь на 1870 г.). Внесен вместе с детьми в 3-ю часть родословной книги Ставропольской губ. 5 августа 1856 г. Указ Сената 4 марта 1857 г. № 1511.

² Адрес-календарь 1869–1872 гг.; Кавказский календарь на 1870–1876 гг.

³ Кавказский календарь на 1882 год.

⁴ Кавказский календарь на 1885–1886 гг. В календарях на 1883–1884 гг. состав присяжных поверенных не приводился. Включение Л.П. Гана в список адвокатов на 1886 г. говорит о том, что он умер после выхода из печати этого адрес-календаря.

⁵ Нутрихин Р.В. Ставропольский след в судьбе Елены Петровны Блаватской (к 185-летию со дня рождения).

⁶ Кравченко В. Русская Жорж Санд. Писательница Елена Ган дважды ездила на Кавказские Минеральные Воды // Ставропольская правда (сайт). 30.05.2014; Фатов Н.Н. Библиографические материалы для изучения жизни и творчества Е.А. Ган. Петроград, 1914.

⁷ Нутрихин Р.В. Ставропольский след в судьбе Елены Петровны Блаватской (к 185-летию со дня рождения). Полковника П.А. Гана могли похоронить на лютеранском или военном кладбище. Единственным многонациональным и многоконфессиональным кладбищем Ставрополя, дошедшим до нас в более-менее сохранившемся состоянии, является Даниловское кладбище, носившее в разное время название Госпитального, Воробьевского, Софийского, где вплоть до 20-х гг. XX века обособленно располагался участок, называемый Военным кладбищем.

Петр Алексеевич Ган ушел из жизни в воскресенье 15 июля 1873 года. Е.П. Блаватская оказалась тогда слишком далеко от отца, она только что прибыла в Нью-Йорк. «В марте 1873 года уехала из Одессы в Париж, – сообщала Елена Петровна Альфреду Синнетту, – где остановилась у своего кузена Николая Гана (сына моего дяди, брата отца Густава Гана, матерью которого была графиня Адлерберг), кажется, на рю Университет, 11; затем в июле того же года я, согласно приказу, поехала в Нью-Йорк. С этого момента публика знает все. *Все открыто*»¹. А 29 октября того года Е.П. Блаватская получила телеграмму из Ставрополя от сестры Элизы (Елизаветы), которая извещала о смерти отца и о полученном ею наследстве².

«В нашей семье, – писала В.П. Желиховская, – почти не было примеров, чтоб потеря близких лиц не была нам возвещена, так или иначе, заранее»³. Чаще всего в квартире слышались громкие стуки, и Вера Петровна знала, «что они, со времени отъезда сестры Елены, никогда не раздаются даром...»⁴.

Та же история повторилась перед смертью отца, когда Желиховские проводили лето на даче в Манглисе: «Это было в июле месяце. Большого шума не было, но стук явственно слышала я, муж мой, Маша и дети. Впрочем, об этой потере я была заранее предупреждена тем же, обычным мне, чувством бесполезности моей молитвы об отце. Так, когда на другой день утром я увидала, что муж прячет от меня телеграмму, я во всеуслышание, при всех сказала:

– Дай сюда! Я знаю, что там: отец умер!

И это было так. Он тоже неожиданно скончался, проболев всего три дня, в Ставрополе, где жил с сестрою и братом, своими меньшими детьми»⁵.

Вероятно, мы не узнаем, когда Елена Петровна Блаватская встретила с отцом в последний раз. Судя по ее письмам, после отъезда с Кавказа она дважды приезжала на родину. «С 1865 по 1868 год, – оповещала Е.П. Блаватская князя А.М. Дондукова-Корсакова, – когда все думали, что я в Италии или где-нибудь еще, я побывала в Египте, откуда я должна была отправиться в Индию, но отказалась это сделать. Именно тогда я вернулась в Россию вопреки советам моего учителя, желавшего, чтобы я поехала в ламаистский монастырь Топ-Линг за Гималаями, где я так хорошо себя чувствовала, – вернулась, изменив маршрут, влекомая желанием вновь увидеть [...]»* (нет, простите, но я, видимо, не в силах это выговорить) – скажем, свою родную страну, и приехала в Киев, где потеряла все, что мне было дороже всего на свете...»⁶. И хотя Елена Петровна приехала, не известив «родственников о своем возвращении в Россию»⁷, нельзя исключить, что свидание с отцом в минуту жизни трудную могло состояться. В то время П.А. Ган проживал в Санкт-Петербурге и адрес его известен: «Ган Петр Ал-еев, от[ставной] СС [статский советник]. Вознесен[ский] пр[оспект] д. 22, кв. 10»⁸.

¹ Блаватская Е.П. Письма А.П. Синнетту.

Прибыла в Нью-Йорк 7 июля (*Крэнстон С. Е.П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения*).

Ган Николай Густавович (род. в 1835 в Одессе) – выпускник Императорского Дерптского университета (1858) (*Hasselblatt A., Otto G. Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat, 1889; Шумков А.А. Хотилицкие Ганы*).

² *Мэри К. Нэф. Личные мемуары Е.П. Блаватской; Олькотт Г.С. Листы старого дневника (1874–1878)* / Пер. с англ. Ю.А. Хатунцева. М., 2015.

³ Желиховская В.П. Необъяснимое или необъясненное // Ребус. 1885. № 6.

⁴ Там же // Ребус. 1885. № 7.

⁵ Там же. Маша – няня детей В.П. Желиховской из Ругодево, почти член семьи.

⁶ Из письма кн. А.М. Дондукову-Корсакову от 5 декабря 1881 г. (*Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам*).

«...вновь увидеть [...]» – слово вычеркнуто Е.П. Блаватской.

⁷ Блаватская Е.П. Письма А.П. Синнетту.

⁸ Общий алфавитный указатель жителям столицы // Всеобщая адресная книга С.-Петербурга. СПб., 1867–68.

Дом № 22 (с 1889 г. и до сего времени № 28) на Вознесенском проспекте сохранился до наших дней. Построенный в 1840 г. архитектором Б. Спиндлером по заказу седельного мастера Иоанна Разевиха, он и поныне известен под именем первого владельца. Со временем нумерация домов менялась, как и их владельцы.

В последующие годы Е.П. Блаватская еще раз побывала в России: «В 1869 году я поехала в Египет, а оттуда – снова в Индию и возвратилась в 1872 году. Затем, уже будучи в Одессе, в 1873 году я получила письмо от моего таинственного индуса, в котором он велел мне отправляться в Париж, и отбыла туда в марте 1873 года (кажется, второго числа). Сразу же по прибытии я получила еще одно письмо с указанием отплыть в Северную Америку, что я и сделала без всяких возражений»¹.

Так навсегда рассталась Елена Петровна с родиной. «Третий период жизни Е.П. Блаватской, – отмечает ее биограф Е.Ф. Писарева, – который она, начиная с 1873 года, провела последовательно в Америке (1873–1878), в Индии (1878–1884) и в Европе (1884–1891), был настолько известен, имел такое множество свидетелей, постоянно окружавших ее, что его можно проследить день за днем во всех подробностях»². Одинокая, незащищенная, она самоотверженно и бесстрашно устремилась к поставленной цели. Клевета, обвинения и угрозы, постоянное отсутствие средств, физические и нравственные страдания преследовали ее до конца дней.

Пророчески звучат слова самой Елены Петровны Блаватской: «Когда я умру и меня уже не будет, люди, возможно, воздадут должное моим бескорыстным стремлениям. Я дала клятву помогать людям на пути к Истине, пока я живу, – и я сдержу свою клятву»³.

Генри Олькотт, первый президент Международного Теософского общества, говорил о ней: «Ее жизнь, какую я узнал ее в течение последних 17 лет как друг, товарищ и сотрудник, была сплошным мученичеством из любви к людям. Она пылала ревностью к их духовному благу, к их духовной свободе и, далекая от какого бы то ни было эгоистического мотива, посвящала жизнь и силу делу любви, не ожидая ни благодарности, ни награды. За то она и была преследуема клеветами ханжей и фарисеев до самой смерти, которую они и ускорили своей злобой. И даже мертвой они не дают покоя, они стараются загрязнить ее прах, очернить ее память лживыми описаниями ее жизни»⁴.

Под прицел попала вся семья Е.П. Блаватской, не раз ее родственникам приходилось защищать ее, давать опровержения в прессе. Не желая причинить им лишнее беспокойство, Елена Петровна протестовала против обнародования их имен. «Достаточно грязи, скопившейся на *одном члене* семьи, – обращалась она к А.П. Синнетту в связи с задуманными им «Мемуарами»⁵, – ну давайте же не будем привлекать в книгу святые имена и имена, которые я уважаю, и заранее обрекать их тем самым на искажение»⁶.

Она умела любить и быть благодарной за каждое ответное движение родной души. И личные письма Елены Петровны Блаватской родным, самые верные свидетельства ее отношения к Вере Петровне Желиховской, к Надежде Андреевне Фадеевой, полны искренней любви к ним. Ожидание встречи с ними никогда не покидало ее:

«Подарите мне это единственное и величайшее счастье на склоне дней моих. Я все жду, жду, жду вас, родные мои, с нетерпением, какого вы себе и представить не можете...»;

В 1867–1875 гг. дом принадлежал А. Кушакевичу, в 1889 г. – Левицкому, в 1913 г. домом владели Г.И. Левицкий-Рогаль и П.Ф. Кушакевич

(*Нистрем К.* Адрес-календарь Санктпетербургских жителей. СПб., 1844. Т. 3; Список домовладельцев Петербурга с обозначением улиц и участков // Всеобщая адресная книга С.-Петербурга. СПб., 1867–68; *Нейдгардт П.* Список домам С.-Петербурга по полицейским частям и участкам. СПб., 1869; *Гонне Г.* Табель домов гор. С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охтою. СПб., 1875; Табель домов города С.-Петербурга, с показанием новой и старой полицейской нумерации домов. СПб., 1889; Весь Петербург на 1913 год: Алфавитный список улиц города СПб и его пригородов. СПб., 1913).

¹ Из письма кн. А.М. Дондукову-Корсакову от 5 декабря 1881 г. из Бомбея // *Блаватская Е.П.* Письма друзьям и сотрудникам.

² *Писарева Е.Ф.* Елена Петровна Блаватская // Вестник Космической эволюции.

³ Окультизм Е.П. Блаватской. Воспоминания и впечатления тех, кто ее знал. Сборник / Сост. Д.Х. Колдуэлл, пер. с англ. О. Матвеева. М.: Сфера, 1996.

⁴ О Елене Петровне Блаватской. Воспоминания, свидетельства, отзывы // Вестник Космической эволюции.

⁵ Книга вышла под названием «Случаи из жизни госпожи Блаватской» (*Sinnett A.P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, compiled from information supplied by her relatives and friends and by edited A.P. Sinnett. London, 1886. 324 p.*).

⁶ *Блаватская Е.П.* Письма А.П. Синнетту.

«Я готова пожертвовать последней каплей крови ради теософии, но что до теософов, то едва ли испытываю любовь к кому-либо из них лично. Я не способна любить кого-нибудь лично, кроме вас, моих родных...»;

«Милая моя, драгоценная моя Надежда Андреевна! Вот уже много лет я не плакала, но теперь все глаза выплакала с того момента, когда поезд тронулся и я потеряла вас из виду. <...> Милая моя, это новое расставание с вами так мучительно для меня, и все же утешает то, что мы смогли повидаться и еще лучше узнать друг друга. Признаюсь вам, друг мой, что нет в жизни ничего лучшего, нежели находить утешение и счастье в вещах и в людях, которых любила с детства. Такое не умирает, оно остается бесконечно жить в вечности»¹.

Последняя встреча Е.П. Блаватской с сестрой Верой Петровной состоялась в Лондоне летом 1890 года. «Я с дочерьми, – писала потом В.П. Желиховская, – приехала столько же для нее, как и для свидания со старшей сестрой их [Верой Джонстон], только что вернувшейся с мужем из Индии. Елена Петровна не позволила нам жить у них, а непременно потребовала, чтобы мы у нее поселились... <...> Любимейшим удовольствием ее было в эти последние наши вечера слушать русские, простые песни... То и дело обращалась она то к одной, то к другой из дочерей моих с заискивающей просьбой в голосе:

– Ну, попой что-нибудь, душа!.. Ну хоть *Ноченьку!*.. Или *Травушку*... Что-нибудь наше родное спойте...

Последний вечер перед отъездом нашим до полуночи дочери мои, как умели, тешили ее; пели ей *Среди долины ровныя* и *Вниз по матушке по Волге*, и русский гимн наш, и русские великопостные молитвы.

Она слушала с таким умилением, с такою радостью, будто знала, что больше русских песен не услышит»².

Духовная и кровная привязанность к России прослеживается в биографических материалах о Е.П. Блаватской, публикациях самой Елены Петровны и ее многочисленной переписке. Вдали от родины, где бы она ни находилась, сердце ее тосковало по России и родным душам: «В Россию уж назад *никогда* не вернусь. Отец умер, никому я не нужна и совсем лишняя на свете»³.

«...Чем более старею, – писала Е.П. Блаватская в одном из писем, – тем более болит душа по России, которую уж никогда не увижу. Не потому что не могла бы вернуться, а п[отому] ч[то] поклялась не возвращаться и умереть в Индии, где меня и сожгут. Но это мне не мешает оставаться горячей патриоткой и даже быть готовой положить жизнь за родину, даже за царя, хоть я его и променяла, сделавшись американской гражданкой»⁴.

«Все, что я знаю, – открывала свою душу Елена Петровна в письме А.М. Дондукову-Корсакову, – это то, что моя любимая страна никогда не имела дочери более преданной, чем я...»⁵.

Елена Петровна Блаватская, как утверждают все, кто составлял ее окружение, обладала «поразительной, не знавшей границ, искренностью», которая сказывалась «в каждом проявлении ее пламенной души»⁶. Так, видимо, не случайно полковник Олькотт вынес свое впечатление о Петре Алексеевиче Гане, назвав его «вечно снисходительным, терпеливым и горячо любимым отцом» Елены Петровны⁷. Она берегла портреты родных и отца, они всегда украшали те комнаты, где жила и работала Елена Петровна.

После ухода Елены Петровны Блаватской с земного плана 26 апреля – 8 мая 1891 года по решению теософской общины все вещи в ее рабочем кабинете сохраняются в том виде, в каком были при жизни нашей великой соотечественницы, с обстановкой, вещами, рукописями, книгами, «кроме множества семейных портретов, которыми она всегда была

¹ Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам.

² Желиховская В.П. Елена Петровна Блаватская. Биографический очерк.

³ Из письма А.Н. Аксакову от 11 февраля 1875 г., если верить такому источнику: Соловьев Вс. «Современная жрица Изиды». Мое знакомство с Е.П. Блаватской и «теософическим обществом». СПб., 1893.

⁴ Из письма проф. И.П. Минаеву от 16 февраля 1880 г. // Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам.

⁵ Из письма кн. А.М. Дондукову-Корсакову от 5 декабря 1881 г. // Там же.

⁶ Писарева Е.Ф. Елена Петровна Блаватская // Вестник Космической эволюции.

⁷ Олькотт Г.С. Листы старого дневника (1874–1878); Мэри К. Нэф. Личные мемуары Е.П. Блаватской. Англ.: «...her ever-indulgent, forbearing, and beloved father, died».

окружена». Их, «с согласия теософистов, как предметы, *без нее* чуждые месту и делу»¹, увезла в Россию В.П. Желиховская. «Точно также неприкосновенно остается и ее место в Lecture Hall, в зале митингов, – описывала Вера Петровна те дни. – Единственный раз, что я была там после смерти сестры, на митинге 21 (9) мая, где в память ее было сказано много сердечных слов, полных благодарности и чувства, мне и грустно и отрадно было видеть, каким светлым ореолом любви и глубокого уважения эти люди окружают все, что напоминает им ее. Большое кресло ее также стоит на возвышении, но никто его не касается: оно закрыто индийскою шалью, на него наброшенною ради неприкосновенности места “той, которую никто заменить не может”, а за ним возвышается на мольберте ее большой портрет...»².

В 1892 году полковник Г.С. Олькотт предложил назвать день годовщины ухода Е.П. Блаватской «Днем Белого Лотоса» и закрепил распоряжение относительно ежегодной памятной церемонии изданием специального приказа.

С тех пор 8 мая – день памяти основательницы Теософского общества Елены Петровны Блаватской, ставшей духовным водителем для многих людей разных стран, целеустремленная деятельность и фундаментальные труды которой сыграли огромную роль в сближении Востока и Запада, – отмечается во всем мире как День Белого Лотоса, издревле почитаемого священным в Египте, Индии и других местах.

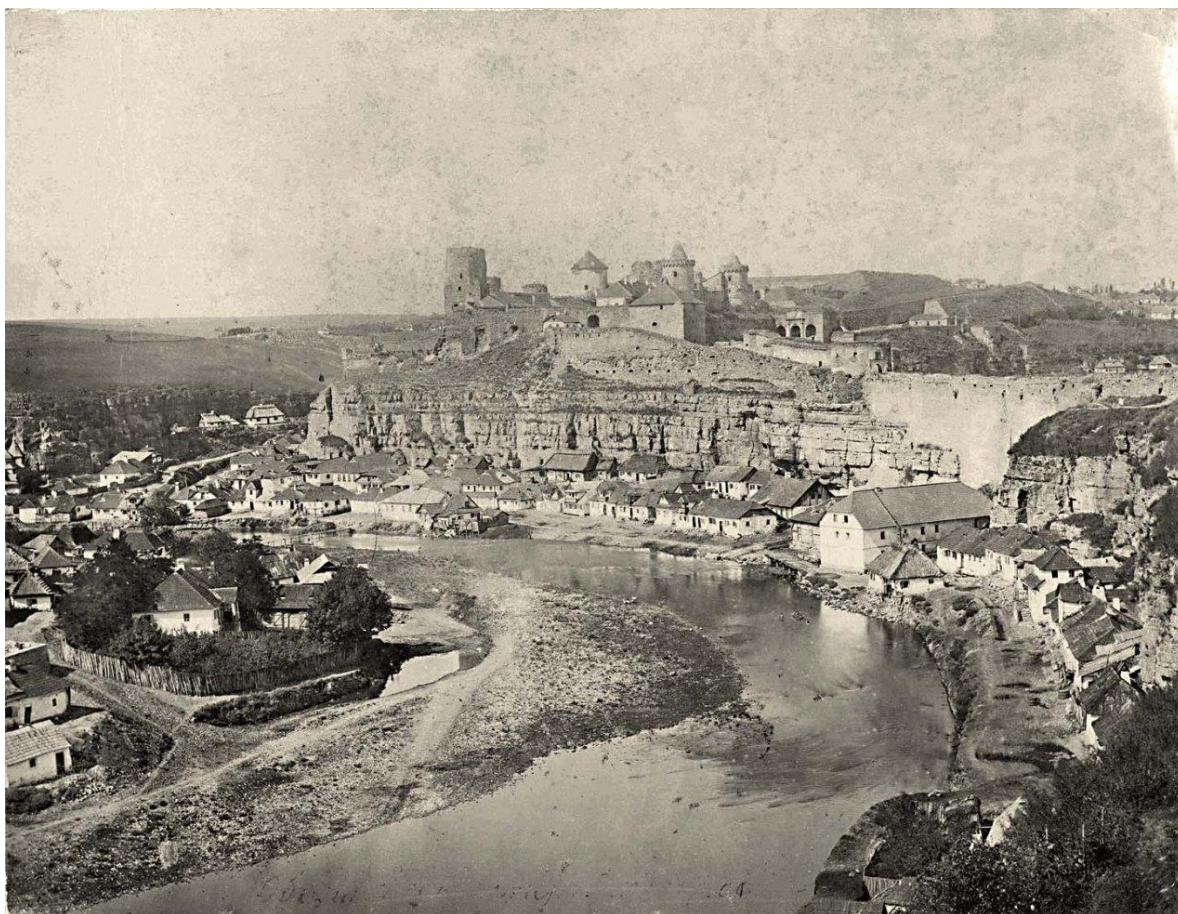
Глубоко почитая жизненный подвиг Е.П. Блаватской, Елена Ивановна Рерих предвидела то время, когда русский народ воздаст должное Елене Петровне, ее гениальной душе и знаниям, и писала о ее жертвенной доле со всею сердечностью, с горячим чувством и уважением в каждой строчке: «Она была большой патриоткой и страдала, что ей придется жить и умереть на чужбине. Подвиг ее был велик: одинокая, всеми преследуемая, всеми и во всем подозреваемая, без средств, без знания языка прибыла она в Америку, чтобы явить миру прекраснейшее Сокровенное Учение, дать впервые религиозно-философский синтез всех веков и народов, создать международный Братский Союз, дать величайшее счастье знания о существовании Великих Хранителей и Водителей нашего человечества и пути к Ним. Кто не преклонится перед нею, принявшей на себя такой подвиг среди бездны невежественных отрицаний, подозрений и гонений? Истинно, она была мученицей за уявленное ею новое спасение человечеству в эпоху удушающего и разлагающего материализма. Но это мученичество сплело ей новый прекрасный ВЕНЕЦ. Пошлем ей наше восхищение, нашу признательность и нашу любовь»³.

* * *

¹ Желиховская В.П. Елена Петровна Блаватская. Биографический очерк // Русское обозрение. 1891. № 12.

² Там же.

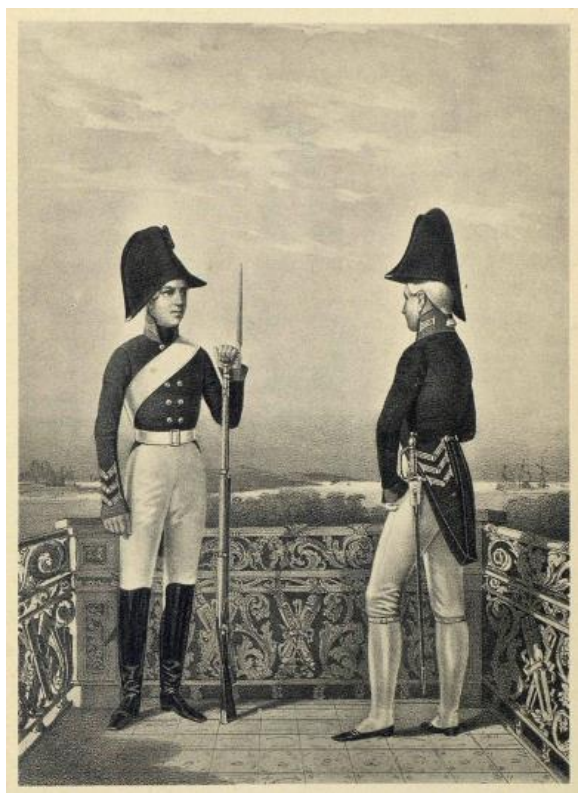
³ Рерих Е.И. Письма. В 9 т. Т. VII (1940–1947). М.: Международный Центр Рерихов, 2007.

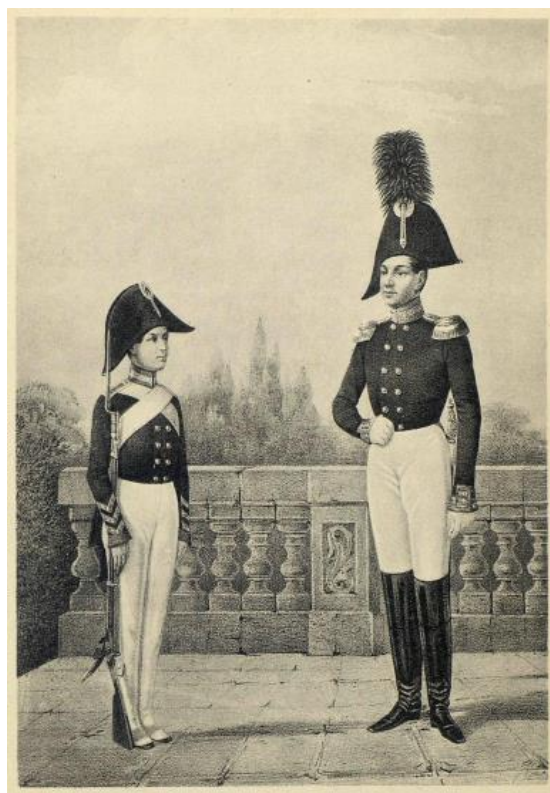
Каменец-Подольская крепость. Конец XIX в.

Современный вид Каменец-Подольского замка

Паж и камер-паж Пажеского корпуса,
1802–1807

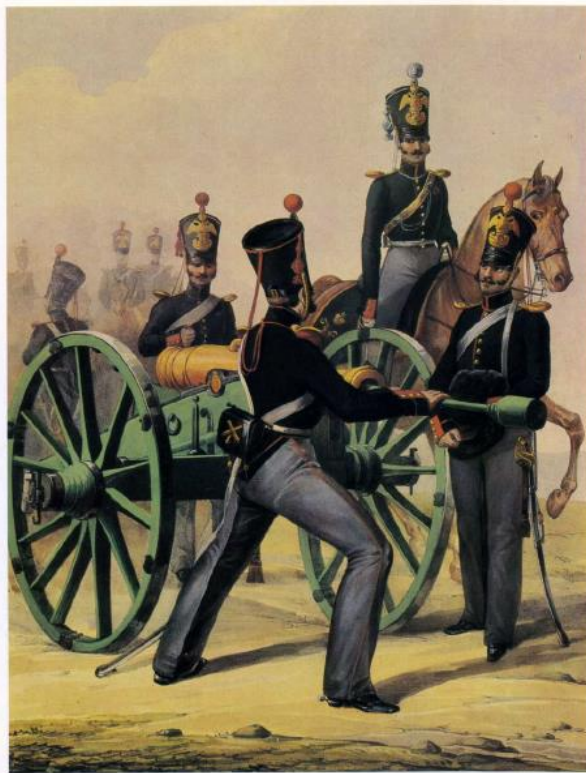
Паж и штаб-офицер Пажеского корпуса,
1812–1825¹

Императорский Пажеский корпус (бывший дворец М.И. Воронцова) на Садовой ул.
в Санкт-Петербурге²

¹ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск: с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. СПб., 1901.

² Воспоминание о Пажеском Его Императорского Величества Корпусе / рис. с натуры И.Шарлемань, рис. на камне А.Авнатамов и Н.Брезе. СПб.: Лит. Александра Петерсона, 1859.

Белоусов Л.А. Ober-офицер и рядовые конноартиллерийской бригады. 1839 г.
«На литографии изображено, как расчет конноартиллерийской легкой батареи заряжает
шестифунтовую бронзовую пушку. За рядовыми наблюдает всадник – командующий
расчетом ober-офицер»¹

Виллевальде Б.П. Сражение при Грохове под Варшавой 13 февраля 1831 г.,
в котором принимал участие П.А. Ган. Середина XIX в.

¹ *Глинка В.М.* Русский военный костюм XVIII – начала XX века. Л., 1988.

Елена Петровна Блаватская ,
(Радла-Бай).

Фронтиспис издания «Из пещер и дебрей Индии: Загадочные племена на “Голубых горах”. Дурбар в Лагоре». Сочинение Радла-Бай (Е.П. Блаватской). С биографией автора, написанной В.П. Желиховской. С.-Петербург: Издание книгопродавца В.И. Губинского, 1893. Автор портрета – П.Вишневский

Изображения Густава Алексеевича Гана, дяди Е.П. Блаватской, пряжки и медали «За храбрость» ее отца П.А. Гана за боевые заслуги в Русско-турецкой войне 1828 г. из репортажа полковника Г. Олькотта в нью-йоркской газете «The Daily Graphic», зарисованные во время сеанса на ферме братьев Эдди в штате Вермонт в 1874 г.

Медаль «За турецкую войну 1828–1829 гг.»

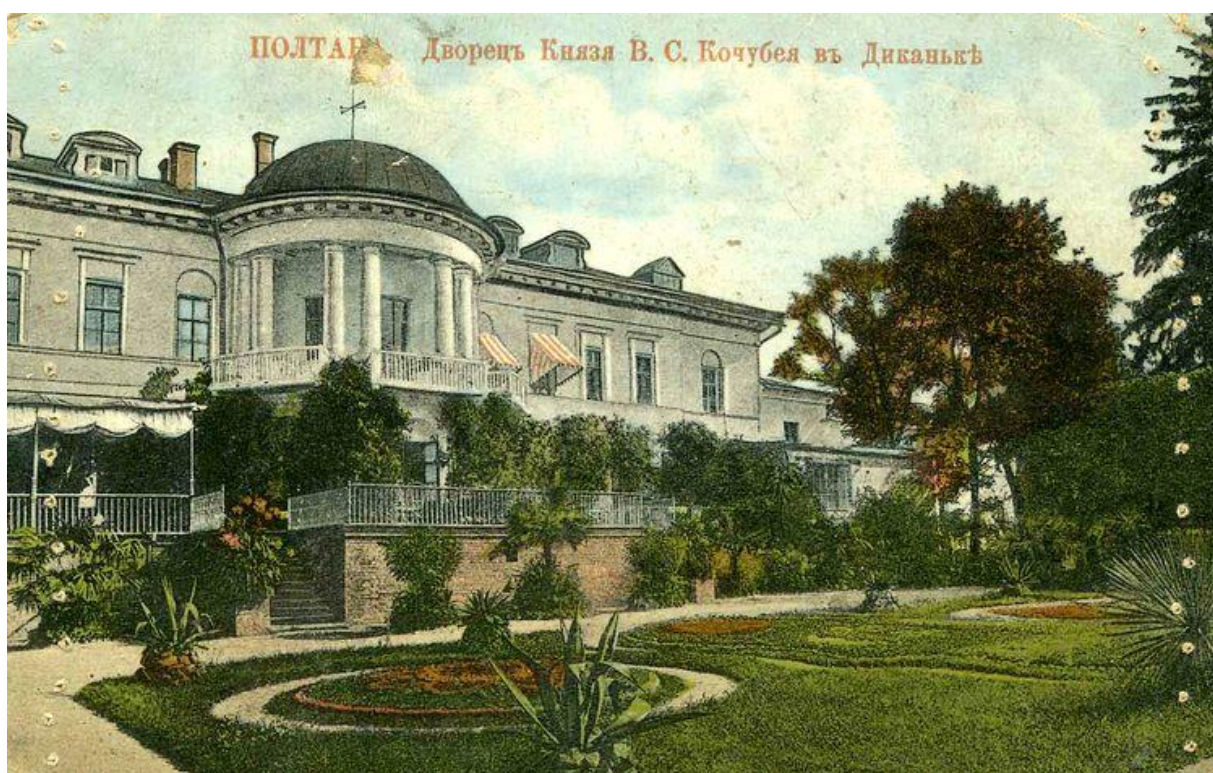
Медаль «За храбрость» с портретом императора Николая I.
СПБ монетный двор, 1825–1840 гг.

Дом в Екатеринославе, где проживала семья А.М. Фадеева и родилась Е.П. Блаватская.
Ныне Музейный центр Е.П. Блаватской и ее семьи,
г. Днепропетровск (Днепр), ул. Ленинградская, 11. Украина

Этот портрет Елены Андреевны Ган украшает второе собрание ее сочинений, изданное в 1905 г. Автор и местонахождение портрета неизвестны. В предисловии к изданию сообщается: «Воспроизводимый нами здесь (и едва ли не впервые) портрет Елены Андреевны, нарисованный по смерти ее, любезно доставлен нам внучкою писательницы Н.В. Желиховской, которой и приносим нашу сердечную признательность, равно как С.Ю. Витте и Н.А. Фадеевой, облегчившим нам розыски этого портрета»¹

Здесь, в Диканьке, в гостях у Льва Викторовича Кочубея и его жены бывала Елена Андреевна Ган с дочерьми Еленой и Верой

¹ Ган Е.А. Полное собрание сочинений. СПб., 1905.

Неизвестный художник. Портрет «Две Елены». Предположительно, 1844–1845 гг.
Днепропетровский Музейный центр Е.П. Блаватской и ее семьи

Одесса. Ворота Первого (Старого) христианского кладбища на ул. Преображенской, где похоронены Елена Андреевна Ган и другие представители семьи Фадеевых и Витте. В 30-е годы прошлого века кладбище одесской знати снесли, на его месте разбили парк, названный в честь В.И. Ленина и переименованный в 1995 г. в парк Преображенский

Я нижеследующимъ даю ей реверс
 въ томъ, что если по вышеизложенной моей просьбѣ
 разрѣшится мнѣ увольнение отъ службы со
 назначеніемъ въ вышн. 30^{ти} лѣтнего возраста
 установленнаго пенсіона полного или неполнаго
 или по прошествіи, то быть о немъ
 противнаго просить ни гдѣ не буду. Мнѣ
 по отставкѣ буду жить въ Губернскомъ
 Городѣ Саратовѣ. Декабря 2го дня 1844го года
 Саратовской Губерніи Синодальскаго унзуса №
 Деревня. 3^{ей} Роты Артиллерійской Бри-
 гадѣ Командиръ Роты легкой № 6ой
 Батареи Подполковникъ Ганъ В. —

Автограф подполковника П.А. Гана
 в прошении об увольнении из армии от 2 декабря 1844 г.

Шарль Бонье (Charles Bagniet). Портрет Игнаца Мошелеса. Лондон, 1846.
 Игнац Мошелес (1794–1870) – известный композитор, пианист-виртуоз и педагог,
 у которого брала уроки музыки Е.П. Блаватская

Саратовские исследователи полагают, что в этом доме на Армянской (ныне Волжской) ул., 28, в 1841–1846 гг. проживал губернатор А.М. Фадеев с семьей¹. В одних краеведческих источниках указывается, что дом принадлежал Федоровскому, в других – Афанасьеву.

После отъезда А.М. Фадеева на Кавказ оставшаяся семья Витте с детьми П.А. и Е.А. Ганов в 1846–1847 гг. проживала в доме Новиковых на Сенной площади. В бывшем губернаторском доме разместилось лютеранское общество, а затем реальное училище. В советское время в здании находилась музыкальная школа. В 60-е годы дом снесли и на его месте построили издательский комплекс

Тот же дом Фадеевых на Армянской улице, 28, хорошо виден и на фотографии 1901–1905 гг.²
На нижнем плане парк Липки

¹ Фотографии старого Саратова (сайт). Режим доступа: <https://oldsaratov.ru/tags/dom-afanaseva>

² Там же. Режим доступа: <https://oldsaratov.ru/photo/1050>

Впервые подъезжая к дому дедушки в Саратове, маленькая Вера Ган «увидела много огоньков, а впереди что-то такое большое, светлое, в два ряда унизанное светящимися окнами...». Въехали в каменные ворота и остановились у ярко освещенного подъезда. Дом А.М. Фадеева, по словам Веры Петровны, был на самом деле большим «с высокими лестницами и длинными коридорами. В нижнем этаже жил сам дедушка и помещалась его канцелярия. В самом верхнем были две спальни: и бабушки, и тетины, и наши. В среднем же... были приемные комнаты – зала, гостиная, диванная, фортепьянная». Детская, где спали Елена, Вера и их няня Настасья, была длинная и низкая¹. То, что в доме имелся невысокий третий этаж, не имеющий окон на фасадной стороне, можно предположить, глядя на эту фотографию². Однако вопрос, почему В.П. Желиховская называла дом трехэтажным и куда пропал третий этаж, до сих пор не решен саратовскими краеведами

Мариинский детский приют в Саратове, учредителем и попечителем которого являлась Елена Павловна Фадеева, бабушка Е.П. Блаватской, открылся 3 октября 1843 г. Этот приют, по крайней мере до ее отъезда из Саратова в 1846 году, признавали образцовым³

¹ Желиховская В.П. Как я была маленькой. Из воспоминаний раннего детства. СПб., 1894.

² Фотографии старого Саратова (сайт). Режим доступа: <https://oldsaratov.ru/tags/dom-afanaseva>

³ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

Александрo-Невский кафедральный собор в Саратове¹

Как вспоминала В.П. Желиховская, перед домом Фадеевых находился видимый прямо из окон большой собор с круглым куполом и высокой колокольной, окруженный аллеями бульвара с липами и кустами сирени. В 1840 г. в Александрo-Невском соборе крестили новорожденного Леонида Гана, а в 1844 г. венчались Екатерина Андреевна Фадеева и Юлий Федорович Витте. Поручителем со стороны невесты являлся подполковник конной артиллерии Петр Алексеевич Ган. «Бог благословил этот брак семейственным счастьем»², – писал А.М. Фадеев.

Наполеон Орда. Доминиканская улица в Гродно. Рис. 1867 г.

Слева – гостиница «Ромера». Справа видна часть двухэтажного здания Гродненской губернской почтовой конторы, где служил П.А. Ган, и далее дом вице-губернатора К.О. Максимовича. Здание почты неоднократно перестраивалось, со временем появился третий этаж и треугольный фронтон.

¹ Фотографии старого Саратова (сайт). Режим доступа: <https://oldsaratov.ru/tags/dom-afanaseva>

² Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева.

Справа перестроенное здание бывшей Гродненской почтовой конторы и дом К.О. Максимовича на улице Э. Ожешко (бывшей Доминиканской), № 1 и № 3

Современный вид бывшей почтовой конторы на улице Э. Ожешко. Сейчас это общежитие Гродненского медицинского университета

Псков. Дом Николая Александровича Яхонтова на углу Садовой (Пушкинской) и Архангельской (Ленина) улиц¹

Именно в этот псковский дом Яхонтовых приехала Е.П. Блаватская на Рождество 1858 г. после десятилетних странствий. По воспоминаниям А.Н. Яхонтовой-Высоцкой, внучки поэта А.Н. Яхонтова (деверя В.П. Желиховской), зимой семья ее прадеда и деда жила в своем городском доме с колоннами на углу Пушкинской и Архангельской улиц². Как писала В.П. Желиховская, дом свекра Н.А. Яхонтова был одноэтажным³. Вскоре после смерти Н.А. Яхонтова 11 мая 1859 г. наследники продали их дом⁴. В конце XIX века дом приобрел Ф.А. Ушаков, видный историк и археолог: «Семья Ушаковых жила в доме на углу Архангельской (Ленина) и Садовой (Пушкинской) улиц. Этот дом в 20-е гг. принадлежал Николаю Александровичу Яхонтову, известному общественному деятелю и доброму знакомому А.С. Пушкина. В 1883 г. Ушаковы приобрели этот дом с мезонином, флигелем и надворными постройками у Марии Николаевны Сорокиной, которой он достался по наследству (по материнской линии)»⁵.

¹ Медников М.М. Ф.А. Ушаков – педагог, историк, археолог // Псков: историко-краеведческий журнал. 2001. № 15.

² Яхонтова-Высоцкая А.Н. Семейная биография моего деда-поэта Александра Николаевича Яхонтова // Псковский государственный объединённый историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (ПГОИАХМЗ). Фонд Яхонтовой-Высоцкой. КП 16340, № 12.

³ Желиховская В.П. Необъяснимое или необъясненное // Ребус. 1885. № 4.

⁴ Левин Н.Ф. Не одной поэзией жив человек. Служебная, земская и общественная деятельность А.Н. Яхонтова // Псковiana (сайт). Режим доступа: <http://pskoviana.ru/istoriya/persony/142-85-let-n-f-levinu/1141-levin-n-f-ne-odnoj-poeziej-zhiv-chelovek>

⁵ Медников М.М. Ф.А. Ушаков – педагог, историк, археолог.

Впоследствии дом Ф.А. Ушакова был продан помещице О.В. Бибиковой.

Санкт-Петербург. Вид в сторону Адмиралтейства от Вознесенского моста
вдоль Вознесенского проспекта. Начало XX в.

В доме № 22 (сейчас это № 28) на Вознесенском проспекте, построенном в 1840 г. архитектором Б. Спидлером по заказу седельного мастера И. Разевиха, в 1860-е гг. проживал статский советник в отставке П.А. Ган.

Предположительно, после отъезда с Кавказа Е.П. Блаватская навестила отца в Петербурге, о чем свидетельствует ее портрет, размещенный в книге «Блаватская Е.П. Статьи в русской прессе»¹. На лицевой стороне портрета указан изготовитель – Фотография Везенберг и К^о. С 1865 г. на Вознесенском проспекте справа от Вознесенского моста в доме Макарова, № 26 (сейчас это № 32), располагался фотосалон «Везенберг и К^о»², хорошо различимый на представленной старинной открытке. Возможно, именно в этом салоне сфотографировалась Е.П. Блаватская.

* * *

Дом Разевиха на Вознесенском проспекте сохранился до наших дней. В настоящее время он внесен в «Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность».

¹ «Эта фотография впервые была опубликована в журнале “The Review of Reviews” (New York, V. VIII, December, 1893, P. 659)» (Блаватская Е.П. Статьи в русской прессе / Сост. А.Д. Тюриков. Донецк: Изд-во «Ноулидж», 2013).

² Табель домов города С.-Петербурга, с показанием новой и старой полицейской нумерации домов. СПб., 1889.

Лондон, лето 1888 г.

Елена Петровна Блаватская с сестрой Верой Петровной Желиховской.

На втором плане: Вера Владимировна Желиховская (племянница Е.П.Блаватской),

Чарльз Джонстон, ставший ее мужем, и полковник Генри Олькотт

В мае 1888 г. В.П. Желиховская потеряла сына Валериана, и Елена Петровна, стараясь облегчить горе сестры, горячо призывала ее приехать в Лондон: «...Приезжай, милая. Приезжайте все вместе, дорогие мои... У тебя будет отдельная комната, а еще у нас есть свой сад, дивный тенистый садик, и в нем распевают птицы, совсем как в деревне. Тебе будет уютно, и бедных девочек это хоть чуть-чуть, насколько это возможно, отвлечет... <...> Ради Бога, настройся! Приезжай!.. Постарайся не передумать. Надежда увидеться с тобою вдохнула в меня новую жизнь. Это моя первая радость, мой первый лучик света в этой тьме горя и страданий, моих *одиноких* страданий, моих несказанных страданий по тебе!.. Приезжай, милая...»¹.

Рабочий кабинет Е.П. Блаватской в Лондоне

¹ Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам. М.: Сфера, 2002.

Фадеева Надежда Андреевна (1829–1919),
младшая дочь Фадеевых, тетя Е.П. Блаватской, председатель первого российского отделения
Теософского Общества, основанного в Одессе в 1883 г.

«Судьба определила Н.А. Фадеевой стать ангелом хранителем семьи, ее наследия, архивов и коллекций, и на многие годы самым близким и доверенным другом Елены Петровны Блаватской. Она подготовила и дважды издала мемуары отца, написала ряд статей, посвященных матери и ее древнему роду, опубликовала несколько статей, посвященных старшей сестре Е.А.Ган, а также подготовила к изданию полное собрание ее сочинений»¹.

Тесная дружба на протяжении всей жизни с Еленой Петровной Блаватской, интерес к теософии и, как пишут, «строгое научное направление Надежды Андреевны Фадеевой было причиной избрания ее в члены-корреспонденты Нью-Йоркского Теософического Общества»²:

«1877 г., января 25

Подлинное письмо (на Французском языке) президента Теософического Общества в Нью-Йорке В.С. Олькотт к Надежде Андреевне Фадеевой: «Милостивая Государыня. Так как Теософическому Обществу уже несколько времени тому назад сообщено его секретарем-корреспондентом, вашею высокоуважаемою племянницею г-жею Блаватскою, о том, что вы глубоко преданы науке, то вас единогласно избрали в члены-корреспонденты означенного Общества, получив приказание переслать вам прилагаемый диплом, я с величайшим удовольствием исполняю эту обязанность Совета Правления. Теософическое Общество счастливо и польщено тем, что может включить столь знаменитое имя в список своих членов. Если для вашего личного образования, вы пожелали бы время от времени сообщать результаты ваших психологических работ или заметок об интересных случаях, встреченных вами на вашем пути, мы сочтем себя обязанными сообщать об этом Американскому Обществу, в отчетах, которые наше Общество печатает каждые три месяца. От себя лично хочу еще вам сказать, что большая ученость г-жи Блаватской и внутренние ее качества сроднили ее со всеми мужчинами и женщинами, с которыми она находилась в ежедневном общении со времени основания Общества. Уважение и почтение, которые мы к ней питаем, усугубляют нашу радость вступить в переписку с человеком столь близким к ней. Примите уверение в глубочайшем почтении преданного вам слуги. В.С. Олькотт, президент Теософического Общества».....л. 207»³.

¹ Музейный центр Е.П. Блаватской и ее семьи (офиц. сайт). Режим доступа: <https://museum-blavatsky.com.ua/ru/family/10/>

² Автографы известных и замечательных людей. (Из архива С.Ю. Витте) / С предисл. и примеч. А.П. Барсукова. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1905.

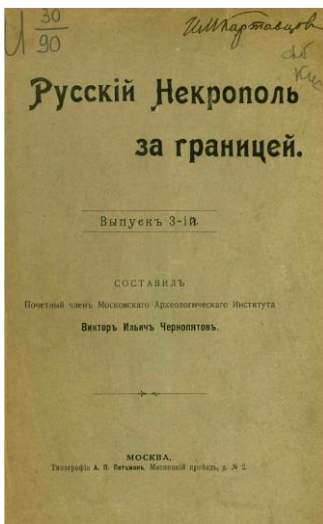
Рукописный сборник под таким заглавием в распоряжение Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III предоставил С.Ю. Витте. Сборник заведен тайным советником А.М. Фадеевым, продолжен его сыном Р.А. Фадеевым и перешел по наследству С.Ю. Витте, который являлся собственником старинных Долгоруковских портретов и бумаг, а также хранителем заветной святыни князей Долгоруковых – креста их родоначальника святого князя Михаила Черниговского, замученного в Орде в 1246 году.

³ Там же. «Письмо переведено с Французского языка на Русский графиней Екатериной Павловной Шереметевою».

После смерти Е.П. Блаватской русская пресса опубликовала ряд некрологов, в частности журнал «Исторический вестник» сообщал:

«† 26-го апреля в Лондоне Елена Петровна Блаватская, известная в литературе под псевдонимом “Радда-Бай”. Е.П. была неутомимой путешественницей. Картинные, богатые красками описания этих путешествий и создали ей известность. Первые путешествия совершены были ею в пятидесятых годах. Посещения разных стран Европы, странствования по Турции и Египту дали ей разнообразный материал. В семидесятых годах покойная прожила довольно продолжительное время в Америке, сделавшись большой поклонницей американских нравов и привычек. Поддавшись их влиянию, она сохранила затем отпечаток американской деловитости и энергии на всю жизнь. Первый печатный труд г-жи Блаватской («Isis Unveiled») появился лет пятнадцать тому назад; вслед затем лет пять и года два назад появились два других капитальных труда на английском языке. Е.П. скончалась шестидесяти лет, но до последних дней жизни сохраняла почти юношескую энергию, всем интересовалась и работала с увлечением. Жизнь ее, сложившаяся совсем особенным образом, была полна перемен. Уроженка юга России (Е.П. родилась в 1831 г. в Екатеринославе), она по своей живой, увлекающейся натуре не могла довольствоваться спокойною жизнью; жажда новых впечатлений, перемены мест, всегда волновала ее. Первым толчком к путешествиям было чтение Е.П. Блаватскою описаний Индии. Эти описания увлекли тогда еще совсем молодую женщину. Во всех ее путешествиях и в особенности в двухкратном путешествии по Америке сказывалась большая доза бесстрашия. Этим же бесстрашием покойная возбудила большой интерес к своей, сопряженной с риском, поездке в Центральную Азию – в область Тибета. Трудно перечислить все экскурсии покойной. Легче определить, где она не была в течение своей сорокалетней деятельности, чем подвести итог массе ее путешествий. Западная Европа, Северная Африка, Южная и Центральная Азия – вот страны, которых в большей или меньшей степени коснулись многочисленные маршруты покойной. Во время этих скитаний она счастливо избегала разных бед и опасностей, которым не один раз подвергалась и на суше, и на воде, испытав, между прочим, морскую аварию. Лет пятнадцать назад Е.П. Блаватская стала во главе основанного ею в Америке Общества теозофистов и издавала при этом Обществе специальный журнал. Года четыре назад покойная переехала на жительство в Лондон. Хотя Е.П. Блаватская очень много писала на английском языке, но участие ее и в русской журналистике также замечательно»¹.

* * *

В начале XX в. почетный член Московского археологического института В.И. Чернопатов собрал материалы и опубликовал несколько трудов о некрополях в России и за границей. С юных лет во время путешествий он считал необходимым навестить тех, кто уже ушел в вечность и трудами которых мы живем, а издание «Русского некрополя за границей» называл крайне полезным и необходимым и для историков, и для юристов. В 3-м выпуске этого издания сохранилась краткая запись о Е.П. Блаватской²:

Блаватская, Елена Петровна, рожд. Ганъ, писательница и теософка, род. въ 1831 г., въ Екатеринославѣ, ум. 8 мая 1891 г. въ Лондонѣ.

¹ Блаватская Елена Петровна, писательница. (Некролог) // Исторический вестник. 1891. Т. 44.

² Чернопатов В.И. Русский Некрополь за границей. Вып. 3. М., 1913.